

Колосъ

4

АПРЕЛЬ

1966

Мы все хотим побывать на Луне...

Фото А. Ритова

В ЭТОМ НОМЕРЕ

История с географией

рассказ Л. РАДИЩЕВА 2

Стихи

А. КРЕСТИНСКОГО 5

Почта КОСТИ ТЕРКИНА 7

Дачник

отрывок из повести С. ДАВЫДОВА 8

Клуб Жака Паганеля 12

Рассказ об одной дружбе

статья Г. ДЕИЧА 17

Стихи наших читателей 20

Там, вдали за рекой

повесть Ю. КОРИНЦА 21

Мы — ясли

репортаж В. ШУМИЛИНА 40

Вот к чему упрямство приводит

рассказ И. ПЕТКЕВИЧ 43

Контршпион

документальная повесть М. ХЕЙФЕЦА 44

Стол загадок 49

Движутся ли материки?

интервью с профессором Н. ПАВЛОВЫМ 49

Школа „Спринт“ 51

Что? Где? Когда? Почему?

заметки, фото, рисунки 52

Высотница

рассказ Н. ШОРИНА 54

Говорит мастер-фламастер 55

Ганта

удэгейская сказка 56

Уголёк

журнал для малышей 57

Про тень

очерк Л. ТАРАСОВА 59

Ураган

приключения в картинках Ю. ЛОБАЧЕВА 62

Уголок веселого архивариуса 63

Шахматы 64

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

РАССКАЗ

Леонид Радищев

Рисунки В. Бескаравайного

Конец ссылки был уже близок. Все тягостнее становилось ожидание. В письме на волю Надежда Константиновна писала, что считает не только дни и часы, но даже минуты, которые остается ей отбыть в Уфе. Тяжесть ожидания усиливалась еще и тем, что от Владимира Ильича, находившегося тогда за границей, давно уже не было никаких вестей.

Несмотря на всю сложность тайной, шифрованной переписки, связь с ним наладилась по началу неплохо. У Надежды Константиновны имелся в Уфе «верный адрес». Принадлежал он скромному служащему уфимского земства. В партии земец не состоял, жил тихо и мирно, не привлекая к себе внимания жандармов и полицейских шпииков. Вместе с тем, он оказывал некоторые услуги революционной работе. На его имя поступала заграничная корреспонденция, и он передавал ее Надежде Константиновне. Такие адреса считались у подпольщиков самыми верными.

И с той и с другой стороны письма были вполне невинного содержания. В них говорилось о здоровье родственников, о посещении театра или музея, посылались поклоны и поздравления с праздником. Царской цензуре не к чему было придираться.

А между строками этих невинных посланий вписывалось «химией» другое письмо, невидимое постороннему глазу, и только получатель знал, как его прочесть.

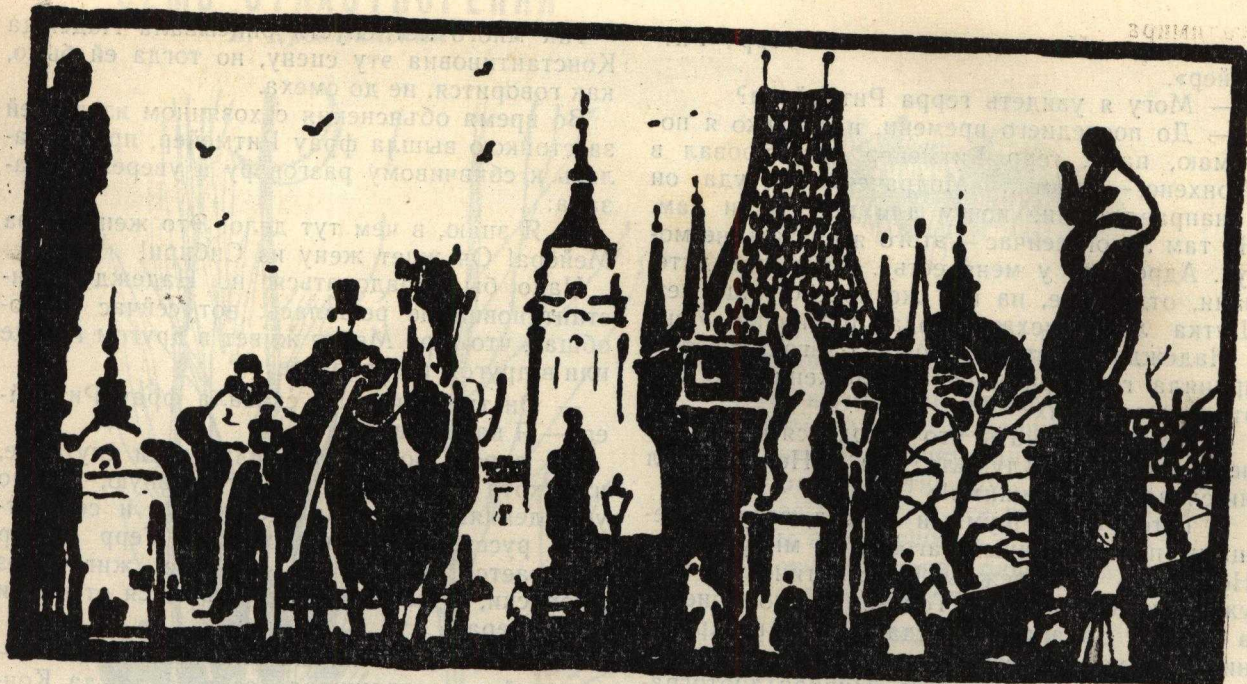
Кроме писем, был еще один способ почтового отправления, который Владимир Ильич считал наиболее подходящим для конспирации: книжная бандероль.

Какой-нибудь благонамеренный роман ни у кого не вызывал подозрений. Обыкновенное чтение — вот и все. Но получательница этих романов вычитывала из них то, что было понятно лишь ей одной.

Буквы и слова, отмеченные черточками, точками, складывались в строки, содержащие партийные директивы, фамилии, адреса, явки. Расшифровка была очень трудным, кропотливым делом и занимала иногда по несколько дней.

Бандерольная почта была достаточно надежной, но все же ею не следовало увлекаться. Поэтому заминки, перерывы были неизбежны. Однако нынешний перерыв был необъяснимо длительным, и это очень тревожило Надежду Константиновну.

Пора было начинать подготовку к отъезду, о многом условиться с Владимиром Ильичом,

установить место встречи, но именно в это время связь с ним прервалась. Зная его исключительную точность и обязательность, оставалось думать только одно: что-то с ним случилось. Разве мало непредвиденных опасностей на жизненном пути революционера?

Книжные бандероли, поступавшие в Уфу на имя земского служащего, подписывал некто Модрачек из Праги. Очевидно, Владимир Ильич проживал в Праге под этой фамилией. Но там ли он сейчас? Действителен ли этот пражский адрес? Последняя бандероль была получена давно, все могло измениться за это время.

Наступило 11 марта 1901 года — знаменательный день для Надежды Константиновны: ее вызвали в полицию и объявили, что срок ссылки окончен.

Пошли суматошные дни и ночи. За короткое время требовалось перевернуть целую гору: собраться в дорогу, побывать в Москве у Марии Александровны — матери Владимира Ильича, устроить свою мать в Петербурге, выхлопотать заграничный паспорт.

Наконец все было сделано, и поезд повез Надежду Константиновну в Прагу. Ехала она в зимнем одеянии — в Уфе март месяц еще холодный, — а в Праге было по-весеннему тепло, и все посматривали на ее шубу с меховым воротником.

Русский, оказавшийся в Чехии, всегда может рассчитывать, что его здесь поймут. На-

дежда Константиновна без труда сговорилась с извозчиком в блестящем цилиндре, погрузила в пролетку свои чемоданы, корзины, коробки и отправилась на поиски Модрачека.

Пролетка катила по знаменитым пражским бульварам, густо обсаженным каштанами, мимо старинных златоглавых соборов, мимо живописной весенней толпы. Это была первая поездка Надежды Константиновны за границу, но ничто сейчас не интересовало ее.

Дом, указанный в адресе, находился в рабочем квартале, и все тут выглядело по-другому, чем в центре. На подоконниках проветривалась одежда, подушки, одеяла. Пахло стиркой, кухонным чадом.

Дверь открыл мужчина в рабочей блузе.

— Модрачек? Это я, пани!

Он с любопытством смотрел на молодую женщину, несомненно иностранку, одетую явно не по сезону.

— Как же так? — растерянно произнесла она. — А другого Модрачека здесь нет?

— К сожалению, пани, здесь имеется только один Модрачек!

— Но от какого же Модрачека приходила почта в Уфу? — вырвалось у нее. — И с этим обратным адресом?

— В Уфу? Минуточку, пани! Не иначе, как вы жена гёrrа Ритмейера. Он посылал через меня бандероли в Уфу!

Надежда Константиновна сразу оживилась. «Стало быть, Модрачек — это «верный адрес»

Владимира Ильича, а сам он — герр Ритмейер».

— Могу я увидеть герра Ритмейера?

— До последнего времени, насколько я понимаю, пани, герр Ритмейер квартировал в Мюнхене, — ответил Модрачек. — Оттуда он и направлял мне почту для пересылки вам. Но там ли он сейчас — этого я сказать не могу... Адрес его у меня есть... Да вы зайдите, пани, отдохните, на вас же просто лица нет. Шутка ли, приехать сюда прямо из Уфы!

Надежда Константиновна с благодарностью приняла гостеприимное предложение, но что это был за отдых?

«Не дал мне знать, что находится в Мюнхене, — неотступно думала она. — Не сообщил ни слова. Непостижимо!»

А потом снова шумный вокзал, возня с вещами, переполненный вагон и ни минуты сна. Но теперь у Надежды Константиновны был уже некоторый опыт. Тотчас же, по приезде в столицу Баварии, она сдала вещи на хранение и поехала к герру Ритмейеру налегке.

Огромный серый домина. Пивная. Фотография. Аптека. С улицы входа нет. А дворов несколько, и в каждом множество подъездов.

Пришлось облазить десятки узеньких черных лестниц — от подвалов до чердаков, потому что номера квартир шли вразбивку. Но искомой квартиры № 1 обнаружить не удалось. Похоже было, что ее вовсе не существует.

К счастью, немецкий был неплохо знаком Надежде Константиновне. Учила его в гимназии, потом практиковалась с Владимиром Ильичом в шушенской ссылке, а он знал этот язык превосходно.

И теперь, преодолев свою всегдашнюю застенчивость, она стала спрашивать у каждого встречного, как найти таинственный первый номер. Наконец кто-то ей объяснил, что в этом доме квартирой № 1 считается пивная.

Пивная? Час от часу не легче! Какое отношение имеет к подобному заведению герр Ритмейер?

На стеклянной двери пивной был нарисован толстенный немец с поднятой кружкой. У стойки, в окружении боченков и насосов, стоял хозяин, удивительно похожий на толстяка, нарисованного на дверях.

«...Робко спрашиваю господина Ритмейера, предчувствуя, что опять что-то не то. Трактирщик отвечает: «Это я». Совершенно убивая, я лепечу: «Нет, это мой муж!»

Так много лет спустя описывала Надежда Константиновна эту сцену, но тогда ей было, как говорится, не до смеха.

Во время объяснения с хозяином из дверей за стойкою вышла фрау Ритмейер, прислушалась к сбивчивому разговору и уверенно сказала:

— Я знаю, в чем тут дело! Это жена герра Мейера! Он ждет жену из Сибири!

Надо бы обрадоваться, но Надежда Константиновна не решалась: вот сейчас ей сообщат, что герр Мейер живет в другом городе или в другом государстве...

— Он тут близко! — сказала фрау Ритмейер. — Я вас провожу.

По дороге она объяснила своей спутнице, что хотя ее муж и имеет пивную, но по убеждениям он социал-демократ и сочувствует русским революционерам. Герр Мейер скрывается у него на квартире, живет без прописки, а почта его отправляется от имени Ритмейера.

«Но как же он ничего мне не сообщил?! — в сотый раз спрашивала себя Надежда Константиновна, идя с ней рядом. — Как могло это случиться?»

Прошли на задний двор, поднялись по невзрачной лестнице. Только бы оказался дома герр Мейер, только бы застать его!

Но полоса невезения, как видно, уже закончилась. «Герр Мейер» был дома. Чтобы не мешать встрече, фрау Ритмейер тактично удалилась.

— Вот так история с географией! — воскликнул Владимир Ильич, слушая повествование Надежды Константиновны. — Но ведь я же послал книгу с шифровкой по твоему верному адресу. Там все было написано... Значит, не доставили. Потеряли в дороге или еще что-нибудь! Эх, добраться бы до этих почтовых разгильдяев!

И много еще других нелестных слов и недобрых пожеланий выслушали бы работники почтового ведомства, доведись им присутствовать при этом разговоре.

Но позднее неоспоримо выяснилось, что почта была тут ни при чем: бандероль с книгой вовремя доставили в Уфу и вручили по назначению.

Полистав полученную книгу, «верный адрес» решил немножечко задержать ее, чтобы прочесть, да так и не отдал.

Зачитал.

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

А. Крестинский

Рисунок В. Звонцова

...Вы как будто бы в лесу,
И двустволки — на весу...

Не шумите, не кричите,
Хоть немного помолчите,
Хоть минуточку одну
Потерпите тишину.
Час придет, и все равно
Вы ее нарушите,
Хоть мгновение одно
Тишину послушайте.

Не ауйте, не пойте,
Не ступайте тяжело,
Просто-напросто постоит,
Чтобы время тихо шло.

...Вы как будто бы в лесу,
И двустволки — на весу...
«Бах-бабах!» — двустволки.
Тишина — в осколки.

Их не десять и не сто,
Их не склеить ни за что.
Разлетелись те осколки,
Как сосновые иголки.

Когда люди болеют,
Их грелками греют.

Когда люди болеют,
Их целуют, жалеют.

Когда люди чихают,
Им книжки читают.

Когда кашляют люди,
Им — конфеты на блюде.

Когда люди здоровы,
С ними очень суровы.

И все-таки, люди,
Будьте здоровы.

Жуки собрались на курорт,
Жуки пришли в аэропорт.

Уже на старте стрекоза,
Уже вращаются глаза...

Но тут

я их накрыл

сачком.

Жужжат под синим
колпачком,

Вовсю бранят природу,
Нелетную погоду.

...А как прекрасно вдалеке,
Где море с парусами,
Лежать на солнечном песке,
Не шевеля усами!

А как прекрасно по волнам
Скользить на спинках
круглых!

А как прекрасно по горам
Бродить на лапках смуглых...

Я с силой вытряхнул сачок.
Лети, жучок!

Люблю, когда кончаются тетрадки.
В конце тетрадки вечно беспорядки:
Там клякса, там заехал за поля,
А там пустил такие кренделя!
Люблю начало — белые страницы!
На них не ночевали единицы.
Чиста, как утро, новая строка,
И терпелива легкая рука.
Конец тетрадки — словно дня конец.
Вот ты дела закончил наконец,
И ты устал, и клонит в сон уже,
И отчего-то клякса на душе...
И ты вспылел, и перешел границу,
И сам себе ты ставишь единицу...
И так решаешь новый день начать,
Как начинают новую тетрадь.

* * *

Я в долг прошу у вас,
Не откажите мне,
Не отводите глаз,
Не стойте в стороне.
Прошу — не серебро,
Отдам — не серебром.
Беру я в долг — добро.
И отплачу — добром.

Однажды тетка Настя
Свой разбудила двор:
— Ах, батюшки, напасти!
Украл котенка вор!

А к вечеру весь город
Был ужасом объят:
— Слыхали разговоры?
— Слыхали, — говорят, —
Пятьсот четыре вора
Украли всех котят!

Наутро тетка Настя
Опять бежит во двор:
— Ах, батюшки, вот
счастье!

Вернул котенка вор!
А к вечеру весь город
Был радостью объят:
— Слыхали разговоры?
— Слыхали, — говорят, —
Пятьсот четыре вора
Вернули всех котят!

Зову хромого муравья,
Побитую дворняжку,
Зову кривого воробья
И курицу-бедняжку.
Зову безусого кота,
Подстреленную пташку,
И поросенка без хвоста,
И без крыла букашку.

Я всех обиженных зову
Идти войной на Яшку!

Тот Яшка — страшный
человек,
Разбойничьи повадки:
И в ясный день, и в дождь,
и в снег
Не выйдет без рогатки.

Давайте Яшку окружим,
Облаем, обмячим,
Обкукарем, обжужжим,
А после — обхрюхрючим!

Ты понял, Яшка, что пора
Бросать свои замашки?
Война объявлена.
Ура!

Спасайтесь бегством, Яшки!

Однажды к нам в редакцию пришло письмо. Письмо как письмо, в обыкновенном конверте, с маркой и обратным адресом. И как все письма, оно, конечно, первым делом попало ко мне. Я распечатал его и прочел:

Здравствуйте,
дорогая редакция!

Пишет вам ученик 6-го
класса 5-ой школы города

Июльска. Я хочу написать вам об одном мальчике — Сереже Огородникове, он всех всегда дразнит и дерется. Однажды мы пошли собирать металлолом. Я нашел старую железную трубу и понес ее в школу. Я первым нашел эту трубу. Но Огородников налетел на меня и отнял эту трубу. И еще обругал меня нехорошими словами. Дорогая редакция, разве это честно? Напечатайте, пожалуйста, эту заметку, чтобы ему стало стыдно. Только если будете печатать, не пишите мою фамилию, а то он меня изобьет.

С пионерским приветом Боря Зайцев

— Что ж, — сказал я сам себе, — пожалуй, надо выполнить Борину просьбу. Кому приятно, чтоб тебя поколотили? Никому не приятно.

И я взял свою авторучку и зачеркнул слово «Боря» и написал «Глеб», а потом зачеркнул «Зайцев» и написал «Орлов».

«Ну вот, теперь все в порядке».

Я перечитал заметку и сразу почувствовал, что еще далеко не все в порядке.

Номер школы есть? Есть. Класс есть? Есть. Название города есть? Есть. Значит?.. Значит, очень легко в школе догадаются, кто писал заметку.

Я снова взял авторучку, зачеркнул первую фразу и написал так: «Пишет вам ученик 6-го класса одной из школ одного из городов Советского Союза».

— Ну вот, — сказал я сам себе. — Теперь-то уж все в порядке.

Я снова перечитал заметку и сразу почувствовал, что еще далеко не все в порядке.

Металлолом есть? Есть. Труба есть? Есть. Значит?.. Значит, могут догадаться и поколотить Борю.

В этот раз мне пришлось поломать голову. И все-таки я нашел выход. В конце концов можно собирать ягоды, цветы, пузырьки, бумагу, марки — мало ли что!

И я опять взял свою авторучку и написал так: «Однажды мы пошли собирать грибы. Я нашел самый большой гриб и хотел отнести его в школу. Но тут...»

Но тут я остановился и задумался.

«А вдруг? — подумал я. — Вдруг все-таки узнают. Все-таки «налетел»... Все-таки «обругал нехорошими словами». Наверняка можно догадаться...»

Ничего не поделаешь — пришлось исправить еще пару слов.

Потом я сел за машинку и перепечатал заметку начисто. Теперь она выглядела так:

Дорогая редакция!

Пишет вам ученик 6-го класса одной из школ одного из городов Советского Союза. Я хочу написать об одном мальчике — Сереже Огородникове. Однажды мы пошли собирать грибы. Я нашел большой гриб и хотел его отнести в школу. Я нашел его первый. Но тут появился Сережа и сказал: «Давай будем собирать вместе».

Дорогая редакция, напечатайте эту заметку, чтобы ему стало стыдно.

С пионерским приветом Глеб Орлов

«Вот теперь-то, — подумал я, — уж наверняка никто никогда ни о чем ни за что не догадается».

И, довольный, отнес письмо главному редактору.

Главный редактор прочел его и пожал плечами.

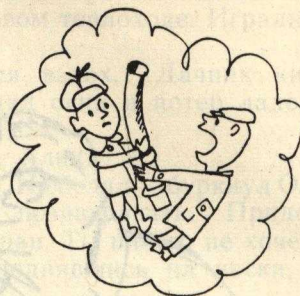
— Все это прекрасно, но я не понимаю только одного: почему этому Сереже должно быть стыдно? Нельзя ли об этом сказать пояснее?

— Но тогда поколотят Борю Орлова, то есть Глеба Зайцева, то есть Борю Зайцева... Как же мне быть?

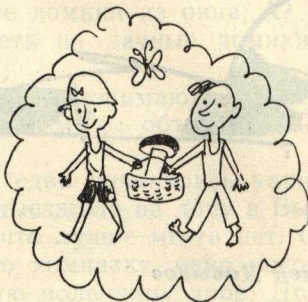
— А это уж я не знаю, — сказал главный редактор. — Подумай сам.

И вот теперь я сижу и думаю. Как же все-таки быть с такими письмами?

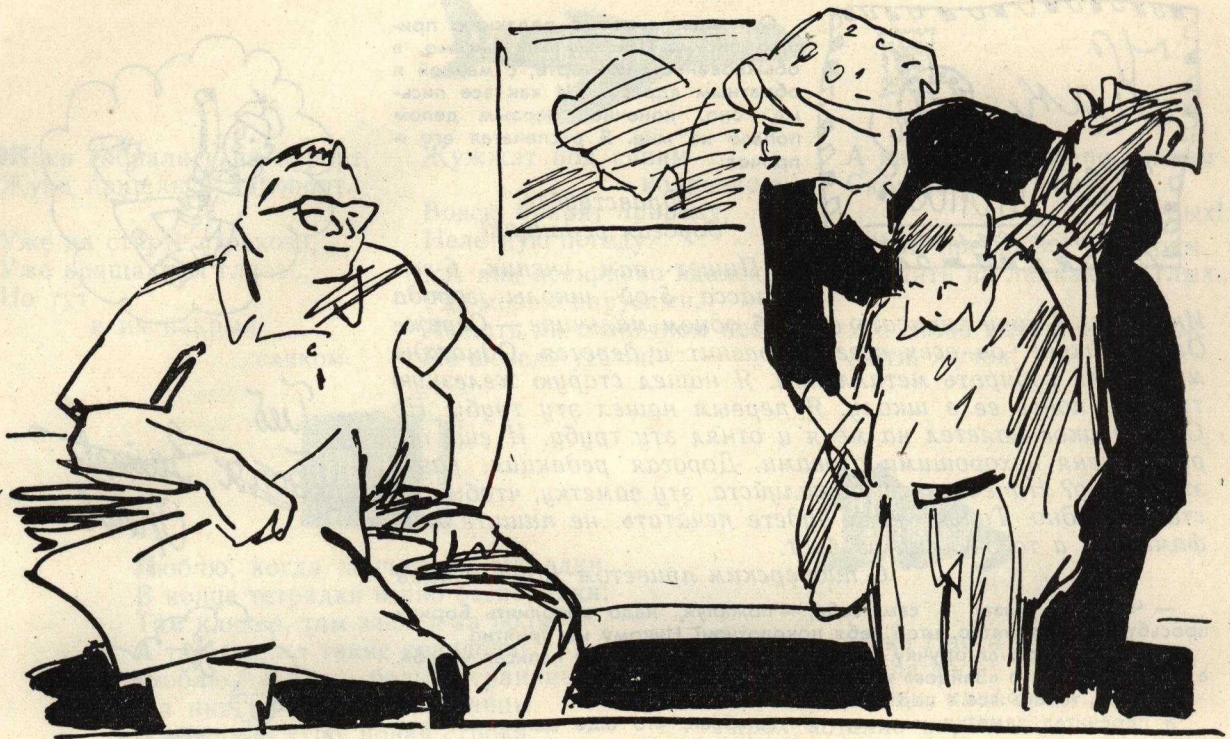
КОСтЯ ТЕРкин.

Глеб
~~Боря~~ Зайцев
Орлов

Рисунки Г. Ковенчука

ДАЧНИК

Сергей Давыдов

Рисунки Н. Кустова

В купе оказался всего один пассажир. Он сразу встал, поздоровался с мамой и улыбнулся Олегу.

— Приятные попутчики.

— Ах, я не еду! Не достала билет.

В последний момент мама вдруг надумала провожать Олега до самого Смоленска. Но у нее не оказалось с собой денег.

— Я вас прошу, — сразу же, словно знакомому, сказала мама. — Присмотрите за мальчиком. Он такой... — она замаялась, — знаете, хочет быть самостоятельным. Все время что-нибудь выкидывает! Мы жили каждый год в Вырице на даче. Я там привыкла. Все время в одном месте. Понимаете. Размеренный ритм. И вот...

— Мама, — перебил Олег, — ну, мама!

— Помолчи!.. Что с ним делать! Наотрез отказался ехать в Вырицу. Наотрез! — повторила она. — Хозяйка там, правда, нехороша... но жили же раньше. Теперь посылаю к сестре. Она педагог.

— Ну и прекрасно же, раз педагог.

— О, вы не знаете Татьяну! Так я прошу. — Вас понял, — пассажир изучающим взглядом смерил Олега. — Зовут его...

— Алик. Алик Кислицын, — торопливо ответила мама, будто от фамилии зависело, станет пассажир стеречь Олега или нет.

— Что ж, задание ясно. Будет выполнено, — четко, по-военному ответил пассажир.

Олег исподлобья кинул на него взгляд. Маленький. Толстенный. На голове короткий седой ежик. Одет в полосатую желтую бобочку. Очки... Дачник и все. А прикидывается военным. «Вас понял», «будет выполнено». Так Олег и будет его слушаться. Как же!

— Провожатые, покиньте вагон! — разнеслось по вокзалу.

— Я на вас надеюсь, — засуетилась мама, целуя Олега в щеки и в лоб.

— Так точно! Счастливо оставаться!

Поехали!

Олег облегченно вздохнул. Подумать только, сколько забот свалилось на него в последний день. Рижские плавки с ремешком так и не нашел. Все мама. Вздумала возить к родственникам прощаться. Будто он на Северный полюс едет!

Отрывок из повести «Путаный след». Повесть будет выпущена Лениздатом.

Поезд набирал скорость. Кремовые занавески вырвались из ремешков и захлопали быстро и весело. Пассажир — Олег решил называть его про себя «дачником» — попытался всунуть занавески назад в ремешки, но они снова вырвались и снова захлопали. Паровоз гудел, перестукивали колесные пары, мелькали за окном дачные домики, сверкали речные извивы.

— Закрывать окно? Может, тебе вредно?

Начинается!

— Я не боюсь сквозняков.

— Ну? Вот это хорошо, — обрадовался дачник. — Значит, поедem с ветерком.

В купе все время кто-нибудь заглядывал. Предлагали пирожки, шоколад, напитки. Олег с радостью купил бы мороженое, но воздержался. И все из-за этого дачника. Бывает же, любое хорошее дело всегда кто-нибудь да испортит!

Вошла проводница.

— Четвертое купе, постели брать будете?

Мама оставила на столике серебряный рубль на постель. Олег собирался попросить ниже место, все равно свободное.

— Две постели, — вдруг скомандовал дачник. — Постелите внизу, пожалуйста.

— Мне наверху. Там мое место.

Проводница сказала:

— Можно и внизу. Свободно.

— Нет, я лягу на свое! — упрямо повторил Олег.

* * *

Олег доволен. Вот уже два часа сосед не обращает на него внимания. Читает. Олег лежит на своей верхней полке, дачник внизу. Олег ничего не делает. Просто так лежит. Стоит ли читать, когда за окном так интересно. Все время что-нибудь новое. И тебе вслед все время машут-машут. Люди, деревья, травы. Завидуют, конечно.

Как-то папа с большим трудом достал билеты на прогулку по заливу. Очередь была на теплоход большущая. Теплоход белый, новенький. Всем хотелось скорее на него попасть. А потом все бегали и осматривали его. Любовались. А потом стали любоваться заливом и видом отдаляющегося города. Это было красиво. Олег все ждал — исчезнет ли в виду Исаакиевский собор или нет.

— Посмотри, — сказал вдруг папа Олегу, — видишь этих людей?

За стеклянной перегородкой салона сидели несколько человек и играли в домино. Они не смотрели на залив. Не любовались пароходом. Они как только поднялись на него, так сели играть.

— Скучные, — сказал про них папа. — Зачем им ездить на новом теплоходе. Играли бы во дворе.

Снизу послышался вздох. Дачник кинул книгу на столик, снял очки и потер ладонью глаза.

— Ты завтракал, Алик?

— Конечно. Давно. И обедал, — буркнул Олег.

— А я не успел позавтракать. Придется пойти в вагон-ресторан. Ты ничего не хочешь?

Он встал и, приподнявшись на носки, заглянул к Олегу.

— Щей бы свежих, а? Со сметаной!

Он смешно причмокнул. И, видя, что Олега не соблазнить шами, добавил:

— А бифштекс с луком, а? Ну, как хочешь, Алик. А я схожу.

— Не зовите меня так больше. Меня все Олегом зовут.

— Приму к сведению. Ну, идем. Будем пить холодное пиво. То есть я пиво, а ты лимонад, и глядеть на дачные домики из окна. А?

— Не хочу глядеть на дачные домики, — отрезал Олег.

— А, да-да, помню, — понимающе покачал головой сосед. — Дачам ты объявил войну! Бифштексам тоже.

Три года подряд, едва начинались каникулы, они с матерью выезжали на дачу в Вырицу. Мама считала, что лучше места нет. Они занимали крохотную комнатку, окно которой смотрело на высокую поленницу дров. Дрова закрывали лес и речку. Во дворе дачи требовалось ходить по узкой, выложенной обгорелым кирпичом, дорожке. Хозяйская бабка постоянно следила, чтобы, не дай бог, не помяли чего-либо на грядках, которые были накопаны даже у собачьей конуры.

Один раз летом Олег еще лежал в кровати, когда в дверь просунулось сухонькое бабьино личико. Быстрые глаза мигом обшарили комнату.

— Где матка? — проскрипела старуха. — Клубнику брать будете ай нет?

— Не будем, — отрезал Олег.

— Что? — бабка хмыкнула. — Может, думаете, я дорого прошу? Другие не торгуются. У людей дачники, а у меня... Эх!

Олег натянул одеяло на голову, но бабкин голос лез и под одеяло.

— Вот напротив дачники так дачники! Богатые! Свою машину имеют.

Этих дачников Олег знал. Высокий старик и его жена снимали такую же крошечную комнату, но платили дороже. Там росло два тополя. Считалось, что у них «окно в сад».

Бабка помедлила в дверях и вдруг предложила:

— Полей огород, а? Даром клубники дам. Жалею я бедноту!

Олег молча отвернулся к стене.

Он не стал рассказывать матери о разговоре с бабкой, но твердо решил, что на будущий год на дачу не поедет.

Это лето он отлично проводил в Ленинграде, но все словно с ума сошли: «Ах, ребенок никуда не едет? Как, он остался в городе?!» И вот мама не выдержала, отправила его в Смоленск к тете Тане.

...Дверь в купе внезапно открылась, и Олег, приподнявшись, увидел, что к ним входит военный. Олег сначала подумал, что это новый пассажир, но в руках у военного не было никакого чемодана. В руках у него были две бутылки. Еще одна бутылка зажата под мышкой

— Бы не сюда, — нерешительно сказал Олег, думая, что военный ошибся.

«Майор, — сразу же отметил он про себя, — артиллерист. Вот бы с кем в купе ехать!»

У майора было смуглое круглое лицо, густые черные брови и коричневые глаза. В ответ он сурово пошевелил бровями, но тут же широко улыбнулся.

— Четвертое купе, да? — с акцентом спросил он, ставя бутылки на столик. — Лимонад тебе, да? В ресторане, знаешь, какая очередь, до Витебска не успеешь пообедать! Решили обойтись сухим пайком. Иван Васильевич сейчас доставит бутерброды, а мне приказал вот это, — он показал на бутылки. — Ай-ай, смотри, что дали, а? Иван Васильевич просил для тебя лимонад, а это... Читай.

— Клюквенный, — живо прочитал Олег.

— Ага! — как хорошему знакомому сказал майор, — клюквенный! Разве лимонад из клюквы делают, а?

Он засмеялся, Олег, глядя на него, рассмеялся тоже.

— А ты лежишь, да? Почему лежишь? Что ты должен делать, знаешь?

— Что? — разом откликнулся Олег. Он уже готов был выполнить любое приказание этого веселого человека.

— Ты должен, — таинственным голосом сказал майор, — достать стаканы! Там сидит такая строгая старушка, да. Проводница. Мне она не дает. Я из другого вагона. Нужно три стакана.

Через минуту Олег уже принес стаканы.

— Пей, пожалуйста. Клюквенный лимонад. Высший сорт. Так, молодец. Вкусно? Еще налить?

— А вы? Давайте вместе.

— Мы с Грозовым будем пиво. Постой, постой, кажется, он сам идет!

«Да здесь никого, кроме дачника, нет», — хотел было сказать Олег, но майор, сразу став серьезным, быстро оправил китель, погляделся в зеркало и выровнял орденские планки.

— Сам! — еще раз подчеркнул он и поднял указательный палец. — Внимание — Грозов!

Но в купе вошел всего лишь сосед Олега. Дачник. В руках у него было множество пакетов. Он кинул их на диван и закричал:

— Ну и встреча, Рахмашаев, а? Кто бы поверил! Я еще раздумывал, идти в ресторан или нет! Двадцать лет ни слуху ни духу и вдруг в поезде. Вот тебе и на! А ты что стоишь? По старой привычке, что ли? Сам вон уже майором стал. Ну, приказываю садиться! — вдруг скомандовал он.

— Слушаюсь, Василий Иванович, — четко ответил майор, но сел все же вторым.

Чтобы не мешать, Олег забрался к себе на полку и оттуда во все глаза смотрел на происходящее. Вот это да... Кто же тогда его сосед, если ему даже майор подчиняется? На кителе у майора столько орденских планок, да еще разные боевые знаки, а этот Василий Иванович сидит в простой полосатой бобочке и хлопает майора по плечу. Совсем как Олег Андрейку Горкинина.

— Так где же ты теперь служишь, майор Рахмашаев?

— В Заполярье. Иван Васильевич.

На столике разложены бутерброды, печенье, конфеты. Покачивается в стаканах пиво.

— Эх, Рахмашаев, надо бы отметить встречу не так, да я по-прежнему ничего не пью. Только пиво. Значит, в Заполярье. А почему же ты вестей не подаешь старому командиру, а? Забыл? Или, может, зазнался?

Майор сразу вскочил.

— Зачем такое говоришь, товарищ полковник! Нехорошо, — взволнованно крикнул он. — Рахмашаев забыл, да? Эх...

Полковник?!.. Нет, Олег не ослышался! Он ошеломленно разглядывал своего соседа. А тот кинул майору:

— Не горячись! Все такой же порох. И сидишь ты, наконец!

Но майор, стоя, горячо продолжал:

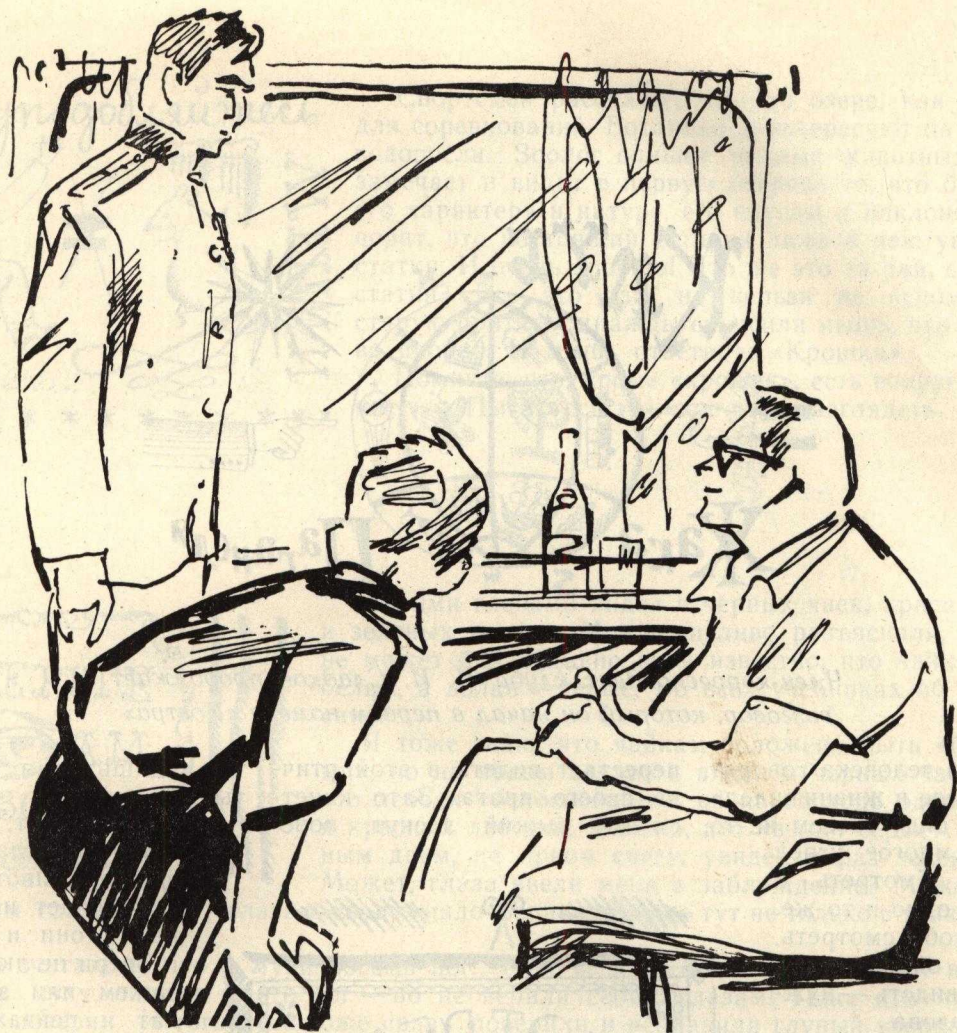
— Мы вас, знаете, как искали! Мы всю Покровку, да что там, весь Смоленск обошли, а когда не нашли, — он запнулся и для чего-то одернул китель, — когда не нашли...

Василий Иванович вопросительно уставился на майора. Лицо его помрачнело.

— Ты Смоленск вспомнил? Так, так... Ну, когда не нашли... что тянешь?

Майор опустил голову.

— Мы вас... мы, — видно было, что ему трудно говорить.

Василий Иванович докончил сам:

— Понял. Можешь не договаривать, — резко произнес он. — Сочли убитым...

Он тоже встал. Олег увидел, как снова переменилось выражение его лица.

Стало строгим, напряженным.

— Прости, Рахмашаев! Как вспомню, сразу нервы начинают шалить. Выжил, как видишь! Уж меня спасали, спасали... врачи, профессора. Но это после. А вот кто меня тогда в окопе спас и из-под огня вытащил, не знаешь, а? Не знаешь. Жаль. Когда немцы контратаку начали, моих ребят уже не было. Погибли. В меня тогда еще раз угораздило. Осколок мины, как потом выяснилось. Я почти все время без сознания был... Но кто же меня мог спасти? Ну, попробуй что-нибудь вспомнить.

— Иван Васильевич, вы же меня к Днепру послали со взводом. Связь налаживать. А

когда мы к вам снова пробивались, вас уже... вас уже не было, — закончил майор.

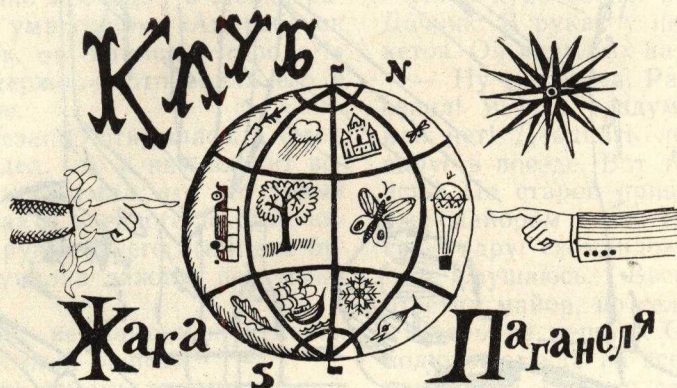
— Не знаешь, — вздохнул Василий Иванович. — Лучше бы не напоминал о Смоленске, разбередил только!

— Пойдите, — хлопнул себя по лбу Рахмашаев, — а как же звание, а? Мы в газетах прочитали: представлен посмертно.

— Здесь мое звание, — коротко ответил сосед Олега и потянулся к висящему на крючке у окна серому пиджаку. Он повернул его и Олег чуть не ахнул. На лацкане пиджака сверкала лучистыми гранями Золотая Звезда.

За окном стояла темнота. Тяжело стучал по стеклу дождь. Изредка пролетали мимо стаи огней. И снова тьма.

Олег лежал на своей полке лицом вниз, уставившись в темноту, и чуть не плакал от досады. Героя Советского Союза не узнал — принял за обыкновенного дачника! Надо же так обознаться...

Член-корреспондент клуба Н. И. Сладков продолжает разговор, который он начал в первом номере «Костра»

Когда про человека говорят, перестает видеть в этой птич- то «он многое в жизни видел», ке своего врага. Зато кинет- то имеют в виду совсем не то, ся на рыжий лоскут, пове- что он на многое успел посмотреть. Смотреть и видеть — не одно и то же. Для того, чтобы смотреть, достаточно одних глаз. Но чтобы видеть — нуж- на еще и голова.

Смотрят все, у кого есть глаза: люди, звери, птицы, насекомые, лягуш- ки. Но видят они окру- жающий мир по-разному.

Лягушка видит только то, что движется перед ее глазами. То есть то, что можно съесть или от чего надо спастись. Остальной мир для нее просто не существует.

Пчела замечает толь- ко свежие раскрывшиеся цветы, полные сладкого нектара. Цветы старые, увяд- шие, поникшие она не видит. Драчливый самец птички- зарянки замечает своего со- перника только по ярко- рыжему пятнышку на его гру- ди. Закрасьте пятно, и он

шенный на сучок, начнет его щипать и клевать.

Собака видит весь яркий и пестрый наш мир как на чер- но-белой фотографии: краски ей ни к чему.

Выходит: «Скажи мне, что

ты видишь, и я скажу — кто ты!»!

И еще выходит, что смотрят животные глазами, а ви- дят-то животом. Живот нацеливает их глаза. Но на то они и животные...

Звери не любят пейза- жем или закатом: за- кат и пейзаж несъедоб- ны. Звери не могут на- слаждаться грозой и бу- рей, от них им одни не- приятности. Птицы, глядя на небо, видят там только летающих насекомых. Не- бо для них вроде витри- ны гастрономического ма- газина.

Человек, поднимая гла- за к небу, видит дру- гое...

Животное за деревь- ми не видит леса. Чело- век умственным взором

своим может охватить всю Вселенную. Потому-то он и в ответе за судьбу Земли...

Что же все-таки посовето- вать членам Клуба, и без того вдумчивым и наблюдатель- ным?

Спортсмен расскажет вам об озере, как о бассейне для соревнований. Ботаника заинтересуют на этом озере водоросли. Зоолог опишет водных животных. Каждый замечает и видит в первую очередь то, что ближе всего его характеру и натуре, его вкусам и наклонностям. Говорят, что настоящий сатирик даже в раю увидит недостатки. И очень хорошо! Что же это за рай, ежели недостатки? Все это так, но нельзя не вспомнить одну старую притчу: однажды спросили мышью, что она видела во дворце. И мышь ответила: «Крошки»...

Помните, что, кроме «крошек», есть вокруг нас и еще кое-что. Попробуйте это «кое-что» разглядеть.

Своими глазами видел я черных чаек, красных лебедей и зеленых волков. Мне терпеливо разъясняли, что такого не может быть. Давно всем известно, что чайки и лебеди белые, а волки — серые. Во всех учебниках об этом написано.

Я тоже знаю, что чайкам положено быть «белокрылыми», но на ярком закате я видел и черных чаек. Я знаю, что лебеди «белоснежные», но на восходе однажды видел я красных лебедей. Я знаю, что «волки серые», но солнечным днем, на ярком снегу, увидел я раз зеленого волка. Может, глаза ввели меня в заблуждение? Может, не надо

верить своим глазам? Нет, глазам своим надо верить. И дело тут не только в тонкостях освещения.

Когда-то считалось, что у мухи восемь ног. И во всех учебниках значилось — восемь. Все смотрели на муху, видели шесть ног — но не верили своим глазам! Пока кто-то — первый! — взял да и поверил. И тогда все тоже сразу поверили и исправили глупый учебник. Может, тогда и родилось крылатое выражение открывателей: «Все смотрят на то, на что смотрю и я, но никто не видит того, что явижу?»

Для натуралиста это просто необходимо. Ведь у птиц, зверей, насекомых своя «кочка» зрения.

Чтобы лучше понять жизнь рыб, нужно самому опуститься под воду. Птиц не поймешь до конца, если не летаешь по воздуху и не посидишь на деревьях. Многие останутся неясным в жизни четвероногих, если сам не опустишься на четвереньки.

Мы привыкли на все смотреть «свысока» — хотя бы с высоты своего роста. У нас тоже своя «точка» зрения. А что если посмотреть не с нашей «точки», а с «кочки» других? Вдруг увидим доселе невиданное? Вдруг родится взаимопонимание? Вдруг раздвинется наш кругозор за счет слияния с кругозором других?

ДОВЕРЯЙТЕ ПЕРВОМУ ВЗГЛЯДУ

Обычно говорят наоборот: «Не доверяй первому взгляду». Однажды я послушался: в удивительном месте, где все для меня оказалось новым, свежим и необыкновенным, я стал себя сдерживать и «не доверять». Я терпел и осваивал. Я вникал. Я добирался до сути. Пришел день — я ко всему привык и пригляделся. И перестал видеть новое. Все необыкновенное стало обыкновенным, все непривычное — привычным. Я превратился в местного жителя, который, как всякий местный житель, считает, что все удивительное, чудесное и необыкновенное, если вообще и существует, — то находится не вокруг нас, не рядом, а где-то там, за горизонтом.

Доверяйте свежему глазу. Берегите первое впечатление. Хотя бы уж потому, что второго может и не сложиться.

Чтобы существовать, достаточно иметь глаз лягушки. Чтобы жить, познавать, открывать, нужен особый, просвещенный глаз. Вот как бывает особая просветленная оптика. Оптику просветляют при помощи химии. Глаз просвещается с помощью знаний. Без знаний самый дальнорыкий может быть близорыким. Больше всех увидит не тот, у кого самый острый глаз, а тот, у кого самый острый ум. Даже если он будет носить очки.

Куда исчез Паганель?

Лондон
От нашего специального
корреспондента.

Меня встретил доктор Ватсон. Он провел меня в кабинет Холмса и, попросив извинения, вышел на минутку.

Кабинет Холмса! Знаменитого сыщика Шерлока Холмса... Здесь некогда силою ума и проницательности разгадывались самые запутанные преступления...

Я потрогал рыжий парик и нищенские лохмотья «человека со шрамом». Рядом с париком висела плетъ с маленькой петлей... Да ведь это же плетъ Ройлотта из рассказа «Пестрая лента»!

А вот чучело индийской болотной гадюки, укус которой убивал через десять минут...

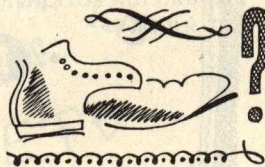
Вдруг я невольно улыбнулся: в рамочке под стеклом я увидел пляшущих человечков!

А это что такое? Старый башмак...

Вошел доктор Ватсон.

— Где же мистер Холмс? — спросил я.

— Исчезать и появляться, никого не предупреждая, в привычках Холмса. Что это вы там разглядываете?

— Старый башмак... Никак не соображу, из какого он рассказа?

— Неужели не помните? Это было одно из первых дел Холмса... Да и мое тоже...

Я готов был провалиться сквозь землю от стыда, но вспомнить, откуда этот проклятый старый башмак, не мог.

— Взгляните, здесь в стойке гарпун. Вам он ни о чем не говорит?

Я задумчиво наморщил лоб, но это не помогло. Я не смог вспомнить, к какому из дел Холмса относится этот тяжелый китобойный гарпун.

Потом Ватсон обратил мое внимание на пять зернышек апельсина, и я снова потерпел фиаско.

Ватсон вздохнул и достал откуда-то сверху громадное духовое ружье.

Но тут уж я сразу вспомнил профессора Мориарти!

Мы сели в кресла перед камином, Ватсон взялся за кочергу, и золотые брызги посыпались с обгоревших боков толстых поленьев...

— Кстати, — спросил Ватсон, — кто, кроме Холмса и французской полиции, всерьез занимается поисками Паганеля?

— Ребята, — ответил я. — То есть какие ребята?

— Наши ребята — читатели «Костра». Мы сообщили им обстоятельства исчезновения Паганеля, держим их в курсе событий, и ребята помогают нам в поисках.

— Неплохо придумано, — сказал Ватсон. — И что, ваши ребята решили загадку рейльсеновского письма?

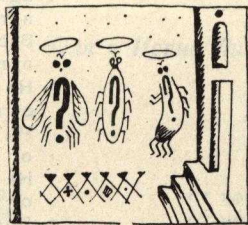
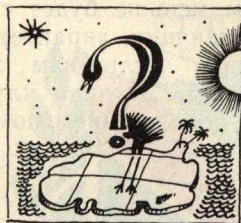
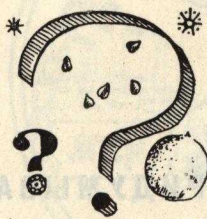
— О трех «самых высоких в мире»? Да...

— Любопытно... Мы с Холмсом в тот день долго ломали над этим головы. Холмс просто измучил меня. А что пишут вам ребята?

— Самый высокий материк — Антарктида... Так?

— Так, — согласился Ватсон.

— Самые высокие статуи находятся неподалеку от Мемфиса, в Египте. Они изобра-

жают фараона Аменхотепа III, и высота их равна почти двадцати трем метрам. Их еще называют Родосскими колоссами. Эти статуи — одно из семи чудес света.

— Совершенно верно, — кивнул Ватсон. — И третье?

— Водопад Энджел Фолз в Южной Америке...

— Кажется, Холмс промахнулся... А почему вы так уверены?

— Факты, доктор Ватсон, только факты... Ребята пишут, что об этом водопаде мог сообщить Паганель Челленджер, который побывал в лесах Амазонки. Он же рассказал о необычайном высокогорном плато и писателю Конан Дойлю, и тот позднее написал «Затерянный мир»...

— Ну, это ведь фантазия... Я-то хорошо знал Артура Конан Дойля. Он был большой выдумщик...

— Но то, о чем рассказал Дойлю Челленджер, еще раньше знал известный летчик Энджел. Он был первым европейцем, видевшим водопад, который и назвали его именем: Энджел Фолз.

— Чрезвычайно интересно. Какова же высота водопада?

— 980 метров. Это самый высокий водопад на Земле.

— Увы, Холмс побит, — сказал Ватсон. — Он-то думал, что это Ниагара... А что еще пишут ваши маленькие детективы?

— Массу вещей... Есть интересные догадки. Паганеля очень любят. Все ребята весьма озабочены его исчезновением...

— Да, да... Холмс тоже. Давно уже он ни за что не брался с такой страстью, как за поиски Паганеля... Да, послушайте! — воскликнул вдруг Ватсон. — Может быть, ваши ребята смогут ответить еще на пару вопросов?

— А они имеют какое-нибудь отношение к Паганелю?

— Конечно. Правда, Холмс не объяснил мне подробностей, но ему совершенно необходимо было узнать вот что: есть такая птица, при упоминании о которой у Паганеля всегда портилось настроение. Я знаю только, что птица эта без крыльев и что она — символ, эмблема одной небольшой страны, где Паганель, вероятно, когда-то побывал. Так вот: ЧТО ЭТО ЗА ПТИЦА? КАК ЕЕ ЗОВУТ? КАКОЕ ОНА ИМЕЕТ ОТНОШЕНИЕ К ПАГАНЕЛЮ? ЧТО ЭТО ЗА СТРАНА?

Далее. Холмсу совершенно необходимо знать: КАКИЕ НАСЕКОМЫЕ И У КАКИХ НАРОДОВ СЧИТАЛИСЬ ИЛИ СЧИТАЮТСЯ СВЯЩЕННЫМИ?

— Хорошо, — пообещал я, — передам все это ребятам...

— Холмс будет очень признателен, — откликнулся Ватсон.

Он подкинул в огонь пару дубовых поленьев.

— Кстати, — сказал Ватсон, и мне показалось, что он усмехнулся, — спросите их и о СТАРОМ БАШМАКЕ, ГАРПУНЕ И ПЯТИ ЗЕРНЫШКАХ АПЕЛЬСИНА...

Герб — это отличный знак государства, города или частного лица, составленный по определенным законам и утвержденный верховной властью. Он выражает все самое характерное для истории и жизни страны, города или человека условным языком геральдики.

Основной частью герба является щит. Без него нет герба. Щит может иметь одно или несколько полей, в которых размещаются символические фигуры или животные.

Ленинградские ребята хотят сами придум

ДАВАЙТЕ ПРИДУМЫВАТЬ ГЕРБЫ СВОИХ ГОРОДОВ

мать герб своего города. Несколько проектов помещено на цветной вклейке. Лучший из них, на наш взгляд, принадлежит Саше Калине. Он наиболее продуман, хотя и у него есть свои недостатки: название города на гербе не пишется, и вообще рисунок должен быть более лаконичным.

Попробуйте и вы, ребята, живущие в новых городах, составить их гербы. Только помните: чем меньше будет символических знаков, выражающих характер города, тем лучше для герба. Если вам захочется прислать свои проекты в наш клуб на консультацию, мы с удовольствием поможем вам советами.

А. Покорна, гербовед

Внимание! Сегодня в клубе клоунада

КОЛЛЕКЦИОНЕРСКИЕ „ПЯТНАШКИ“

Входят двое мальчишек. Они одеты неряшливо. Штаны и куртки покрыты пятнами разного цвета и формы

ПЕРВЫЙ

МАЛЬЧИК: Внимание, пионерки!
Внимание, пионеры!

ВТОРОЙ

МАЛЬЧИК: Мы тоже с приятелем коллекционеры!

ПЕРВЫЙ

МАЛЬЧИК: Пионерки, внимание!
Пионеры, внимание!

ВМЕСТЕ: Да здравствует мания собирания!

ПЕРВЫЙ

МАЛЬЧИК: Те, кто завидует нашей коллекции, любят читать нам занудные лекции: дескать, смотреть на нас всем неприятно, дескать, одежда должна быть опрятна, дескать, мы выглядим неаккуратно...

ВМЕСТЕ: А мы

собираем

пятна!

ВТОРОЙ

МАЛЬЧИК: (провозглашает)

В пятнашки-пятнышки игра,
всем разучить ее пора!

ПЕРВЫЙ

МАЛЬЧИК: (зрителям)

Не знакома вам она?

ВТОРОЙ

МАЛЬЧИК: (бьет первого по плечу)

Ты — пятна!

ПЕРВЫЙ

МАЛЬЧИК: Я — пятна!

(С гордостью хлопает себя по пятнам на одежде, как бы танцуя „цыганочку“)

Вдоль правой штанины — пятна от малины.

Вдоль левой штанины — пятна от свинины.

На правом кармане — от караса в сметане.

На левом кармане — от блинов тети Мани.

На шапке —

от тряпки.

Под шапкой — ...

ВТОРОЙ

МАЛЬЧИК: (подхватывает)

... от шапки,

от смолы,

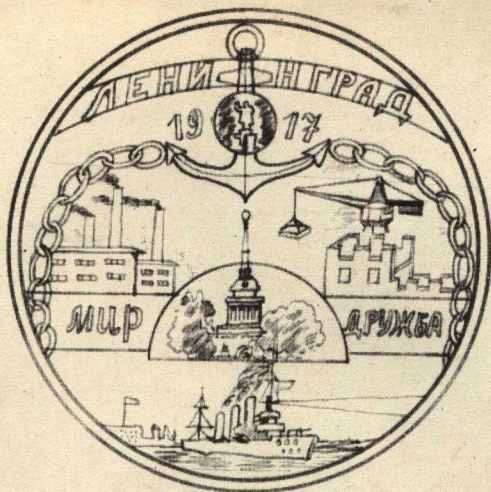
и от джема,

от золы

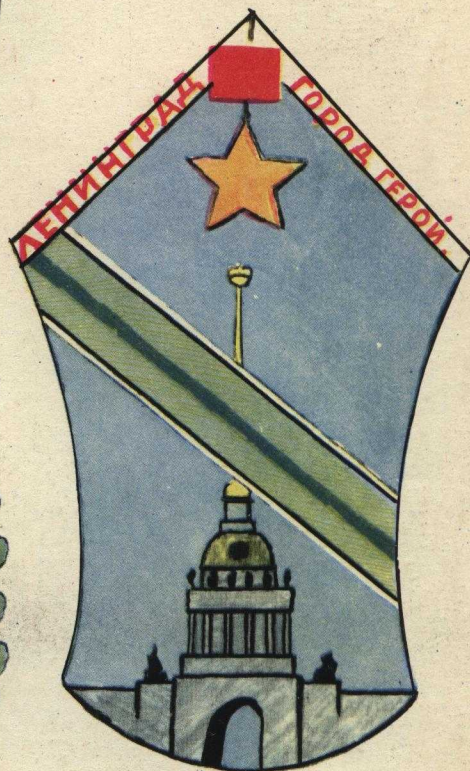
и от крема!

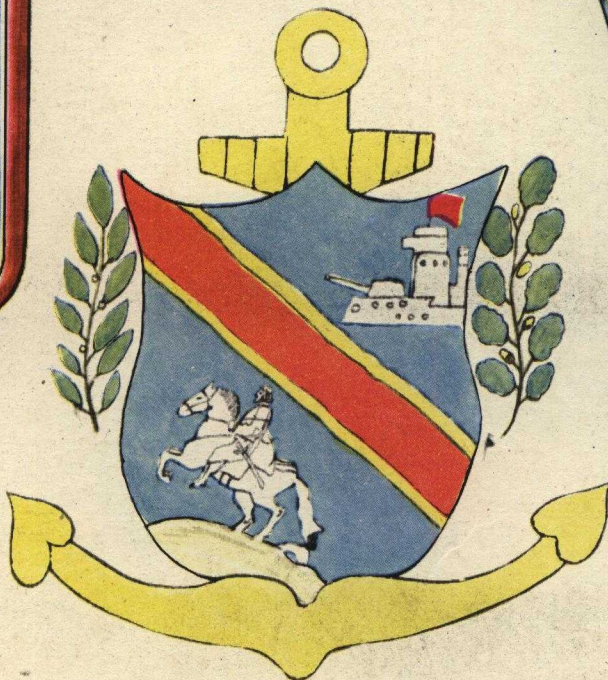
Саша Калина

Петя Мишенков

Вера Свешикова

Оля и Ирина Лукас, Володя Симонов

ПЕРВЫЙ
МАЛЬЧИК:

(выкрикивают, поочередно
„пятная“ друг друга)
От игры в Монте-Кристо,
от футбола на свалке,
от — длидиади — твиста,
от дрессированной галки,
от мармелада,
от стенгазеты,
от зоосада,
от соевой конфеты,
от вареной кури,

от нового дома,
от макулатуры,
от металлолома,
от культпохода на конди-
терскую фабрику!

(Оба тяжело дышат).

ПЕРВЫЙ
МАЛЬЧИК: Да здравствует мания
собрания!

ВТОРОЙ
МАЛЬЧИК: Благодарим за внимание.
ВМЕСТЕ: До свидания.

Пересказал с польского А. Лосев

РАССКАЗ ОБ ОДНОЙ ДРУЖБЕ

Г. Дейч

Был среди товарищей по революционной борьбе человек, с которым Владимира Ильича связывала поистине удивительная и печальная дружба.

Удивительно в этой дружбе то, что Владимир Ильич, возможно, никогда не видел своего друга, а если и видел, то буквально мельком.

Печальной же эта дружба была потому, что все попытки друзей встретиться каким-то роковым образом не удавались...

В конце восьмидесятых годов прошлого века в Казани действовала сеть марксистских кружков. Организовал кружки и руководил их работой энергичный молодой подпольщик Николай Евграфович Федосеев, а среди кружковцев был и совсем юный студент — Владимир Ильич Ульянов. В восемнадцать лет Владимир Ильич был широко образованным марксистом. Он искал возможности лично познакомиться с Федосеевым. Казалось бы, чего же проще? Но существовал неписаный закон конспирации, по которому члены кружка не должны были проявлять излишнего любопытства.

Вероятно, Федосеев и Ленин все-таки встретились бы в Казани, чтобы работать рука об руку, но тут произошло событие, о котором Владимир Ильич вспоминал так:

«Весной 1889 г. я уехал в Самарскую губернию, где услышал в конце лета 1889 г. об аресте Федосеева и

других членов казанских кружков, — между прочим, и того, где я принимал участие. Думаю, что легко мог бы также быть арестован, если бы остался тем летом в Казани».

«О Федосеева я уже слышал как об организаторе очень серьезного кружка молодежи, и мне понравилось его бледное, нервное лицо с глубокими глазами»

А. М. Горький «Мои университеты»

Ленин знал: теперь Федосееву предстоит долгие мытарства по тюрьмам. А между тем, Владимиру Ильичу по-прежнему очень хотелось познакомиться с этим талантливым человеком.

Как это сделать? Как наладить связь? В это время друзья Федосеева решили подыскать девушку, которая согласилась бы назваться невестой Николая Евграфовича Федосеева и, на этом основании, просить с ним свидания. Роль «невесты» предложили сыграть

Марии Германовне Гопфенгауз.

О том, как Мария Германовна помогла дружбе Ленина и Федосеева, рассказал самарский знакомый Ульяновых — А. А. Беляев.

«М. Г. Гопфенгауз приехала в Самару для установления постоянной связи между Владимиром Ильичом и Н. Е. Федосеевым, назначенным по выходе из «Крестов» под гласный надзор полиции в город Владимир, и привезла с собой от Федосеева Владимиру Ильичу письмо.

Дня через четыре удалось найти на Воскресенской улице, около базара, подходящую комнату с отдельным ходом с улицы, где М. Г. Гопфенгауз поселилась и куда заходили Владимир Ильич, Скляренко и я».

Письма Ленина к Федосееву и Федосеева к Ленину переписывала Мария Германовна. Так было надежней — вдруг какое-нибудь письмо попадет в жандармские лапы.

В письмах Ленин и Федосеев обсуждали текущие события. Федосеев умудрился даже послать Владимиру Ильичу на отзыв свою большую работу о реформе 1861 года в России. Владимир Ильич внимательно ее прочитал и сделал на рукописи много пометок.

В 1922 году Владимир Ильич вспоминал:

«Помню, что посредницей в наших сношениях была Гопфенгауз, с которой я однажды виделся и неудачно пытался устроить свидание с Федосеевым в г. Владимире. Я приехал

На вклейке рисунок
Т. Всенофонтова

1896 год Владимир Ильич провел в одиночной камере № 193 петербургской «Предварилки»

туда в надежде, что ему удастся выйти из тюрьмы, но эта надежда не оправдалась».

Большой друг Николая Евграфовича Федосеева — Н. Л. Сергиевский лично не знал Ленина, но другого надежного человека для встречи Владимира Ильича нельзя было найти. Много лет спустя Сергиевский рассказал подробно, как все было.

«В назначенный час я пришел на вокзал, и, окинув взглядом почти пустой буфет и удостоверившись, что все обстоит благополучно, я тут же заметил около условленного столика... человека со всеми прочими приметами В. И. Немедленно подошел к нему, сказал пароль. В. И. ответил, быстро взял свой саквояж и без дальних слов направился за мной, чтобы скорее выбраться из места, находящегося под усиленным наблюдением полиции. Первое время мы шли почти молча, изредка перекидываясь незначительными замечаниями, имевшими целью ознакомить В. И. с обратной дорогой на вокзал. Я с любопытством наблюдал его...

Пришли мы на квартиру, только что накануне снятую для Н. Е., и здесь ждали его вдвоем несколько

часов. Наконец явилась М. Г. Гопфенгауз и сообщила, что жандармы закапризничали — нашли какой-то повод для того, чтобы отложить освобождение Н. Е. еще на один день. Делать было нечего, В. И. необходимо было выехать в Москву, откладывать отъезд до следующего дня было нельзя, и он скромненько ушел на вокзал. Теперь уже один — пройдя всего раз, он превосходно заметил дорогу».

Эта неудача только укрепила желание Ленина и Федосеева увидеться.

В феврале 1897 года Ленин был выслан в Сибирь. Почти одновременно с ним в Восточную Сибирь выслали и Николая Евграфовича Федосеева. Владимиру Ильичу было разрешено ехать в обычном поезде за свой счет. Федосеева же несколько позже отправляли в арестантском вагоне.

Старшая сестра Владимира Ильича — Анна Ильинична Ульянова-Елизарова потом рассказывала:

«На меня и сестру, провожавших Николая Евграфовича в ссылку, — мы стояли у вагона, но были ненадолго впущены и в вагон, — он произвел

впечатление неотразимо привлекательной личности. Особенно хороша была его раскрывавшая перед ним все сердца, прямо обязательная улыбка! Мы провожали в этот момент не товарища, которого видели первый раз в жизни, а близкого, дорогого, почти родного человека. Сколько нежности было в его сильной натуре!»

В пути Владимир Ильич узнал несколько важных вещей. Во-первых, что по дороге в ссылку Федосеев обязательно должен быть в Красноярске. Во-вторых, что в Красноярске существует фотография Кеппеля, где обычно фотографируют всех ссыльных перед отправлением к постоянному месту ссылки.

4 апреля в Красноярск прибыла партия заключенных.

Эта девушка происходила из дворянской семьи и воспитывалась в институте благородных девиц. Став старше, Мария Германовна Гопфенгауз порвала со своей средой и стала революционеркой.

Прорвавшись с трудом к арестантскому вагону, Владимир Ильич успел пожать руку не-

которым своим товарищам, но Федосеева в этой партии не привезли.

Узнав 10 апреля, что прибывает новая партия, Ленин опять устремился на вокзал. Наконец он увидел в окне вагона бледное лицо Федосеева, хорошо знакомое ему по многочисленным описаниям и, возможно, по фотографиям. Однако все попытки прорваться к вагону не увенчались успехом: конвойные и жандармы грубо толкали тех, кто пытался подойти, угрожая самыми суровыми карами.

Потерпев неудачу на вокзале, Владимир Ильич с необыкновенным упорством начал караулить, когда Николай Евграфович привезут фотографироваться к Кеппелю. Очевидцы рассказывают, что он многократно приходил в фотографию, вел какие-то разговоры, успел даже сфотографироваться и все старался узнать, был ли и будет ли здесь Федосеев.

Догадались ли власти о стремлении «политических преступников» встретиться у Кеппеля, случайно ли это произошло, но Федосееву категорически запретили посетить эту фотографию.

Близился день, когда Владимиру Ильичу предстояло на три года выехать в Шушенское, а Николаю Евграфовичу на целых пять лет в Иркутскую губернию.

Есть одно воспоминание, которое позволяет предположить, что Владимир Ильич ценой огромного риска все же добился мимолетного свидания со своим другом. Вот что рассказывает один из современников:

«...На прощанье мы устроили в Красноярской тюрьме дерзкую шту-

ку. Н. Е. Федосееву, которого отправляли в Иркутскую губ., очень хотелось повидаться с В. И. Ульяновым, В. И. тоже желал этого свидания. Чтобы устроить его, мы, выходя из тюрьмы, не забрали своих пожитков, а на следующий день явились за ними в тюремный цейхгауз с телегой, которую, кроме извозчика, сопровождал Ульянов в качестве... якобы хозяина телеги. Одета в шубу купецкая фигура Ульянова показалась часовым подходящей для извозпромышленника, и они нас пропустили. В цейхгаузе мы потребовали у надзирателя вызова Федосеева как «старосты» политиков для сдачи нашего имущества. Таким образом, пока мы извлекали и нагружали свое добро, Ульянов и Федосеев могли беседовать, к великому смущению «помощника», понявшего, что его одурачили, но не желавшего поднимать шума...»

Разделенные сотнями километров, друзья вели переписку, стараясь подбодрить друг друга и держать в курсе всех событий. Если Николай Евграфович своевременно не отвечал на письма, Ленин нервничал и сердился.

21 декабря 1897 года он, например, писал Анне Ильичне:

«Федосеев и Ляховский не пишут ни слова — черт их знает, что у них там делается!»

Через месяц уже с явной тревогой:

«Н. Е. Федосеев мне не пишет, не отвечает даже, хотя я писал ему 2 письма. Попеняй ему на это, если будешь писать.

Об «истории» в Верхотенске я слышал: отвратительный нашелся какой-то скандалист, напавший на Н. Е.».

Тревога Владимира Ильича была не напрасной: с Федосеевым действительно разыгралась тяжелая история. Дело в том, что какой-то проходимец, по фамилии Юхоцкий, обвинил Федосеева в том, что тот якобы присвоил себе какие-то деньги, собранные на нужды ссыльных. Никто не придавал грязной клевете никакого значения, но сам Федосеев был в то время уже совершенно издерган и измучен. В июне 1898 г., не выдержав испытаний, он покончил жизнь самоубийством.

Умирая, он говорил: «Нет больше сил: с семнадцати лет по тюрьмам и этапам... десять лет такой жизни подорвали силы... Сейчас много работы и работы интересной... Надо работать, а я работать не могу... А жизнь так интересна, так хочется жить...»

Смерть Федосеева сильно опечалила Владимира Ильича. В начале августа 1898 г. он сообщил матери:

«Пишет доктор, что крайне грустно повлияла на Н. Е. история гнусных обвинений, поднятых против него каким-то негодяем (из политиков же) по денежным вопросам, что Н. Е. решил потом не брать ни от кого никаких пособий (а его решения бывали твердые), что терпел поэтому самые крайние лишения, не мог работать, и, по его словам, «когда убедился, что не может работать, решил, что не будет жить...»

О Н. Е. Федосееве Владимир Ильич помнил всю свою жизнь, а в 1922 году написал даже специальную статью, посвященную памяти «этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера».

СТИХИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Рисунки
И. Казаковой

ДОЖДЬ

Дождик льет,
Дождь поет,
Дождь в окошко стучит,
То горошками бьет,
То иголками строчит.

Поливает
Что есть сил.
В школу — в лодке надо плыть.
Видно, дождичек решил
Город начисто отмыть.

Вика Зубкина
3 кл. 185 школы

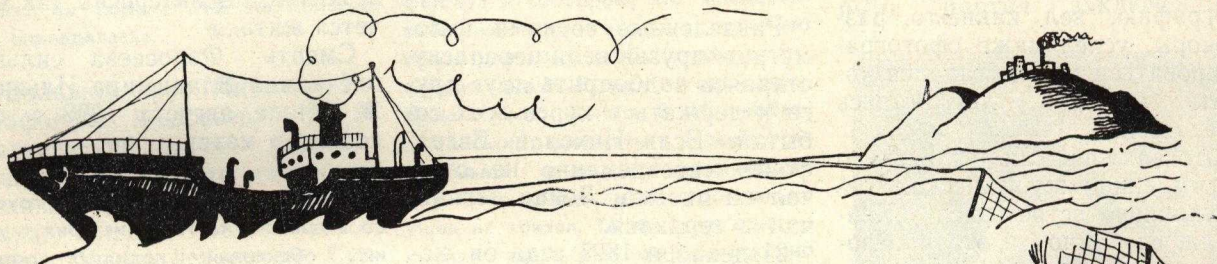
РЯБИНА

Хороша стоит рябина
У соседнего двора.
У меня в глазах рябило
От нее, как от костра.

И березонька, и липа
С золотой своей косой
И сравниться не могли бы
С этой яркою красой.

С этой русской царь-девицей
Только алая заря
Лишь одна могла б сравниться,
На ветру огнем горя.

Галя Халаявко
5 кл. 240 школы

В МУРМАНСКЕ

Я уехал в Мурман.
Уехал из лета
В Север хмурый,
Где сопки-атлеты.

Где с сопками вровень
Тяжелые тучи
Нахмурили брови
Над морем вспученным,

Где ветер кружит
Крупы-горошины,
Где столько нужного,
Столько хорошего.

Здесь тонны олова,
Железа, платины
В земле безмолвной
Под тундрой спрятаны.

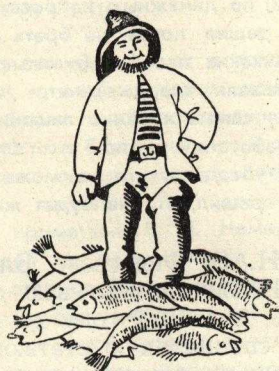
В учебных пособиях
Есть про белые ночи...
Но Север особенный
Я увидел воочию.

Я видел, как в брызгах
Под ветром несносным
Траулер вгрызся
В волны носом.

Я видел:
На палубу
Руки жилистые
Подняли трал
С морскою живностью.

И тут без пособий
Увидел я Мурман,
Мурман особенный —
Яркий и трудный.

Кочнев Саша 7 кл. 355 школы

ТАМ, ВДАЛИ ЗА РЕКОЙ

ПОВЕСТЬ О ДЯДЕ

Юрий Коринец

Рисунки С. Острова

СОЧИНЕНИЕ НА ВОЛЬНУЮ ТЕМУ

Нам задали в классе сочинение на вольную тему. Это значит, писать можно о чем хочешь. Сочинение было задано на дом.

Дело было осенью, в сентябре. Поэтому многие решили писать о том, как они провели лето. Они решили писать о море, о рыбалке, о пионерлагере. И учительница тоже советовала писать о пионерлагере.

А я решил написать о дяде. Раз у меня такой замечательный дядя! И лето, и пионерлагерь, и рыбалка — есть у каждого. А дядя не у каждого. Тем более такой, как у меня. Я так и сказал на уроке:

— Я напишу о дяде!

— Это можно, — сказала учительница. — А кто твой дядя?

— Мой дядя ответственный работник!

— Это очень хорошо! А чем он занимается?

— Он всем занимается!

— Ну, а все-таки?

— Он все время ездит в командировки! — сказал я. — Потом... потом он много путешествует... рассказывает разные интересные истории... охотится... ездит на рыбалку...

Все засмеялись.

— Мой дядя тоже ездит на рыбалку! — сказала одна девочка.

— И мой папа ездит на рыбалку!

— И мой! И мой! — зашумели ребята.

— А мой дядя прошел огонь, воду и медные трубы! — сказал я.

Все еще сильнее засмеялись. И учительница засмеялась. Мне стало очень обидно.

— Ничего вы не понимаете! — сказал я. — Вы не смеете так смеяться! — и сел на место.

— Тише! — сказала учительница. — Перестаньте смеяться!

Когда все успокоились, учительница сказала:

— Никто над тобой не смеется. Просто ты очень смешно сказал. Ты-то сам знаешь, что значит пройти огонь, воду и медные трубы?

— Конечно, знаю!

— Ну, что же?

— Это очень трудно объяснить! — сказал я. — Не всякий поймет!

— А ты попробуй!

— А что мне пробовать! Я и так знаю: огонь, воду и медные трубы проходят для того, чтобы поймать свое счастье и насыпать ему соли на хвост!

Все опять засмеялись.

А учительница сказала:

— Вы не смейтесь. В общем-то он прав. Все это не так просто. Пройти огонь, воду и медные трубы — это значит пройти тяжелые испытания. Каждый человек должен пройти в жизни свои испытания и в них закалиться. Не каждый может их выдержать. Некоторых это ломает. И тогда человек гибнет. Только тот, кто пройдет эти испытания и выйдет из них с честью, станет настоящим человеком. Каждый из вас должен стремиться к тому, чтобы стать настоящим человеком... А у твоего дяди, наверное, очень интересная биография, — обратилась ко мне учительница. — Кем он был в прошлом, до революции?

— Мой дядя сам делал революцию! — сказал я. — Мой дядя старый большевик!

— Вот это уже интересно! — сказала учительница. — Я вот что предлагаю: давайте организуем пионерский сбор на тему об испытаниях в жизни, о смысле жизни. И поговорим обо всем подробно. Мы тебе поручаем это дело, организацию сбора. И пригласи своего дядю. Пусть он расскажет нам о себе, о революции. Ну, как, согласен?

— Согласен! — сказал я.

Все посмотрели на меня с уважением. А некоторые даже с завистью. Я это видел по глазам. «Так им и надо, — подумал я, — нечего было смеяться!»

Я шел домой очень гордый и озабоченный.

Дома я сразу сел за стол и стал писать сочинение.

Я написал:

«Сочинение».

«На вольную тему».

Потом я написал:

«МОЙ ДЯДЯ».

И задумался. Я не знал, как начать...

Я не знал, как начать! Я хотел написать о дяде получше. Я хотел написать о том, как мой дядя был рядовым на флоте. И как он был в плену в Германии. И как он участвовал там в подпольном революционном движении. И как он бежал из плена. И пошел добровольцем в Красную гвардию. Как он примерял шинели и все они были ему не по росту, потому что мой дядя был маленького роста. И как он потом отрезал шинель и пошел на фронт. И остановил немцев под Нарвой. Это было в День рождения Красной гвардии. Все это рассказывал мне сам дядя. И как он был ранен. Мой дядя был ранен много раз. До сих пор он носил в своем теле осколки. Обо всем этом я хотел написать получше. И тут вдруг вошел дядя...

— Что это ты пишешь? — спросил он.

— Сочинение!

— О чем, если не секрет?

— О тебе!

— Обо мне? — удивился дядя. — Почему обо мне?

— Потому что ты ответственный работник... У тебя очень интересная биография.

— Этого еще не хватало! Прекрати это дело!

— Почему?

— Потому что это не скромно! Я не Юлий Цезарь! И не Александр Македонский! — Дядя был очень сердит. — Пиши о чем-нибудь другом!

— О пионерлагере?

— Можно о пионерлагере.

— Все пишут о пионерлагере! Я хочу о чем-нибудь другом.

— Ну и пиши о другом... Только не обо мне!

— А о чем?

— Писать можно обо всем! — крикнул дядя. — Например, вот об этой чашке!

— Как о чашке?

— Очень просто! — заорал дядя. — Писал же Пушкин о чернильнице! И прекрасно писал! А Гайдар! Написал же Гайдар рассказ о чашке! Рассказ так и называется: «Голубая чашка». Конечно, надо иметь талант! Если ты бездарен, лучше не пиши! Читай, что написали другие!

— Но нам задали!

— Тогда пиши о чашке! Или о сапогах! —

дядя был в сапогах. Он опять куда-то уезжал. — Или вот об этой герани!

— Я не знаю, что писать о герани! — сказал я тоскливо.

— Доннерветтер! — заорал дядя. — Пиши по ассоциации! Это же так просто!

— По какой асс... ассоциации?

— По связи понятий! Импровизируй! Бери ручку! — дядя встал за моей спиной.

Я взял ручку.

— Пиши — «Герань»!

Я написал: «Герань».

— Что можно сказать об этой герани?

Я написал: «Что можно сказать об этой герани».

— Это не пиши! — сказал дядя. — Это я просто вслух размышляю. Надо сперва подумать, прежде чем писать!

— ...Итак, — что можно сказать об этой герани? Герань — это комнатный цветок. Бывают полевые цветы. И садовые. Мало ли какие бывают цветы! А наша герань растет в горшке, на окне. Считается, что герань — это символ мещанства. Потому что мещане очень любили герань. Что такое символ? Символ — это условный знак, выражающий какую-то идею. Считается, что герань символизирует идею мещанства. Мещанство! Это отвратительная штука! Это мерзость! Ты никогда не станешь мещанином, мой мальчик?! Мещанин это человек с мелкими, куцыми интересами собственника! Нужно быть человеком полета, фантазии, самопожертвования! Нужно жертвовать собой для блага народа! Надо быть бескорыстным! Максим Горький изобличал мещан! Вспомни его «Песню о соколе»! Я читал ее тебе. Там уж — символ мещанства! «Рожденный ползать — летать не может». Запомни это, мой мальчик!

Я кивнул.

— При чем здесь герань? — спросил дядя. — Отвечай!

— Не знаю! — сказал я тихо.

— Совершенно ни при чем! — заорал дядя. — Герань не виновата, что ее любили мещане! Герань это прекрасный русский цветок! Надо реабилитировать герань! Да, да, так и пиши! Реабилитировать — это значит оправдать! Оправдать ее, потому что она не виновата! Вспомни, как мы покупали ее с тобой на базаре! Мы купили ее у какой-то старухи... Что это была за старуха! Потрясающая старуха! Вспомни ее морщины! Разве это лицо мещанки? Я тебя спрашиваю!

Я молчал.

— Это лицо труженицы! Рабочего человека! Матери! Но никак не мещанки! А она продавала герань! Вот так! Так и пиши!

Я так и написал. Я написал:

ГЕРАНЬ

Сочинение на вольную тему.

У нас на окне герань. Она цветет розовыми цветочками. Мы с дядей купили ее на базаре, чтобы ее оправдать. Потому что она ни в чем не виновата. Виноваты мещане. Они очень плохие люди. Они сделали герань своим символом, потому что думают только о себе. А надо думать о благе народа. И уж тоже не виноват. Потому что рожденный ползать летать не может. Это сказал Максим Горький. Я поливаю свою герань каждый день. Она очень красивая. А скоро дядя купит мне ужа. И я буду за ним ухаживать. Конеч.

За это сочинение я получил «оч. плохо». Учительница сказала, что мое сочинение похоже на бред.

Я очень переживал из-за этой отметки. И дядя тоже. Но он сказал: «Ты не горюй! Мы еще с тобой оправдаемся».

И мы действительно оправдались. Оправдались мы на сборе. Я прочел доклад. Я к нему очень долго готовился. И дядя тоже готовился: он выступил с воспоминаниями о революции. Потом выступали ребята. Тоже с воспоминаниями — о разных случаях из своей жизни. О разных ошибках в поведении. Все прошло прекрасно. Все благодарили дядю. Даже директор школы. А мой доклад поместили в стенгазете.

АЛХИМИК

Оказывается, у нас есть свой алхимик. Он живет в нашей квартире. Вы не знаете, что такое алхимик? Я раньше тоже не знал, что такое алхимик, а потом узнал... Сейчас я вам расскажу!

Я сидел дома и делал уроки, когда зазвонил «Центральный телеграф»... то есть телефон. В квартире никого не было. Я побежал к телефону.

— Алло! — сказал я.

В трубке звучала какая-то музыка. Потом раздался смех и женский голос спросил:

— «Благодарю за внимание» дома?

— Что? — я сначала не сообразил.

— Это кто? — спросил голос.

— Это я.

— Ах, это ты! — в трубке опять засмеялись. — Я тебя не узнала, богатый будешь! Голос как у мальчика!

— Я и есть мальчик!

— Ну, ладно, мальчик, не дури!

— Я не дую!

— Брось шутить, Мэри Пикфорд!

Скажи лучше, не найдется ли у тебя пачек двадцать твоей дряни?

— Какой дряни? — спросил я. — И потом я не Мэри Пикфорд. Я мальчик...

В трубке опять засмеялись.

— Ах, ты действительно мальчик! Послушай, милый мальчик, пойд и узнай, дома ли ваш старичок «Благодарю за внимание»...

— Старичок? — сказал я. — Сейчас!

Я положил трубку и побежал к двери «Благодарю за внимание». Я постучал. Никто не ответил. Я еще сильнее постучал. Дверь подалась и медленно открылась настежь...

Я замер на месте, в комнате никого не было! *Никогда в моей жизни я не переступал порога этой вурдалачьей комнаты.* Потому-то я и замер на месте.

Я оглядел комнату. Окна в ней действительно не было. Под потолком горела голая лампочка. Пол был грязный. На кровати, прямо напротив двери, валялись смятые тряпки. На лево висела черная занавеска, загромождавшая часть комнаты. Направо стоял очень смешной стол, на гнутых резных ножках, на столе горела керосинка, а на ней что-то кипело, распространяя отвратительный запах. Вот почему из этой комнаты всегда

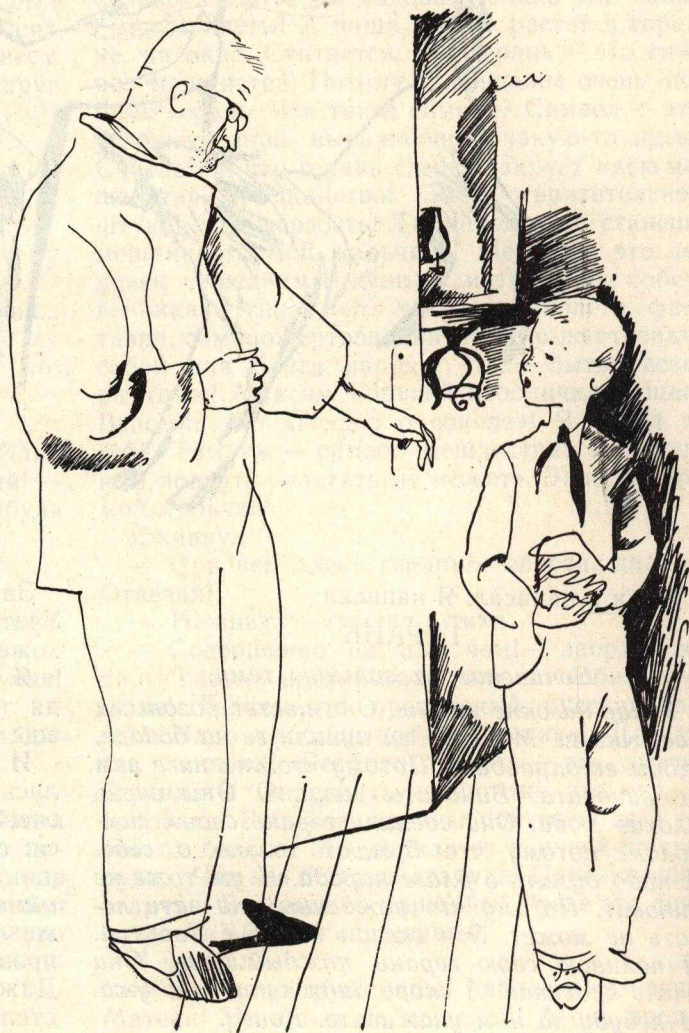
так пахло! Стол вокруг керосинки был загроможден какими-то банками, склянками, колбами, тюбиками и огромным количеством серебряной бумаги из-под шоколада. Она валялась даже на полу. «Неужели он варит шоколад?» — подумал я. Пахло совсем не шоколадом. И зачем ему столько серебра? Серебра было страшно много... Вот это богатство!

— Что ты тут делаешь? — услышал я за спиной.

Это был он! Очевидно, он вышел на кухню и забыл запереть комнату. А может быть, он тоже думал, что никого нет в квартире.

— Вас к телефону! — сказал я. — Я только постучал. А дверь открылась сама...

— Благодарю за внимание! — сказал он. —

Большое спасибо! — быстро закрыл дверь и поспешил к телефону.

— Алло! Алло! Положили трубку... — сказал он и вернулся к двери.

— Вот так! — сказал он почему-то и улыбнулся мне одними губами. Это было очень смешно: как будто сам человек серьезный, а улыбаются одни губы.

— А что вы там варите? — спросил я. — Шоколад?

— Я алхимик! — сказал он. — Алхимик! Ясно?

— Не ясно!

— Это такая профессия. Я ставлю разные опыты и пишу об этом книги... ясно? Ну, в общем, я изобретатель. Только особый.

— А говорят, что вы вурдалак!

— Кто это говорит?

— Это все говорят!

Он рассмеялся.

— Я не вурдалак. Я алхимик! Но это тайна! Никому ни звука. Ясно? И мы будем дружить!

— Ясно. А зачем вам столько серебра?

— Для опытов. Хочешь, я дам тебе серебра?

— Немножечко, — попросил я.

Он вынес мне целую пачку серебра! (Все время тщательно закрывая за собой дверь).

— Большое спасибо! — сказал я.

— Не стоит! Ты очень примерный мальчик!

— Я большевик! — сказал я. — Только юный.

А мой дядя старый большевик. И папа. — Мне очень хотелось еще поговорить.

— О! — он опять улыбнулся своей стран-

ной улыбкой. — У тебя очень интересный дядя. Приходи, я буду давать тебе сколько хочешь серебра.

— Благодарю за внимание! — сказал я.

— Это я благодарю за внимание! А теперь разрешите раскланяться, — он мне действительно поклонился, — надо трудиться! Всем надо трудиться! В поте лица своего! — он это почти крикнул. — И ты иди и трудись!

Он опять растянул губы в улыбке, еще раз поклонился и скрылся в своей комнате, повернув изнутри ключ.

Я тоже пошел трудиться: я быстро кончил уроки и стал делать из серебра шхуну. Это такой корабль. Я видел его у дяди в бутылке. Дядя привез эту бутылку откуда-то с Севера. В этой бутылке построен целый корабль. Уж как он там построен — не знаю, но факт тот, что построен.

Я вырезал и клеил свою шхуну и думал о «Благодарю за внимание». Какой он смешной! И добрый! И совсем он не вурдалак! Это он раньше был вурдалак, а сейчас он не вурдалак! Сейчас он алхимик. Подумать только! Надо рассказать об этом Вале, то-то она удивится. И подарить ей серебра. Все девочки очень ценят серебро. Серебро это не шутка!

— Ах, Мэри, Мэри Пикфорд! Ах, двери, двери Пикфорд! Ах, Пикфорд, Пикфорд Мэри! Ах, двери, двери, двери! — бормотал я, клея свою шхуну.

Интересно, кто такая эта Мэри Пикфорд? Она, наверное, тоже любит серебро!

А что значит «двадцать пачек дряни»?

ЧЕЛОВЕК НА КРЮЧКЕ

Я открыл дяде тайну, что вурдалак не вурдалак, а алхимик! Может, он раньше и был вурдалак, а сейчас он алхимик. Я не мог не открыть дяде эту тайну, потому что от дяди у меня никогда не было тайн. И у дяди от меня тоже не было тайн. Поэтому я и открыл дяде эту тайну. Конечно, под страшным секретом. Дядя сначала поклялся, что никому об этом не расскажет. Но когда я открыл ему эту тайну, дядя рассмеялся.

— Ты про-сто-филя! — сказал дядя.

— Никакой я не Филя! Я Миша!

— Простофиля — это значит простачок! Ты простачок, потому что никакой это не алхимик. Это обыкновенный жулик! Тебя провели!

— Куда меня провели? Никуда меня не проводили!

— Тебя провели за нос!

— Никто не проводил меня за нос! — мне было очень обидно.

— Ты ничего не понимаешь! Провести за нос — значит обмануть! Тебя обманули!

Дядя объяснил мне, что такое алхимик. Алхимик это *лжеученый*, то есть не настоящий ученый. Такие лжеученые были когда-то очень, очень давно. В средние века. И даже раньше. Алхимики искали философский камень, такой волшебный камень, который все превратил бы в золото. Они хотели научиться все превращать в золото: дерево, булыжники, железо — все, все! Если бы они нашли такой камень, они бы страшно разбогатели. Потому что на золото можно было все купить. Это у нас сейчас на золото нельзя все купить, а раньше, до революции, на золото можно было все купить. Даже людей продавали за золото. Даже детей! Вот какое это было страшное время! Но алхимики философский камень, конечно, не нашли. Потому что его просто нет. В этом-то все дело! Алхимики много лет искали этот

камень, а некоторые даже говорили, что они его нашли. На самом деле они просто жульничали: они подкладывали в свои котлы, в которых варили разную дрянь, кусочки золота и говорили, что это золото получилось из железа или из дерева. Но их, конечно, разоблачили. Вот какие они были жулики!

— И «Благодарю за внимание» тоже жулик, — сказал дядя. — Я уж не знаю, чем он там занимается, но он жулик.

— А может быть, он все-таки хочет научиться все превращать в золото, например, серебро? У него очень много серебра! Видишь, сколько он дал мне серебра! И сказал, что еще даст!

Но дядя опять рассмеялся.

— Просто он жулик и когда-нибудь обязательно попадется на удочку!

— А разве люди попадают на удочку?

— Еще как! — сказал дядя.

— Они клюют?

— Еще как!

— А на что они клюют?

— Кто на что! Некоторые, например, клюют на серебряную бумагу. Ты клюнул на серебряную бумагу и попался, — сказал дядя.

Вы себе не можете представить, как мне было обидно! Мне было обидно, что я попался на удочку, как какая-нибудь глупая плотва. Но теперь я буду осторожным и никогда больше не попадусь на удочку. Лучше я посмотрю, как попадется на удочку «Благодарю за внимание». То-то я посмеюсь, когда он будет дергаться на крючке. В том, что это будет, я не сомневался, потому что так сказал дядя.

ПОДАРКИ ПОД ПОДУШКОЙ

В детстве я получал очень много подарков.

Во-первых, конечно, в мой день рождения. В этот день я получал страшно много подарков. Я просто купался в этих подарках!

Во-вторых, я получал подарки по большим праздникам. Я получал подарки 1-го Мая, 7-го ноября, 1-го сентября и в Новый год.

В-третьих, я получал подарки по маленьким праздникам.

Кроме того, я получал подарки по бабушкиным праздникам: у бабушки было очень много праздников, о которых знала одна только бабушка.

Еще я получал подарки за хорошее поведение, за хорошие отметки, за выздоровление после болезни и когда приходили гости.

Но больше всего я получал подарков от дяди — от него я получал подарки просто так, не говоря уже о разных датах.

Так что, как видите, подарков я получал очень много.

С тех пор, как я стал взрослым, я уже не получаю столько подарков. Я часто думаю: почему большее количество подарков падает у человека на детство? Почему, когда люди становятся взрослыми, они получают меньше подарков? Потому что меньше дарят. Считается, что подарки это пустяки, детское дело! Но это совсем не пустяки! Подарки украшают жизнь. Это очень хорошее дело. Серьезное дело. Не забывайте об этом, ребята, когда станете взрослыми. Ходите друг к другу с подарками. Если вам с ними некуда ходить — дарите их своим соседям на лест-

нице. Или в соседнем доме. Можно дарить подарки и совсем незнакомым людям — например, в самолетах, в троллейбусах, в метро. А то и просто на улице. Ничего плохого в этом нет. Необходимо одно — чтобы все взялись за это дело дружно, чтобы никто не остался в стороне. Тогда все будет в порядке и никто не останется без подарков.

А пока что у взрослых дело с подарками обстоит хуже, чем у ребят. Взять хотя бы меня. Взять хотя бы мою подушку. Разве сейчас, когда я просыпаюсь в какое-нибудь прекрасное праздничное утро, я нахожу под подушкой подарки? В лучшем случае я найду там носовой платок или вчерашнюю газету. А в детстве? В детстве я всегда с нетерпением ждал праздничного утра, чтобы сунуть руку под подушку — и что же вы думаете? Там всегда был подарок, а то и несколько! Конечно, в течение дня я получал еще подарки, но самое приятное было, проснувшись утром, сунуть руку под подушку и найти там тепленький подарок!

Когда я просыпался ночью и шарил рукой под подушкой — никаких подарков я не находил. Я нарочно притворялся спящим, а сам бодрствовал целыми часами, подкарауливая появление подарков — но все было напрасно: подарки появлялись, когда я спал. Как они попадали под подушку, я никогда не мог догадаться.

А иногда с этими подарками случались очень странные вещи. Иногда они бесследно исчезали... Куда?

Этого никто не знал.

ДЫМ КОРОМЫСЛОМ

Часть I

Один раз дядя приехал откуда-то поздно ночью. Дело было зимой. Весь день и весь вечер бушевала вьюга. Я рано лег и уснул под завывание вьюги.

Проснулся я от крика. Кричал дядя.

Дядя сидел с папой, мамой и бабушкой на медвежьей шкуре и размахивал руками. В комнате стоял дым коромыслом. Дым таинствен-

— Кто рисовал на льду? — закричал я и полез к дяде на колени.

— О! — дядя вынул изо рта свою трубку и выпустил двадцать колец дыма. — Это было *этвас! Этвас!*

— Эх-хе-хе! — вздохнул папа. Его почти не было слышно.

Дядя тискал меня в своих объятиях.

но освещался тремя свечами: дядя любил сидеть при свечах. Выл ветер. От ветра дребезжали окна.

— Он рисовал на льду! — орал дядя.

Я мгновенно вскочил с кровати.

— Кто рисовал на льду? — спросил я.

— Ты проснулся, мой мальчик? — сказал дядя.

— Я же просила говорить потише! — сказала мама.

— Я мог тебя больше не увидеть, мой мальчик!

— Расскажи про *этвас!* — попросил я. Я весь дрожал.

Дядя залпом выпил стакан чаю, стакан вина, стакан воды и стакан молока. Потом он опять затыкнул своей трубкой.

— Я подходил к Северному полюсу, — начал дядя. — Вокруг была крошечная тьма. Двадцать собак тащили упряжку. Ханг и Чанг

шли впереди, головными. Они совсем выбились из сил. До цели оставалось несколько метров. Это был торжественный момент. Мечта всей моей жизни! Я решил сосредоточиться. Я остановил собак, сел на нарты и решил закурить. Я полез в карман за трубкой... но увя! Трубки не было! Очевидно, я выронил ее где-то по дороге. Но, доннерветтер, не мог же я идти на полюс без трубки!

— Я тебя понимаю, — сказала мама. — Только не волнуйся.

— Я не волнуюсь. Я никогда не волнуюсь! Я пошел назад за трубкой... вернее, пополз, потому что была кромешная тьма. Я полз по своим следам, ощупывая каждый сантиметр.

— А собаки?

— Не перебивайте дядю! — сказала мама.

— Я полз несколько суток, — продолжал дядя. — Потом я решил вздремнуть. Я заснул прямо на снегу. Проснулся я от яркого мерцающего света... Это было северное сияние! Оно сияло всюду! И тут я увидел свою трубку...

— А собаки?

Мама посмотрела на меня умоляющим взглядом. Дядя ничего не ответил и стал раскуривать трубку. Дядя затаился, выпустил бесчисленное число колец дыма и сделал страшные глаза.

— *Метрах в двухстах от меня, —* сказал дядя глухим голосом, — *возле большой глыбы льда сидел Полярный человек и курил мою трубку!*

— Ах! — сказала бабушка. — Как тесен мир!

— Как ты узнал, что это Полярный человек? — спросили мы хором.

— Он был голый! — рассмеялся дядя. — Он был совершенно голый! Вы знаете, что он делал? *Он рисовал на льду!*

— Эх-хе-хе! — вздохнул папа.

— Чем он рисовал? — прошептал я.

— *Бивнем!* — заорал дядя. — *Бивнем монтажа!* Откройте холодильник и покажите ему... покажите ему этот шедевр!

Мама встала, открыла холодильник (холодильником у нас был ящик за окном) и положила на медвежью шкуру... что бы вы думали? *Кусок льда!* Настоящий свежий кусок льда! Я понюхал его: он пах Северным полюсом! На льду были какие-то линии...

Мы долго смотрели на этот кусок льда. Трещали свечи. Окна дребезжали от ветра. Лед переливался всеми цветами радуги. Никогда в жизни я не видал ничего подобного!

— Это северное сияние, — сказал дядя, — оно нарисовано совершенно точно, — дядя провел по льду пальцем.

Дядя сидел важный, развалившись на мед-

вежьей шкуре. Он был в мохнатом красном халате, загорелый, кудрявый, усатый... он улыбался. Темные глаза дяди сияли. В каждом зрачке горело по маленькой свечке. У дяди был вид именинника.

Я тоже провел пальцем по льду: лед был холодный.

— Как ты смог его довести, чтобы он не растаял? — спросил я.

— Очень просто! Главное — не прерывать цепь холода! На ледоколе я положил его в трюм. В Архангельске он лежал три дня в погребе ресторана. Когда я летел в Москву, он был привязан под крылом самолета... Вот и все!

— А где бивень? — спросил я замирающим от восторга голосом.

Но дядя ничего не ответил.

— Когда я увидел, что этот дьявол держит в зубах мою трубку, — продолжал дядя, — сидит и держит в зубах мою трубку, — я пришел в ярость! Проклятый дикарь, — подумал я. — Пусть бы он украл у меня хлеб, рыбу, ружье, собак, в конце концов! Но трубку! Это было уж слишком! Взбешенный, я шел прямо на него. Он заметил меня и пошел мне навстречу. У этих дикарей дьявольский нюх! Мы постепенно приближались друг к другу. Человек помахал рукой. Я тоже. Я остановился. Он протянул ко мне руки. Я тоже. Так мы стояли друг против друга некоторое время. С одной стороны я — цивилизованный европеец, в морской робе и высоких меховых сапогах, тщательно выбритый и причесанный, благоухающий душистым мылом. С другой стороны — дикарь, совершенно голый, покрытый густой белой шерстью, с длинными висячими волосами и бородой, с лицом настолько почерневшим, что естественного цвета нельзя было разобрать из-за толстого слоя ворвани. Ни один из нас не знал, кто был другой и откуда он пришел.

Дядя сделал паузу и обвел нас горящим взглядом.

— Полярный человек первый начал разговор: «Здравствуйте!» — «Здравствуйте!» — «Я чрезвычайно рад вас видеть!» — «Благодарю. Я тоже». — «Вы здесь с кораблем?» — «Нет, его здесь нет». — «Сколько вас всего здесь?» — «Со мной двадцать собак в шести метрах от Северного полюса!»

Вдруг Полярный человек пристально посмотрел мне в глаза и произнес: «Вы дядя того самого мальчика из Москвы?» — «Да, я дядя того самого мальчика». — «Клянусь, я чрезвычайно рад вас видеть!» — Мы кинулись друг другу в объятия и крепко расцеловались...

— Эх-хе-хе! — папа глубоко вздохнул.
— Как тесен мир! — пробормотала бабушка. — Как тесен!

— Как ты мог с ним говорить? — спросил я. — Разве он понимал по-русски?

Дядя ласково посмотрел мне в глаза:

— Полярный человек очень любил русский язык! Кроме этого, он знал еще четырнадцать языков. Он был полиглот. Языки он изучил по радио. Он подобрал где-то с погибшего корабля радиоприемник. Это был интеллигентнейший человек! Поблизости находился снежный домик, где Полярный человек жил с женой и тремя детьми. Все пятеро — милейшие люди! И все говорили по-русски. Мы прекрасно провели время. Пришлось, правда, подарить ему собак...

— Каких собак? — заорал я.

— Моих, моих собак, доннерветтер!

Я заплакал. Я так любил Ханга и Чанга! Я упал на медвежью шкуру и зарыдал.

— Безобразие! — сказала мама. — Разве можно так волновать ребенка! Он может стать заикой!

— Он никогда не станет заикой! — произнес дядя твердо. — Кроме того, я одну собаку оставил... Чанг!

Дверь на балкон с грохотом распахнулась, в комнату ворвался вихрь морозного пара со снегом, затушил свечи и в темноте на меня кинулось что-то пушистое и холодное... Это был Чанг!

Он спал на балконе. Когда дядя приходил к нам в гости с собаками, они всегда спали на балконе. Зимой и летом. Так их закалил дядя.

Чанг повалил меня на пол и сразу облизал с головы до ног. Мы катались по полу, сжимая друг друга в объятиях.

Вдруг я почувствовал, что лежу в луже.

— Лед! — завопил я как сумасшедший. — Лед! Это лед!

— Господи! — всплеснула мама руками. — Он сошел с ума!

— Я не сошел с ума! Это лед! Северное сияние! Шедевр! Он растаял!

— Гав! — сказал Чанг и вскочил, отряхиваясь.

Я тоже вскочил.

Папа закрыл дверь на балкон и зажег свечи. У него дрожали руки.

Вместо льда на полу была лужа.

Все были в ужасе. Один дядя был совершенно спокоен. Он даже не пошевелился.

— Чепуха! — сказал он, попыхивая трубкой. — Стоит волноваться! Я привезу вам сколько хотите таких шедевров! Дело не в этом.

— А в чем? — спросил я.

— В том, что я смертельно устал. Я хочу спать.

— А я не хочу спать! — крикнул я.

— Тебе пора спать! — сказала мама. — Посмотрите, как он выглядит!

— Я не хочу спать!

— Он прекрасно выглядит, — сказал дядя, — но ему пора спать.

— Всем пора спать, — сказала бабушка.

— Хочешь, я подарю тебе бивень? — спросил дядя.

— Хочу бивень! Хочу полюс! Хочу Полярного человека!

— Гав! — сказал Чанг. — Гав-гав-гав-гав!

— Я устала, — сказала мама. — Я больше не могу выносить этот бред!

Дядя встал.

— Считай, что бивень у тебя под подушкой! — сказал он. — О Полярном человеке мы еще поговорим...

Дядя произнес это очень значительно.

— Сам ты Полярный человек! — сказала мама.

Все засмеялись.

— Пойдем! — сказал дядя.

У дяди был чрезвычайно таинственный вид. Я боялся лишиться бивня и пошел за дядей. Шутить с дядей было опасно.

Когда я ложился спать, со мной всегда все прощались. Первой ко мне подходила бабушка, потом мама, потом папа. Если у нас бывал дядя, он тоже подходил. Ханг и Чанг подходили последними.

Все говорили «спокойной ночи» и целовали меня в лоб. Я тоже говорил «спокойной ночи». Потом я засыпал. Так было всегда.

Так было и на этот раз. С одной только разницей: когда все вышли, дядя не сказал мне «спокойной ночи». Он сел на кровать и взял меня за руку...

ДЫМ КОРОМЫСЛОМ

Часть II

— За бивнем пойдем? — спросил дядя шепотом.

— Когда?

— Тссс! — дядя приложил к губам палец. — Когда все заснут, мы пойдем за бивнем... Согласен?

Я кивнул.

Дядя пожал мне руку, потушил свечи и тихонько вышел из комнаты.

Признаться, мне было немного страшно. Да и дядя был какой-то не такой. Я не знал, что у него на уме. Никто никогда толком не знал, что у него на уме!

Я лежал в полной темноте. За окном бесновалась вьюга. Иногда мне казалось, что она бросает в окно песком.

— Чанг! — позвал я неслышно.

В то же мгновение я ощутил на лбу холодное прикосновение Чангиного носа. Я прижал Чанга к себе. Я слушал, как бьется его сердце. А Чанг слушал, как бьется мое сердце. Наши сердца бились в унисон. Вы знаете, что значит «в унисон»? Ко сну это не имеет никакого отношения. Это значит — через равные промежутки, удар в удар, совершенно одинаково.

В соседней комнате раздавались голоса мамы, папы, дяди и бабушки. Потом все смолкло. Через некоторое время скрипнула дверь, и я услышал, как вошел дядя. Он швырнул мне на кровать одежду: «Одевайся! Быстро!»

Я стал одеваться в полной темноте. Мои руки дрожали: рубашка, носок, штаны, второй носок, майка, свитер, шарф, варежки...

«Ну!» — прошипел дядя.

...валенки, шуба, трусы, еще валенок, весло... (зачем весло? — подумал я)... шапка... Все!

«Пошли!» — прошептал дядя. Он открыл дверь на балкон. Снежный вихрь сразу обжег мне лицо. Засвистел ветер. Я увидел, что дядя стоит на перилах балкона. Чанг тоже стоял на перилах балкона. «То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя!» — пропел дядя. «Дай мне руку!» — сказал он. Я замешкался. «Вперед, доннерветтер!» — заорал дядя и дернул меня за руку. Я машинально сделал шаг вперед и почувствовал под ногами что-то хрустящее. Все вокруг трещало и корчилось, как в огне. Я понял, что мы идем сквозь огонь. Это был какой-то странный огонь — весь белый. Белые языки пламени залезали мне в рот, в глаза. Я задыхался от белого дыма. «Вперед, мой мальчик!» — подбадривал меня дядя. — Я покажу тебе *этвас*!»

Дядя шел впереди, без шапки, опираясь на весло. На голове у него шевелились белые космы огня. «Совсем седой!» — подумал я. Дядя шел быстро, я едва за ним поспевал. Я тоже опирался на весло. Зато Чанг носился, как угорелый: то он бежал рядом с

дядей, то рядом со мной. В зубах у Чанга тоже было весло.

«Зажми нос и прыгай!» — приказал вдруг дядя. Я прыгнул, плюхнулся в воду и камнем пошел в глубину.

Вокруг была тишина. Откуда-то сверху просачивался слабый свет. Огромные рыбы молча сопровождали нас. Это были акулы. Они смотрели на нас маленькими зелеными глазками. «Греби веслом!» — кричал дядя. Он кричал беззвучно, но я отчетливо понимал его, как будто говорил я сам. Дядя плыл впереди, помахивая веслом и растопырив руки и ноги. Мы медленно опускались, пока не остановились на дне. На дне лежала труба. «Ты видишь — она медная», — сказал дядя, постучал по трубе пальцем и первый полез в нее. Потом полезли мы с Чангом.

В трубе была крошечная тьма — хоть глаз выколи! Некоторое время я полз молча, не выпуская из руки весла. Дяди не было. «Дядя-а-а!» — заорал я что было силы. В ответ раздалось такое оглушительное эхо, что труба лопнула и я, оглушенный, вылетел из нее.

Я летел высоко-высоко, над облаками. Яркое светило солнце. Облака внизу были как огромные холмы, и долины, и горы. Рядом летели дядя и Чанг. Они помахивали в воздухе веслами и улыбались. «Ты видишь полюс?» — спросил дядя. Я посмотрел вниз и увидел полюс. На нем было написано: «Северный полюс». «А *этвас*?» — спросил я. «Это и есть *этвас*!» — сказал дядя. «Полюс?» — спросил я. «Не полюс!» — «А что?» — «Все!» — «Что все?» — «Весь мир! Вся жизнь! И ты!» — Дядя смеялся. «И ты тоже *этвас*!» — крикнул я. Мне было очень хорошо. Я вдруг понял, что такое *этвас*. Это самое лучшее. Самое интересное. Самое дорогое. Я чувствовал неизъяснимую легкость.

Я опять посмотрел вниз: в самой середине Северного полюса, там, где сходятся меридианы, стоял маленький снежный домик. Он был совсем круглым. Возле него стоял Полярный человек с женой и тремя детьми. Рядом я увидел Ханга. «Как все-таки тесен мир!» — подумал я.

Мы стали спускаться. Полярный человек бежал к нам через ледяные торосы.

«Здравствуйте!» — сказал он дяде. — «Молодцы, что приехали!» — «Разрешите представить вам моего племянника», — сказал дядя. «Очень приятно!» — «А это Чанг!» — «Очень приятно!» — «Очень приятно», — сказал Чанг. Я тоже сказал «очень приятно!» Мне действительно было очень приятно. «Я забыл у вас бивень!» — сказал дядя. «О!» — улыбнулся Полярный человек. «Я решил подарить его племяннику», — сказал дядя. «О!» — улыбнулся

Полярный человек. — Благодарю за внимание!» Он принес мне бивень. «Большое спасибо!» — сказал я. «Ну, что вы! У нас сколько хотите таких бивней!» «Приезжайте к нам в Москву!» — сказал дядя.

Мы двинулись в обратный путь. Полярный человек проводил нас до порога Северного полюса. Потом он повернул назад и скрылся за торосами.

Возвращались мы той же дорогой. На балконе мы долго отряхивались от снега. «Теперь тише!» — сказал дядя. Чанг остался на балконе, а мы на цыпочках вошли в комнату. Я просто валился с ног от усталости. «Спокойной ночи!» — сказал дядя. «Спокойной ночи!» — прошептал я, кое-как разделся, сунул под подушку бивень и упал на кровать. Я заснул как убитый.

О ТОМ, ЧЕГО НЕ БЫЛО

Когда я проснулся, было уже поздно. Морозное солнце светило в окно.

Я сразу сунул руку под подушку: *бивня там не было!* Я вскочил и перевернул всю кровать — бивня нигде не было!

— Мам! — крикнул я.

В ответ только тикали часы. Они показывали двенадцать часов. Было воскресенье, поэтому меня не будили. Два воробья сидели снаружи на подоконнике и клевали пшено. Я всегда сыпал птицам пшено на подоконник.

«Где мой бивень?» — подумал я.

Босиком, в одних трусах, я побежал на кухню. На кухне было полно народу. Яростно жужжало четыре примуса. Возле примусов стояли соседки. И мама. И «Благодарю за внимание» — он мыл в раковине кастрюльку. Все слушали певичку. Певичка помахивала в воздухе ложкой:

— ...и на авансцену вышел Немирович-Данченко и поцеловал мне руку. «Вы пели божественно!» — сказал Немирович-Данченко...

— Где мой бивень? — заорал я.

— Боже, как он меня напугал! — сказала певичка.

— Почему ты не здороваешься? — сказала мама. — Ты босиком! Сейчас же марш в комнату!

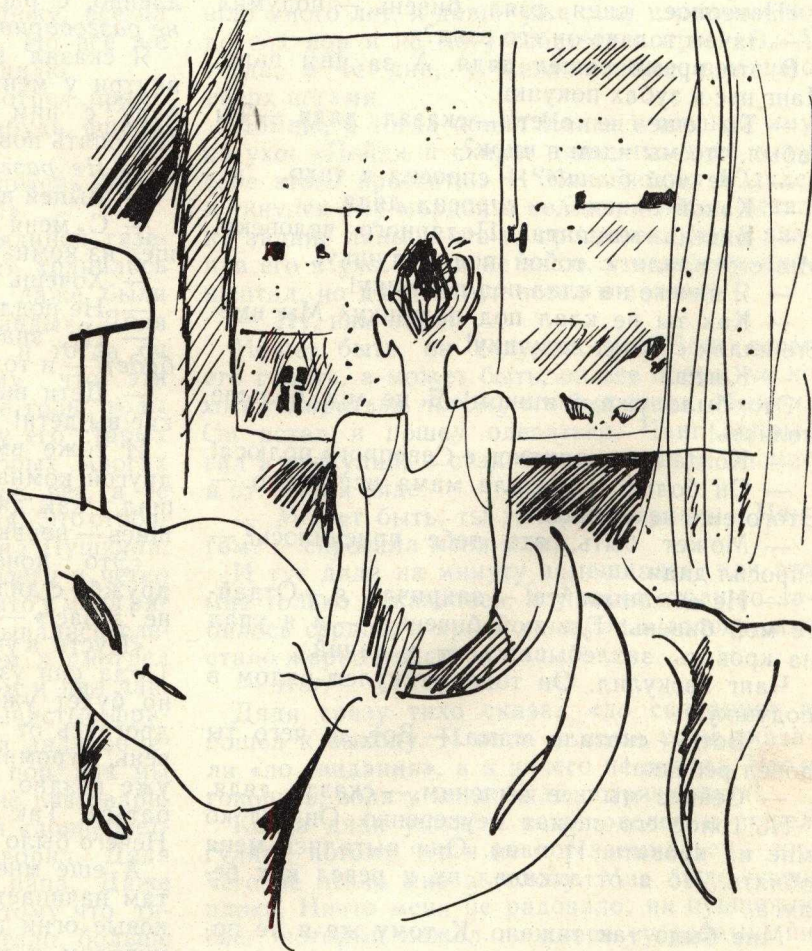
— Где мой бивень? — повторил я со слезами в голосе.

Мама схватила меня за руку и потащила в комнату.

— Какой бивень? — спросила она, когда мы вошли в комнату и сели на кровать.

— Мой бивень! Бивень мамонта! Он был под подушкой!

— Я не видела никакого бивня! — удивилась мама.

Я вспомнил: мама не знала, что мы ходили за бивнем! И папа не знал. Знал только дядя. И я. И Чанг.

— А где дядя? — спросил я.

— Сейчас он придет. Они пошли с папой в магазин. Скорей одевайся, ты же идешь сегодня в цирк!

Но мне было не до цирка.

— Где мой бивень? — опять заорал я. — Он был вот здесь под подушкой! Я его сам положил!

— Ничего не понимаю! — сказала мама. — Какой бивень?

— Которым Полярный человек рисовал на льду! Может, ты и лед не видела?

— Лед я видела. А бивень не видела... Откуда он?

— Дядя подарил!

Не мог же я сказать, что мы ходили за бивнем.

— Не знаю, — сказала мама. — Спроси у дяди. А сейчас одевайся.

«Наверное, дядя взял бивень, — подумал я. — Зачем только он его взял?»

В это время вошел дядя. А за ним папа. Чанг нес в зубах попку.

— Ты еще не одет! — сказал дядя. — Ты забыл, что мы идем в цирк?

— Где мой бивень? — спросил я тихо.

— Какой бивень? — спросил дядя.

— Бивень мамонта! Полярного человека! Мы его клали с тобой под подушку...

— Я ничего не клал под подушку!

— Как ты не клал под подушку? Мы вместе клали его под подушку!

— Когда?

Это было уже слишком! Я не мог больше молчать!

— Когда мы вернулись с Северного полюса!

— Он болен! — сказала мама испуганно. — Этого еще не хватало!

— Может быть, это тебе приснилось? — спросил дядя.

— Не обманывайте! — закричал я. — Отдай-те мой бивень! Где мой бивень?.. — и я упал на кровать, захлебываясь от рыданий.

Чанг заскулил. Он тоже уткнулся рядом в подушку.

— Вот! — сказала мама. — Вот до чего ты довел ребенка!

— Сейчас мы все выясним, — сказал дядя.

Но голос его звучал неуверенно. Он сел ко мне на кровать. И папа. Они пытались меня обнять. Но я отталкивал их и ревел как бегемот.

Мне было так тяжело. К тому же я не понимал, в чем дело.

Наконец я понемногу затих. У меня больше не было слез.

— Мой дорогой! — сказал дядя. — Мой милый мальчик! Пойми, что это тебе приснилось!

— Расскажи, что тебе снилось! — сказала мама.

— М-может про лед м-мне тоже приснилось? — спросил я, заикаясь.

— Нет! — сказал дядя.

— Нет, приснилось! — крикнул я. — И ты мне приснился! Вы все мне приснились! Отойдите, вы мне приснились! — и я снова заплакал.

— С ним истерика, — сказала мама. — Выпей воды!

— Чепуха! — сказал дядя. — Вставай, пойдем в цирк!

Но я молчал. Я уже принял решение.

— Ну, ладно! — дядя потрепал меня по плечу. — Будет тебе бивень! Считай, что он у тебя под подушкой...

— Ты жалкий обманщик, — произнес я медленно, с расстановкой. — Я с тобой больше не разговариваю!

Я сказал это твердо, глухим голосом, но внутри у меня сразу все оборвалось. Как я не буду с ним разговаривать, с моим дядей? И я опять повторил:

— Не разговариваю!

— Выпей воды! — сказала мама.

— С меня довольно! — сказал папа и вышел из комнаты.

— Хочешь яблоко? — спросил дядя.

— Не подлизывайся, — сказал я.

— Ну, знаешь! — сказал дядя. — Этого не будет! — и тоже вышел из комнаты.

— Дети вы, дети! — вздохнула мама. — Какие вы дети!

И тоже вышла. Они о чем-то говорили в другой комнате. А я лежал и молчал. Я слышал, как дядя ушел. Он ушел, не простившись — первый раз в моей жизни!

«Это конец, — думал я. — Конец нашей дружбе с дядей! Вот это уже не этвас! Совсем не этвас!» — Мне захотелось вдруг умереть.

«Пусть я умру, — думал я. — Умру навсегда! Тогда они узнают! Они принесут мне бивень, но будет уже поздно. Они будут стоять, содрогаясь от рыданий, и протягивать мне бивень, огромный прекрасный бивень, но будет уже поздно. Я буду спокойно лежать и улыбаться. Так им и надо! — буду я думать. — Нечего было обманывать!»

А еще мне очень хотелось в цирк. Сейчас там начинается представление. Я увидел цирковые огни и огромный купол, и канаты под куполом, и ощутил сквозняк — тот особый неповторимый сквозняк, который всегда дует в цирке, сквозняк, пахнувший лошадьми и слонами, и медведями, и тюленями... Но что об этом сейчас говорить! Я никогда больше не пойду с дядей в цирк!

Я очень долго не разговаривал с дядей. С мамой я разговаривал, и с папой разговаривал и, конечно, с Чангом. Потому что они были ни при чем. А с дядей я не разговаривал. И дядя со мной тоже не разговаривал.

Мой дядя был очень гордый. И я был гордый. Мама говорила, что я весь в дядю. Человек всегда растет в кого-нибудь. Просто так человек никогда не растет.

Когда дядя приходил к нам в гости, я молчал. И не глядел на дядю. И дядя на меня не глядел. Только немножко, краем глаза, боковым зрением. Я тоже глядел на дядю *боковым зрением*. Видеть что-нибудь *боковым зрением*, значит смотреть на что-нибудь прямо перед собой, а краем глаза следить за тем, что делается сбоку. То, что делается сбоку, всегда видится тебе смутно, как во сне. Но все же видится. Вот так я и смотрел на дядю.

Я, например, брал газету и смотрел прямо в газету, и читал там какую-нибудь фразу, например:

«Да здравствует боевой руководитель внешней торговли товарищ Розенгольц!»

Лозунг этот я переписал из дядиной газеты «Правда» — у дяди много лет хранились подшивки старых газет. У дяди даже были подшивки дореволюционной «Правды». Дядя любил читать старые подшивки, и тогда он становился задумчивым, потому что эти газеты напоминали ему минувшие годы, годы борьбы и тревог, напоминали ему его старых товарищей по оружию, из которых многих уже не было в живых. «Иных уж нет, а те далече...» — говорил при этом дядя. Это строчка из Пушкина. Дядя очень любил Пушкина.

Так вот, я смотрел *прямо в газету* и четко видел там буквы, до того четко, что у меня рябило в глазах и на глаза навертывались слезы. Потому что боковым зрением я *смотрел на дядю*, который сидел за столом и пил чай. Краем уха я слышал дядины отрывистые фразы, очень тихие фразы, которыми дядя обменивался с папой и мамой. С тех пор, как мы с дядей поссорились, он больше не разговаривал громко. И больше не говорил «доннерветтер». И «этвас» он тоже не говорил. Дядя вообще стал очень тихим — как папа. Даже папа стал как будто громче, потому что тихим стал дядя. Просто папу стало больше слышно.

Все это меня очень мучило, потому что мне было жалко дядю. И себя тоже. Я очень хотел с дядей помириться, *но не мог подойти первым*. Я чувствовал, что дядя тоже мучает-

ся, но тоже не может подойти первым. Такие уж мы были гордые.

Я все сидел и смотрел прямо перед собой в газету, и буквы в газете становились огромными, и прыгали у меня перед глазами, и двоились, и я не мог ничего понять. Я по двадцать раз читал одну и ту же фразу и все равно не мог ничего понять.

Рядом со мной сидел Чанг, тоже невеселый. Чанг чувствовал, что мы с дядей поссорились, и хотел нас помирить, но это ему не удавалось. Чанг все время подходил то ко мне, то к дяде, лизал нам руки и стоял, низко опустив голову, выражая этим высшее доверие и просьбу помириться. Но я не мог подойти к дяде, вспоминая те свои страшные слова. Я не мог себе этого простить. С тех пор прошло много лет, я давно уже стал взрослым, но до сих пор я не могу себе этого простить. А тогда, в те дни, у меня вообще все шло вверх ногами.

Помню, я тогда обнял Чанга и шепнул ему на ухо: «Пойди и скажи дяде, что я не могу себе этого простить!» И Чанг пошел к дяде, и ткнулся ему мордой в колени, а потом встал на задние лапы и что-то прошептал дяде, лизнув его в ухо. Уж я не знаю, что он ему прошептал, но дядя вдруг встал и сказал:

— Ну, нам пора!

Может быть, он подумал, что Чанг зовет его гулять, а может быть, он все понял, *но не хотел мириться, потому что был очень обижен*. Он встал и пошел одеваться. Чанг запрыгал и заскулил, и стал бегать от дяди ко мне и от меня к дяде.

— Может быть, ты хочешь погулять с Чангом? — спросила меня мама.

И тут дядя на минуту замешкался, или это мне только показалось, и у меня страшно забилось сердце, и кровь хлынула в голову, мне стало жарко и я сказал:

— Нет!

Дядя сразу тихо сказал «до свидания» и пошел к выходу. И папа и мама тоже сказали «до свидания», а я ничего не сказал. Что и говорить, воля у меня была потрясающая!

Когда дядя ушел, я тоже оделся и пошел гулять, потому что я не мог заниматься — ничего не лезло мне в голову. Мне было очень плохо. Ничто меня не радовало: ни пушистый снег, который лежал во дворе сугробами, ни ребята, которые играли в снежки и катались на санках с этих сугробов, ни солнце, ни воробы. Я ходил мрачный и покинутый, и все время думал о дяде. С дядей было связано так много! Дядя был мне самый дорогой,

самый близкий человек на свете, не считая, конечно, мамы — мама тоже была мне самый близкий на свете человек, да и папа был мне самый близкий на свете человек, но дядя был дядя! А я с ним так глупо поссорился! Все из-за этого проклятого бивня, которого, может быть, действительно не было. Уж лед-то мне не приснился, это точно, это все подтвердили, а бивень, может быть, и приснился. Хотя я не мог этого утверждать. Я совсем запутался!

В этот день я рано лег спать. Я долго не мог уснуть, у меня болела голова, а потом я уснул, но спал очень беспокойно, мне что-то снилось, что-то про меня и про дядю, я не помню, что именно, но это было что-то очень тяжелое, и я проснулся глубокой ночью и заплакал.

Я не заметил, как ко мне подошла мама. Она села ко мне на кровать.

— Ну, что с тобой? — спросила она.

— Мне жалко дядю! — сказал я и еще сильнее заплакал.

— Я вижу! Я все прекрасно вижу! — сказала мама. — Тебе нужно с ним помириться.

— Я не могу!

— Почему? Что это еще за глупости?

— Я не могу простить себе *тех слов*!

— Каких слов?

— Ну, тех... «жалкий обманщик» и «не подлизывайся»...

— Да! — сказала мама. — Это ты очень плохо сказал! Ты очень обидел дядю! Ведь дядя тебя так любит! А ты сказал ему такие слова. Тем более, что бивня-то действительно не было.

— Мне тоже кажется, что не было!

— Конечно, не было! Вам надо помириться. Ты не знаешь, как переживает дядя. Он просто места себе не находит. Ты должен подойти к дяде и попросить у него прощения. Когда он придет.

— Он уехал? Куда?

— На Север, — сказала мама. — В экспедицию Главсевморпути. Надо было вам сегодня помириться. Дядя специально приходил. А ты был такой злой!

— Я совсем не был злой! Я тоже хотел помириться... Но я не мог подойти...

— Как это глупо! — сказала мама.

— А когда он придет?

— Через три недели, — мама вздохнула. — Жалко дядю... А теперь спи!

ДОХЛАЯ КРЫСА

Я шел из школы в хорошем настроении. Во-первых, это было перед праздником — приближалось 1 Мая.

Во-вторых, я получил «оч. хор.» по математике. Получил эту отметку совершенно самостоятельно.

Когда я учился в начальной школе, «пятерок» не было. И «четверок», и «троек», и «двоек», и «единиц» тоже не было. Были такие отметки: «оч. хор.» (очень хорошо), «хор.» (хорошо), «пос.» (посредственно), «пл.» (плохо), «оч. пл.» (очень плохо). По математике я почти никогда не вылезал из «пос.». Часто я получал «плохо» и «оч. плохо» — особенно за письменные контрольные. Математика мне не давалась. Не давалась, да и все! Бывает же, что кому-нибудь что-нибудь не дается. Моему дяде, например, не давалось рисование. Все ему давалось, а рисование не давалось. Зато мне рисование давалось. Правда, я получал иногда «плохо» за абстрактные рисунки, но это меня не волновало. «В каждом деле должны быть жертвы, особенно в искусстве, — говорил дядя. — Потому что человек в искусстве ищет — он ищет не какой-нибудь, там, ботинок под кроватью, а себя».

«Искать себя» — это значит искать себя в высшем смысле. «В высшем смысле» — это любимое выражение дяди. Найти себя в высшем смысле не так-то просто. В искусстве это значит научиться здорово рисовать. Но это еще не все — надо научиться так рисовать, чтобы это было ни на кого не похоже. Каждый хороший художник ни на кого не похож, он похож только на себя. Когда художник начинает рисовать, он как правило похож на всех других, потому что его «я» еще в нем спит. Надо это «я» найти и разбудить! Так говорил дядя. И тогда твои рисунки станут ни на кого не похожими. Потому что каждый человек может сказать людям что-то такое, чего никто другой сказать не может. Каждый человек видит окружающий мир по-своему, как никто другой. Каждый человек видит то, чего не видят другие. Вот это-то и ценно! Потому что если ты скажешь людям то, чего они не знают, ты откроешь им нечто новое — «этвас», как говорил дядя. Это «этвас» и будет открытием. А открытия обогащают человечество! И тогда оно движется вперед. Вот почему так ценно найти себя, чтобы сказать людям что-то новое.

Но для этого надо много работать, потому что найти себя можно только в труде. Надо очень много работать, много думать. Надо размышлять. Без труда и размышления ничего не выйдет. Это закон для каждой области труда.

Искать себя надо не только в рисунках. Самое главное — найти себя в жизни, то есть найти свое призвание, свое любимое дело, именно то дело, для которого ты предназначен. Это тоже не так просто! Вот в этом смысле и можно сказать, что хороший дворник, который хорошо подметает улицу и любит свое дело, нашел себя. Это, конечно, очень хорошо. Плохо, когда человек себя не находит. Многие, например, так и умирают, не найдя себя. Это, конечно, очень печально! Так что ищите себя, желаю вам в этом успеха! Но только помните: никто никогда вам вас не найдет! Это вы должны сделать сами. Вам только могут помочь. Так говорил мой дядя. Мне, например, помог дядя. Без дяди я бы себя, может быть, и не нашел. А благодаря дяде я нашел себя довольно быстро.

Мой дядя тоже нашел себя. Он нашел себя в революции. Он делал революцию, а потом создавал Советскую власть. А потом строил первые советские заводы и фабрики, создавал колхозы. Это тоже была революция. Великая революция, в которой дядя нашел себя, свое призвание. Мой дядя был очень счастливым человеком, потому что нашел себя очень рано.

А мое призвание — искусство. Математика никогда не была моим призванием. Дядя это понимал. Он, правда, занимался со мной математикой, но это просто так, чтобы я не получал «оч. плохо». Математика мучила меня до десятого класса, я даже не знаю, как я окончил школу... Может быть, я бы ее и не кончил, если бы не дядя и не Лидия Петровна — директор школы, которая преподавала у нас математику, и алгебру, и геометрию, и тригонометрию — до самого десятого класса. Дело в том, что Лидь Петровна меня «вытягивала»... Как она меня вытягивала? Очень просто!

Допустим, Лидь Петровна пишет на доске задачу и вызывает меня. Вообще она меня редко вызывала, потому что боялась меня вызывать, но иногда нужно же было меня вызывать! Когда меня вызывали на уроке математики, на меня всегда нападала сильнейшая тоска, хотя я и знал, что все кончится хорошо. С мрачным видом вылезал я из-за парты и шел к доске. Лидь Петровна строго смотрела на меня, стоя у доски с учебником в руках. Но я-то знал, что вид ее обманчив. Лидь Петровна всегда на всех строго смотрела, а на

самом деле была очень доброй. А меня она просто любила. Она относилась ко мне прямо-таки нежно. Она говорила:

— Так как ты любишь путешествия, то вот тебе задача на путешествия! Прочти вслух!

Я читал:

— «Моторной лодке нужно было пройти 220 километров. Первые 60 километров она шла со скоростью 30 километров в час, а остальной путь — со скоростью 40 километров в час. За сколько часов лодка прошла все расстояние?»

В этом месте я замолкал, тупо глядя на доску.

— Итак, — говорила Лидь Петровна, — задача ясна, не правда ли?

Я кивал головой.

— Для того чтобы узнать, за сколько часов лодка прошла эти первые 60 километров, надо разделить 60 на 30... ты это хотел сказать?

Я кивал головой.

— Совершенно верно! — говорила Лидь Петровна.

Это было ее любимым выражением.

— Пиши!

Я писал: $60 : 30 = 2$ — уж это-то я знал.

— Совершенно правильно. Пойдем дальше. Первые 60 километров лодка прошла за 2 часа. Сколько лодке оставалось пройти километров?

Я опять тупо смотрел на доску, переминаясь с ноги на ногу и краснея как рак.

— $220 - 60 = \dots$ Пиши!

Я писал: $220 - 60 = \dots$ — тут я мучительно думал.

— 160, не так ли?

Я кивал и писал «160».

— Совершенно верно! — удовлетворенно говорила Лидь Петровна. — 160 километров лодка шла со скоростью 40 километров в час. Разделим 160 на 40...

Я писал: $160 : 40 = \dots$

— 4, совершенно правильно!

Я писал: «4».

В классе начинали хихикать.

Но Лидь Петровна говорила:

— Дети, перестаньте шуметь. Вы нам мешаете! Итак, первые 60 километров лодка прошла за 2 часа, а 160 километров за 4 часа... $4 + 2$ дает в итоге...

Я писал: «6 часов».

— Совершенно правильно! — торжествуя говорила Лидь Петровна. — Совершенно верно! Молодец! Очень хорошо! Садись на место!

Вот так меня Лидь Петровна вытягивала. И вдруг я получил «оч. хор.» по математике совершенно самостоятельно, без помощи Лидь

Петровны! Я получил «оч. хор.» за письменную контрольную. Как это получилось, я сам не знаю. Я сразу понял задачу, правильно решил ее и — главное! — решил ее первый. Я ее решил, когда все еще писали, и первый поднял руку:

— Я кончил, — сказал я. — Разрешите выйти из класса!

Все посмотрели на меня с удивлением. И Валя посмотрела с удивлением. Валя была отличницей, она всегда решала первой, а тут вдруг я решил первый. Поэтому она так удивилась. И Лидь Петровна удивилась. Я даже сам на себя удивился — со стороны. Я сам смотрел на себя со стороны с удивлением — конечно, не в зеркало, это только девочки носят с собой зеркало — я посмотрел на себя со стороны мысленно. И на свою контрольную я смотрел с удивлением, мне даже жалко было с ней расставаться, но я хотел первым выйти из класса. Обычно я выходил из класса последним, иногда в самом конце перемены, перед следующим уроком, а иногда я вообще не выходил — так и сидел до следующего урока, а потом сдавал контрольную всю в помарках и получал за нее «оч. плохо». А тут я первый кончил и решил совершенно правильно, в

этом я был совершенно уверен! А Лидь Петровна сказала:

— Ты уверен, что ты кончил?

— Уверен!

Лидь Петровна подошла ко мне, взяла в руки мою контрольную и прочитала ее. А потом она тихо сказала:

— Можешь идти!

Все просто чуть не упали в обморок от удивления, а я гордо вышел из класса. А на другой день, в тот день, о котором я сейчас рассказываю, Лидь Петровна принесла контрольные, и мы их разбирали. Первой разбирали мою контрольную, потому что я решил ее лучше всех. У задач иногда бывает несколько решений и надо найти самое быстрое и оригинальное решение. И я нашел такое решение! Лидь Петровна вызвала меня к доске, и я повторил свое решение перед всем классом. И тогда Лидь Петровна сказала целую речь. Она сказала:

— Вы видите, чего может добиться человек, в данном случае ваш товарищ! Мы знаем, что математика не его призвание. В этом он слаб. Бывает, что человек в чем-нибудь слаб, бывает, ему что-нибудь трудно дается. У Миши, например, призвание к живописи, все мы это прекрасно знаем. Задачи он всегда решал с трудом. И что же мы видим сегодня? Мы видим, что он *прекрасно* решил задачу, решил ее оригинально, остроумно! Решил ее просто и — *совершенно правильно*! Почему это так произошло? Потому что он не отчаялся, не пал духом, а упорно занимался! Миша говорил мне, что он занимался со своим дядей, и вот каких они достигли результатов! Прекрасных результатов! И все могут добиться таких результатов! Например, Скобелев! Он тоже может добиться таких результатов, если будет упорно заниматься! И Елисеев может добиться таких же результатов! Елисеев и Скобелев очень любят играть в футбол, и это прекрасно, но во всем нужна мера. Они тоже могут добиться успехов, если не будут столь легкомысленны, если будут прилежны и трудолюбивы. Молодец! — сказала мне Лидь Петровна. — Садись на место!

После урока я шел домой радостный и нес в портфеле свою контрольную. Я спешил показать ее маме, папе и бабушке. Я был очень горд. Еще бы мне не быть гордым! Вот будет подарок дяде, когда он вернется из экспедиции! То-то он обрадуется! Недаром мы с ним занимались! Недаром! Правда, ведь недаром? Конечно, недаром! «Скажи-ка, дядя, ведь не даром...» — пришли мне на память стихи Лермонтова. Стихи эти, конечно, совсем о другом. Они просто вспомнились мне, потому

что в них говорилось о дяде — не о моем дяде, а о другом — и там было слово «не даром». Я вспомнил эти слова *по ассоциации*, по связи понятий, как говорил дядя. «Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, французам отдана!» — напевал я, размахивая портфелем. У меня было очень хорошее настроение! Иногда, когда у тебя хорошее настроение, можно петь *совсем о другом*, и это все равно будет выражать твоё настроение. Главное — петь, а о чём, это, в сущности, неважно. На каждый случай жизни ведь не придумаешь песню. Ведь нет же песни о контрольной по математике! Вот и поешь о чём-нибудь другом. И не обязательно петь именно песню. Можно петь стихи. Можно даже просто слова петь — неважно, какие слова! Но лучше все же петь стихи. Стихи напевней. В них есть ритм и рифма. Вот я и пел стихи, которые первыми пришли мне на память.

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, французам отда-на-а», — пел я, размахивая портфелем, в котором лежала моя контрольная. А Москва вокруг и правда была, как в пожаре, потому что приближалось 1 Мая и всюду вывешивали красные флаги, и красные лозунги, и портреты. Всюду продавались маленькие красные флажки, и красные воздушные шары, и синие шары, и зеленые шары, и оранжевые шары. И на трамваях тоже были красные флажки и лозунги. Вся Москва была красная! И синяя! И голубая! И зеленая! И вся в солнце! Такая веселая, веселая! И вовсе она не была отдана французам! Она была отдана мне! И дяде! И маме с папой! Всем нам, советским людям! А мы ее никогда никому не отдадим. Это говорил дядя. И так написано было в газетах. Да и сам я это знал. Я это знал совершенно точно.

Так я дошел до самого нашего дома и вошел в ворота. Во дворе играли ребята. А возле нашего парадного на лавочке сидел «Благодарю за внимание». Он грелся на солнышке и дышал воздухом. Он был в своем рыжем пальто и рыжей шляпе, и в калошах «прощай, молодость». Это такие глубокие калоши с закрытым верхом, с язычком наверху, который закрывает спереди зашнурованное место ботинка. «Прощай, молодость» они назывались потому, что их носили старики.

Когда я вошел во двор, напевая и размахивая портфелем, меня сразу увидели ребята.

— Иди сюда! — закричали они.

— Зачем? — крикнул я.

— Здесь дохлая крыса! — закричал Витька.

Он тоже был там. Витька учился со мной в классе и жил в нашем дворе. Я уж не пом-

ню его фамилию — у него была какая-то болотная фамилия, название какой-то болотной птицы.

— Мне некогда! «Скажи-ка, дядя, ведь не даром...» — пропел я.

Я спешил домой.

— Вображала! — крикнул Витька. — Получил «оч. хор.» и нос задрал!

— А ты не получил! — крикнул я. — Потому не задрал!

Витька был второгодник.

— Подумаешь! — крикнул Витька. — Зато у меня дохлая крыса! Я ее сам убил, из рогатки...

— Сам ты дохлая крыса! — сказал я.

— Вображала, хвост поджала! — крикнул Витька, размахивая крысой.

Но я пошел дальше, не обращая на него внимания.

Я подошел к «Благодарю за внимание». Он сидел и плевался. Он всегда плевался, когда сидел на лавочке.

— Здравствуйте! — сказал я ему.

— Благодарю за внимание! — сказал «Благодарю за внимание». — Ну, как твои успехи, юный большевик?

— Очень хорошо! — сказал я. — Получил «оч. хор.» по математике!

— Весьма похвально! — сказал «Благодарю за внимание».

— А ваши как успехи?

— Вот сижу, отплеываюсь, — сказал он и плюнул.

— А почему вы отплеываетесь?

Мне было неприятно, что он отплеивается. «Так тепло, — подумал я, — солнце, 1 Мая, а он отплеивается».

— Он всегда отплеиваюсь, — сказал «Благодарю за внимание», — отплююсь и полегчает. Я уже давно отплеиваюсь. С семнадцатого года, — и он опять плюнул.

И тут вдруг мне что-то ударило в спину. Я обернулся: передо мной стоял Витька и размахивал дохлой крысой. Позади него стояли ребята.

— Вображала! — сказал Витька. — Идешь к дядечке?

— Не твое дело! — сказал я. — Дохлая крыса!

— Дядечкин хвостик! — крикнул Витька.

Ребята засмеялись.

— Чего ты ко мне лезешь? — сказал я. —

Я к тебе не лезу, и ты не лезь!

— Иди к дядечке! — закричал Витька. — Иди к своему дядечке. А ну, иди! Сейчас же иди! А ну! — и он опять задел меня крысой. Прямо по подбородку.

— Пойду, когда надо! — сказал я. — Не твое дело!

— Иди сейчас же! — крикнул Витька. — Пусть тебе дядечка что-нибудь наврет! Про шаровую молнию! Или про полюс! Или еще про что-нибудь! Мой папа сказал, что твой дядя болтун! Все выдумывает твой дядя! И ты болтун!

— Вот это верно! — сказал «Благодарю за внимание». — Что верно, то верно!

Ух, как я разозлился! У меня даже дух захватило! Я знал Витькиного папу. Он гулял у нас во дворе. И приходил к нам в школу. Он был такой толстый, пузатый. Витька всем хвастался, что его папа писатель. Его папа писал какие-то пьески для эстрады. Очень плохие пьески. Он даже дал нам один раз свою пьеску в драмкружок. И мы ее играли. Очень скучная пьеска. Когда я показал дяде эту пьеску, дядя сказал, что это халтура. Дядя сказал, чтобы я никогда не играл в таких пьесках. И еще дядя сказал, что он совсем не писатель, Витькин папа. Он даже не был членом Союза писателей. А каждый настоящий писатель обязательно должен быть членом Союза. И еще дядя сказал, что Вить-

кин папа — как раз тот человек, который не нашел себя в жизни. Лучше бы он подметал улицы, чем писал пьески. Тогда была бы хоть какая-то польза людям. А от его пьесок никому не было никакой пользы...

И тут я замахнулся на Витьку портфелем.

— Как вот дам! — сказал я.

— А ну, дай! — сказал Витька, — дай!

Я размахнулся и хлопнул его по башке: за дядю. А он хлопнул меня крысой. А я его опять портфелем. А он ударил меня кулаком по лицу. И у меня вдруг пошла кровь из носа. Витька увидел кровь и страшно испугался. Он бросил крысу и побежал.

— Ура! — закричал я ему вслед. — Дохлая крыса! — и заплакал.

— Э-эх! — сказал «Благодарю за внимание». — А еще юный большевик.

— А вы вовсе не алхимик! — сказал я и вошел в парадное.

Я поднимался в квартиру, размазывая по лицу кровь.

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром...» — шептал я.

Настроение у меня было испорчено.

МИРОВАЯ ГЛАВА

Все эти три недели были для меня очень невеселыми. Все эти три недели, пока не было дяди. 1 Мая прошло тоже невесело. Прав-

да, я получил «оч. хор.» по математике и получил много подарков от мамы, папы и бабушки, и в школе я получил подарки, и ходил

с папой в цирк — но все равно настроение у меня было плохое. Особенно после скандала с Витькой. Из-за того, что Витька так говорил про дядю. И из-за того, что у меня пошла кровь из носа. Правда, Витька позорно бежал, но все равно мне было плохо. Меня теперь дразнили «Дядечкин хвостик» и «Кровь из носа». «Эй, Кровь из носа!» — кричали мне. Это было очень неприятно.

Но самое главное было в том, что я поссорился с дядей и расстался с ним, не простившись. Я все время думал о том, как дядя ходит один по Северному полюсу и грустит. Но, может быть, дядя и не был на полюсе. Может быть, он был в тайге. Да и не в этом дело. Дело в том, что дядя был там один. А я здесь был один. Дядя, конечно, не был совсем один, с ним были товарищи. И с ним был Чанг. А может быть, он был там с Полярным человеком. И все-таки он был там один — он был один в высшем смысле. Потому что мы с ним поссорились.

И я здесь тоже был совершенно один. Правда, со мной была мама, и папа был со мной, и в школе со мной были товарищи, но в высшем смысле я был один. Даже Валя это заметила. Но я ей ничего особенного не сказал. Я просто сказал ей, что очень жду дядю, и что я о нем очень беспокоюсь. Вообще надо поменьше болтать, — решил я. Надо молчать и ждать, когда вернется дядя. Тогда мы кое-что выясним. Тогда мы поговорим! И с этим Витькой, с этой дохлой крысой, с этой болотной фамилией мы еще поговорим. Витька все еще приставал ко мне. Это он придумал мне клички «Дядечкин хвостик» и «Кровь из носа». Он всем хвастал, что его папа написал новую пьеску, которую хочет дать нам в драмкружок. А я сказал, что играть в этой пьеске не буду, потому что она мне не нравится. Я сказал, что это не искусство. Пусть его папа сначала *найдет себя*, тогда мы поговорим. А Витька сказал, что я болтун, и что мой дядя тоже болтун, и что неизвестно вообще, кто такой мой дядя. Но я на это не реагировал, то есть не отвечал. Я не обращал на Витьку внимания, я делал вид, что его не замечаю. А это самое страшное, когда человека не замечают. Оттого Витька так злился. Он мне завидовал. Он завидовал моим рисункам. И моим расска-

зам о дяде. Он вообще всем завидовал. Больше всего он завидовал моему «оч. хор.» по математике. Это было для него страшным ударом. Громом среди ясного неба! А может быть, и среди неясного. У него-то все было неясно. Потому что он был второгодник. Лидь Петровна говорила, что ему опять грозит остаться на второй год. А у меня все было ясно: придет дядя и мы с ним помиримся. Я тогда все расскажу дяде: про крысу, про «болтуна» и про «Кровь из носа»... тогда мы поговорим!

Я все думал о том, как придет дядя, как он войдет в комнату, а я подойду к нему и попрошу прощения. И все расскажу... Но получилось совсем по-другому.

Один раз, когда я пришел из школы, на меня в дверях кинулся Чанг. Он сразу бросился мне на грудь и стал меня обнимать и целовать и прыгал вокруг меня, как сумасшедший... А я стоял, привалившись к стене, и не мог ступить шагу. Не потому, что меня Чанг не пускал, а потому, что я понял, что во второй комнате сидит дядя, и что я сейчас к нему *подойду*, но я не знал, *как* я к нему подойду, потому что мне было стыдно!

Из комнаты вышла мама и взяла меня за руку.

— Пойдем! — сказала она.

И я пошел за ней в комнату, и ноги мои были, как деревянные, и когда мы вошли в комнату, я увидел дядю, который сидел ко мне спиной за столом и курил свою трубку, но мама повела меня не к дяде, она повела меня к моей кровати, остановилась перед ней и сказала:

— Сними подушку!

А я стоял и не мог двинуться с места.

Тогда мама сдернула подушку и... вы знаете, что было под подушкой?

Под подушкой лежало два бивня!

Я кинулся к дяде, вскочил ему на колени и стал его целовать...

Теперь вам ясно, почему я назвал эту главу «мировая глава»? Это действительно мировая глава!

Не потому это мировая глава, что она лучше других глав, а потому, что она говорит о моем мире с дядей.

Окончание следует

МЫ—ЯСЛИ

Репортаж нашего
корреспондента В. Шумилина
из Заокской школы Тульской
области

Да здравствует эрустория!

Учителя всполошились не на шутку: не слишком ли много ребят записалось в историческое общество? Не слишком ли большие задачи взвалили они себе на плечи? Краеведение, коллекционирование, переписка, поиски, встречи, походы, поездки по стране... Да вдобавок еще разработка двух научных тем!..

— Послушайте, — обратились к историку Валерию Борисовичу, — а не скажется ли все это на успеваемости?

— Успокойтесь, — улыбнулся научный руководитель исторического общества, — все будет как раз наоборот. Знаете, какой они лозунг выдвинули? Да здравствует эрустория!

Эрустория?.. Даже преподаватель русского языка впервые слышал это слово. Валерий Борисович пояснил:

— Эрудиция плюс история.

— Все это хорошо, — вздохнули учителя, — и все-таки...

Шло время, и сомнения постепенно улетучивались.

— Вы были в кабинете ис-

тории? — спрашивал коллега восторженный учитель рисования. — Нет? Обязательно зайдите. Посмотрите, какими фресками расписаны стены. Здорово, оригинально!

И учительница биологии тоже пришла в восторг от фресок. На стенах отражалась вся история человека. В том числе и его происхождение. Как раз то, что она недавно объясняла на уроке.

— Ваши питомцы доставили мне большое удовольствие, — обратился однажды к историку литератор. — Так рассказали биографию Толстого — просто диву даешься. Откуда вам все это известно? — спрашиваю. Мы, — говорят, — были в Ясной Поляне, беседовали с личным секретарем Льва Николаевича Толстого, Булгаковым...

Учительница английского языка с удовлетворением ставит пятерки: общество засело за языки, переписка с зарубежными друзьями идет полным ходом.

Самый строгий из учителей — физик — и тот стал симпатизировать юным историкам, после того как они побывали в калужском музее Константина Эдуардовича Циолковского.

О преподавателях пения и физкультуры говорить не приходится: все члены общества — заядлые туристы. А какой турист обходится без песен и спорта?

— Да здравствует эрустория! — скандируют заокские мальчишки и девчонки, открывая каждое заседание своего общества под загадочным названием ЯСЛИ.

Что такое ЯСЛИ?

На первом заседании было шумно: придумывали название общества. Условий было три — коротко, точно и остроумно.

— КИО! — сказал Саша Коровнин. — Что такое? Краеведческое историческое общество!

— Не пойдет! — закричали коллекционеры. — Мы хотим заниматься не только краеведением!

— ШИК, — предложила Рита Просецкая, — школьный исторический кружок...

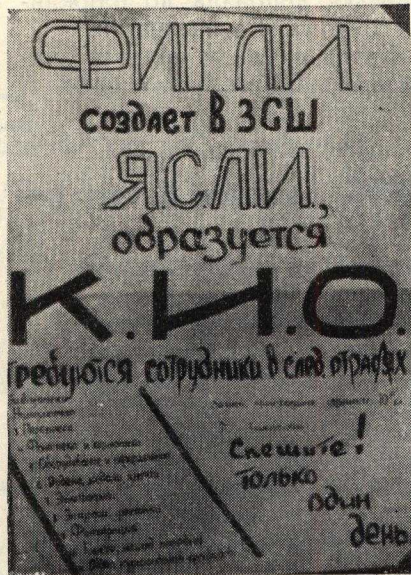
— Придумала тоже! Мы теперь уже не кружок, а общество!

— ФИГЛИ, — неуверенно предложил Олег Захаров.

— Это еще что?

— Ну, как сказать... в общем... Федеральный Институт Грамотных Любителей Истории...

— Заумно! — дружно закричали все.

Долго еще спорили, пока Галя Скоморохова не произнесла вдруг:

— ЯСЛИ...

Минут пять не смолкал хохот, когда долговязый Витя Абашкин вытянулся во весь рост и повторил басом: «ЯСЛИ!»

Галя не смутилась.

— Ядро Стойких Любителей Истории — вот что такое ЯСЛИ.

— Кто «за»?

Все были «за». Галю с ходу выбрали старшим распорядителем общества.

На следующий день все члены общества вышли на работу. Одни разгружали товарные вагоны, другие пилили дрова. Что поделаешь: ни одно научное общество до сих пор не обходилось без финансовых средств.

Летописцы древности скрипели себе гусиными перьями и были довольны. А современному летописцу магнитофон подавай! Вот и приходится пилить дрова.

История рядом

Вышли однажды ребята из школьных ворот. Пошли направо, до деревни Савино, — а там могила командира легендарного крейсера «Варяг» В. Ф. Руднева.

Пошли налево. А там село Дворяниново. Восемьдесят лет здесь жил и работал первый русский агроном-публицист А. Т. Болотов.

Пошли прямо: привела их дорога к музею-усадьбе знаменитого их земляка, художника В. Д. Polenova.

Оказалось, что история — это не просто школьный учебник. История — это люди, которые жили или живут вокруг тебя, рядом с тобой.

Вот, например, учительница математики Елизавета Алексеевна Абашкина. Во время

войны она была отважной танкисткой.

А мама Тани Тараносовой — партизанской разведчицей. Ее

и еще четырех девушек-разведчиц зверски пытали гестаповцы. Но и под пытками партизанки не выдали своих

товарищей. Тогда их повели на расстрел. На всю жизнь запомнила Зинаида Ивановна Тараносова душную летнюю ночь, блеск автоматов, залп... Но свершилось чудо: не-

сколько часов спустя она очнулась во рву и, истекая кровью, поползла до ближайшего дома. Ее выходили.

Когда о таком человеке читаешь в книге — это одно. А

когда встречаешь его на улице, здороваешься да еще учишься в одном классе с его дочерью — это совсем другое.

Совсем другая история. Живая история.

1000 экслибрисов

Это самый маленький музей из всех, которые я когда-либо посещал. Он занимает один школьный класс. Но чтобы внимательно ознакомиться с его экспонатами, требуется немало времени.

Одних только экслибрисов здесь целая тысяча. Что такое

экслибрис? В переводе с латинского это слово означает «из книг». Иначе говоря, книжный знак. Может быть, открывая когда-нибудь книгу, вы видели небольшой рисунок, приклеенный к титульному листу. Такой рисунок указывает, кому принадлежит книга. Создание экслибрисов — большое искусство. Книжные знаки рисовали крупнейшие художники и граверы — А. Бенуа, И. Билибин, В. Васнецов, М. Врубель... ЯСЛИ — первый в нашей стране коллективный коллекционер экслибрисов. Я видел в школьном музее книж-

ные знаки американского художника Рокуэла Кента, чешского графика Я. Война.

Есть у юных историков и свои собственные экслибрисы. Их сделали художники Р. Копылов, В. Цилосани и старейший тамбовский коллекционер Н. А. Никифоров.

Вот забавный экслибрис уральского художника Р. Копылова. Видите, на острие пера сидит пчелка. Она не случайно здесь оказалась. «Пчелка» — клуб самых юных коллекционеров Заокской школы. Ребята младших классов тоже собирают марки, монеты, открытки. А руководят «Пчелкой» ЯСЛИ — готовят себе смену.

Библиотека у общества пока не большая, но зато необычная. Вот «Страницы борьбы» боевой соратницы В. И. Ленина, старейшего члена нашей партии Е. В. Стасовой. Елена Дмитриевна прислала эту книгу с дарственной надписью: «Желаю вам больших успехов в учебе и общественных делах. С дружеским приветом Елена Стасова».

Подарили ребятам свои книги Долорес Ибаррури, Герой Социалистического Труда Николай Мамай, писатели, историки...

Чего только нет в музее! Даже бивень мамонта! Откуда он здесь?

— Откуда? — смеется Валерий Борисович, — братья Горшковы нашли под Якутском.

Их по-прежнему считают своими — братьев Петра и Владимира Горшковых. Давно ли братья ходили в ЯСЛИ, участвовали в походах по родному краю! А сейчас они учатся в Московском геологическом институте. И, как видите, не забывают свое родное общество.

И еще один экспонат. Он на самом видном месте. Герб ЯСЛей. Обрамляет его девиз, начертанный по-латыни: «Ни одного дня без дела».

Замечательные слова! Вооружись ими и ты, читатель!

Однажды летом нас с Борькой за квасом послали. Купили мы квас и возвращаемся с ним обратно. Шли, шли, и вдруг я понял: да что это я один всю дорогу квас несу, а Борька идет себе как ни в чем не бывало. Ему и побегать можно, и поскакать, и попрыгать, а я знай несу. Правда, он не бегаёт и не прыгает, но это дело его — хочёт — бегаёт, хочёт — нет. А я вот и захочу, не смогу. С квасом не побегаешь. Несправедливо. Подумал я так, и обидно мне стало.

— Борька, — говорю, — твоя очередь квас нести.

— Это ещё почему? — спрашивает он.

— Я уже свое пронес, — говорю. — А теперь и ты понеси.

— Ну вот ещё, — отвечает он. — Мы так не сговаривались. К тому же, я пустой бидон нес.

— Хитренький, — говорю. — То пустой, а то с квасом. Квас пролиться может, с ним не побегаешь.

— А ты не бегай, — говорит. — Зачем тебе бегать? Я вот без кваса и то не бегаю.

— Это твое дело, — говорю. — А мне лично побегать хочется. К тому же я свое пронес.

— Почему это ты свое пронес? — возражает он. — Ты ещё и полдороги не пронес. К тому же я пустой бидон нес, это тоже чего-то стоит.

— Ничего это не стоит, — говорю. — А я и в прошлый раз молоко нес.

— А я зато грибы из леса нес, — говорит он.

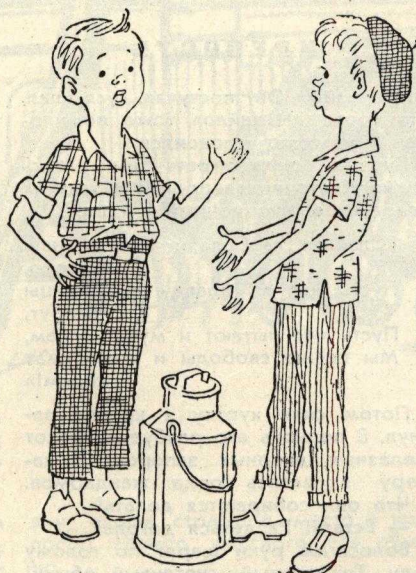
Вот к чему УПРЯМСТВО приводит

РАССКАЗ

И. Петкевич

Рисунки Б. Семенова

Я так и подпрыгнул. — Сравнил, — говорю. — Грибы каждый понесет, грибы всем нести хочется.

— Я и керосин носил, — отвечает он.

— Вспомнил! — говорю.

— А вот и вспомнил! И вдруг смотрю, мы уже по нашей улице идем. Рассердился я и поставил бидон на дорогу.

— Ты как хочешь, а я лично больше нести не намерен.

Сказал и пошел вдоль по улице.

— Сегодня не моя очередь, — сказал он и пошел со мной рядом. — Я в следующий раз буду нести, а сегодня я так просто с тобой пошел, за компанию. Чтобы тебе не скучно было.

— Нужна мне такая компания, — говорю. — Если ты мне друг, то должен мне во всем помогать.

— Я тебе не друг, — говорит. — Я тебе брат, а братья должны все по очереди делать. Сначала — ты, а потом — я, или сначала я, а потом — ты.

Упрямый этот Борька — не переспоришь. А бидон между тем на дороге стоит. Мы идем, а он стоит.

— Вернись, — говорю. — Бидон на дороге стоит.

— Кто поставил, тот пусть и возвращается.

— Я лично не вернусь.

— Вот и я не вернусь.

Идем и не оглядываемся, так и домой пришли. Потом, правда, вернулись, а бидона на дороге нет. Он около дороги в канаве валяется. Вот к чему упрямство приводит.

КОНТРШПИОН

М. Хейфец

Гравюры А. Овсянникова

„Я БЫЛ ПРОСТО ПОРЯДОЧНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ...“

И вот Клеточников подходит к барьеру...

Весь зал с удивлением разглядывал фигуру самого что ни на есть мелкого, обычного чиновника, каких десятки сидят в любой канцелярии. Вот он перед началом допроса откашлялся, и по кровавому пятну на носовом платке два генерала-медика из первого ряда безошибочно определили: чахотка в последнем градусе.

Сначала допрашивали свидетелей: вдову полковника Анну Кутузову (ах, как плакала бедная «Мадам»), действительного статского советника Кириллова...

Но вот начинается главное.

— Подсудимый, расскажите, как и почему вы пошли на преступление?

— Я много думал, господин прокурор, отчего в России так плохо и скверно живут порядочные люди, от-

чего так бессмысленно они погибают. Я искал источник яда, отравляющего кровь моей родины, и, кажется, нашел его.

— Ну-с?

— Этим гнусным источником является отвратительное учреждение — III отделение.

Кто-то тяжело вздохнул в конце зала, и вздох этот был услышан даже за судейским столом.

— Не будь у нас III отделения, этой своры азиатских палачей, — Россия давно была бы выведена к свету.

Как монумент гнева, воздвигнувшись над столом председатель:

— Вы, подсудимый, сами служили в этом отвратительном учреждении!

Грохот упавшего прокурорского стула оборвал голос председателя.

— То-есть, по вашим словам — отвратительном, — густо покраснев, поправился Дрейер.

— Я служил обществу! — гордо ответил Клеточников.

— Какому обществу: тайному или явному? — иронизировал прокурор.

— Я не могу себя считать настоящим революционером-социалистом. Слишком мало знаю я о социализме и слишком мало связан с жизнью революционной партии. Но я старался вести себя так, чтобы каждый честный человек в России был мне благодарен за мою деятельность. Я думаю, что каждый патриот своей родины должен поступать так же...

Ему вынесли приговор через три дня. Отставной коллежский регистратор Николай Клеточников был лишен прав состояния, ордена святого Станислава и вместе с одиннадцатью своими товарищами — Михайловым, Колодкевичем, Сухановым, Фроленко и другими — приговорен к смертной казни через повешение.

КРЕПОСТЬ

24 марта 1882 года Александр III помиловал одиннадцать подсудимых и заменил им смертную казнь пожизненным заключением. Двенадцатому, Суханову, как офицеру, — повешение заменили расстрелом в Кронштадтском порту.

Меньше всего в этом решении проявилось милосердие нового царя. Просто он боялся всего: боялся мирового общественного мнения, боялся мстителей. Он помнил, как за головы Квятковского и Преснякова расплатили своей кровью его покойный отец. Хватит риска! Правда, в первом угаре злобы царь не удержался, казнил Желябова и его товарищей. Но дальше продолжать в том же духе ему было страшно.

Итак, решено: цареубийцы кончат свои жизни без лишнего шума. На то у Александра III была крепость и фон-Плеве, новый директор департамента Государственной полиции.

Вот почему в полдень 25 марта в камеру Клеточникова вошел генерал. Важно бросив: «Молитесь богу! Император помиловал вас», — он вышел, оставив Николая Васильевича полным мрачных предчувствий.

Милость не радовала его. Со двора крепости доносился шум, и ему казалось, что это идут приготовления к казни товарищей. Зачем то-

гда жизнь? Он постучал, услышал, что сосед «Михайло» тоже помилован, и немного успокоился.

Куранты стали играть гимн. Мысленно Клеточников пропел в такт их ударам революционный куплет:

«Славься, свобода и честный наш труд,
Пусть нас за правду в темницы запрут,
Пусть нас пытаются и мучат огнем,
Мы песню свободы и в тюрьмах споём!»

Потом снял куртку и крепко зашнуровал. В полночь его разбудил грохот железных дверных запоров. В камеру ворвалась орда жандармов. Что они собираются делать?

— Встать! Раздеться догола!

Волосатые руки шарят по голому телу. Горючий, суетливый обыск! Глаза успевают заметить двух унтеров, притаившихся в углу. Они ждут. Чего?

— Одеться!

Негнувшись пальцами натягивает он полосатую куртку, рваные штаны. И в эту секунду унтера вырвались вперед, заломили ему руки и вытащили в коридор. Куда? Пытать? В подвал?

Ступени круто спускались вниз. Его уже не вели, его несли на руках. Вот железная дверь — наверно, в пыточную камеру. Тяжело дыша, унтера поставили его на ноги. Один

завозился, распахнул ее, другой грубо толкнул Клеточникова в спину. Зацепившись за порог, арестант вылетел из коридора. Дверь захлопнулась, унтера остались за ней. Видимо, вход сюда им был запрещен.

Клеточников с испугом огляделся. Он в совершенно неожиданном месте — в маленьком круглом крепостном дворике. Один, ночью... Крупные звезды сияют на ярком небе.

Но тут из ворот высыпала вторая группа жандармов. И опять двое молодцов поволокли его на руках. Промелькнула стена, черный провал ворот, закоулки, и вдруг он заметил отблеск огоньков на водной глади.

Они были на берегу канала.

— Топить ведут!

Он инстинктивно дернулся в их руках, крикнул. Огромная лапа в белой перчатке опустилась на лицо, на шарил рот, сдавила...

Он все же успел заметить, что группа ступила на узенький мостик. Значит, не топить? Но тогда куда?

На другом берегу его отпустили. Николай Васильевич увидел невысокое здание и догадался, куда его привели. Словно подтверждая догадку, сбоку донесся знакомый голос. Это кричал кирилловский волкодав — «Ирод» III отделения — штабс-капитан Соколов.

— Сюда тащи, в эти двери!

Чиновники тайной полиции уже давно шептались, что пропавший из

Окончание. См. «Костер» № 12, 1965 г., №№ 1—3, 1966 г.

виду Соколов назначен смотрителем самой секретной темницы государства — Алексеевского рavelина. Видно, это было правдой.

Через минуту Клеточникова внесли в узкий и длинный коридор. В самом начале его и далеко в конце тускло мигали две маленькие лампочки. Заключенного протащили мимо нескольких дверей, потом куда-то толкнули и разом отступили в стороны.

Он огляделся. Здесь все выглядело гораздо уютнее, чем в Трубецком бастионе: деревянная кровать, деревянный столик, стул, изразцовая печка. Большое окно. Так вот он каков — злобещий Алексеевский равелин,

самое страшное место в крепости! Ничего ужасного, все обычное.

— Обыск! — командует Соколов.

Опять обыскивают. Соколов подносит керосиновую лампу почти что к самому лицу, а в это время другой жандарм шарит пальцами во рту: не запрятаны ли за щекой деньги на случай побега. Ничего не нашли! Но все-таки отобрали старую одежду. Жаль! В подкладке ворота старой куртки он нашел запрятанный там карандашный грифель и прощальную предсмертную записку Алеши Преснякова. Когда-то Алеша носил эту куртку перед казнью, а через четыре месяца она досталась Кле-

точникову. Кому-то достанется следующему? И сумеет ли этот следующий передать последнее слово казненного друга на волю? Он, Клеточников, не сумел...

«Ирод»-Соколов внушительно встал прямо перед заключенным.

— Ты, Клеточников, догадываешься, где находишься? Об этом месте в России знают всего три человека: государь, комендант да я. Вот как! Теперь ты будешь номер пятнадцать, понял? Мне приказано говорить тебе «ты», и я это исполню. Только — «ты»! А за перестукивание — наказание, за попытку говорить в глазок — тоже. Телесное. Понял?

И, отрывисто выпалив — «все!», смотритель выскочил из камеры. За ним вывалились жандармы. Щелкнули замки. Наступила тишина.

Клеточников подошел к окну: за-

хотелось еще раз поглядеть на небо. Но через стекло не было видно ни звездочки. «Близко крепостная стена, как в Трубецком», — подумал он и ошупью направился к дверям. От-

туда доносились чьи-то торопливые шаги, хлопание тяжелых дверей, щелканье замков. Пустые камеры равелина постепенно заполнялись помилованными смертниками.

ПОБЕДА

Утром, едва вскочив на ноги, он отправился к окну.

Вот так гнусная история!

В окно были вставлены две рамы с решетками. Стекла наружные крепко-накрепко забелили, а маленькую форточку в верхнем углу окна закрыли частым железным ситом. Через грязное сито свежий воздух не проходил в камеру, а видеть солнце вообще, оказывается, считалось запрещенным для государственного преступника.

Равелин постепенно показывал ему себя. Клеточников напряг близорукие глаза и различил паутину, густо затянувшую все углы его нового жилища. Провел рукой по стене: штукатурка показалась рыхлой от влаги. На полу блестела серебристого цвета корка — налет сырости. С его туберкулезом здесь долго не протянешь, пожалуй.

Распахнулась дверь. Двое жандармов внесли умывальник, двое — еду, сам смотритель с торжественным видом держал серебряную чайную ложку. Завтрак оказался вполне приличным: французская булка и два стакана чаю с сахаром внакладку. Но морда «Ирода» подозрительно лоснилась. Какую-то каверзу придумал мерзавец.

Клеточников с ним не разговаривал: не хотел слышать смотрительского «тыканья». Молча все съел, дождался ухода Соколова и постучал соседям. Всем на завтрак дали то же самое. Странно...

Обед превзошел все ожидания. Вкусный суп, на второе жареный рябчик, на третье — пирожное. Удивленный Тригони постучал Клеточникову:

— Неужели будут так кормить? Я не мог всего доест. Попросил смотрителя принести остатки на ужин. Что дадут на пасху?

Пасха начиналась на следующий день.

Клеточников чувствовал, что готовится некая ловушка, — он хорошо знал нравы III отделения. Но какая ловушка?

На следующий день первое, что бросилось ему в глаза, — грубая деревянная ложка в руках Соколова. Ах, так вот оно что! На завтрак дали кусок черного хлеба и кружку кипятку.

Николай Васильевич мелко-мелко поломал хлеб. Мякоть была полна

сора. Брезгливо выбросив сушеную сороконожку, запеченную в корку, он принялся есть свой кусок.

После обеда, на который дали суп — кипяток с несколькими плавающими капустными обрезками — и немного каши-размазни, Тригони взволнованно простучал:

— Что это такое? На этой пище жить нельзя!

— Это пытка, — ответил Клеточников.

Да, это была пытка — пытка голодом. Их хотели сломить, заставить просить помилования, выдать товарищей.

Но в камерах приняли вызов. Никто не жаловался, никто даже не разговаривал со смотрителем. Лишь однажды Клеточников не сдержался: выковырял из хлеба три белых червя и показал их Соколову. Тот покраснел, взял их и спрятал, не говоря ни слова. В тот же день ему вручил червей и Фроленко. «Ирод» попытался было объяснить, что это вовсе и не черви, а просто разбухшие хлебные зерна. Но с тех пор хлеб стал более чистым: Соколов взялся следить за просевом муки.

Эта маленькая победа очень подбодрила Николая Васильевича.

Самым тяжелым испытанием в тюрьме были не сырость, не холод, не голод. Самым главным союзником врага стало безделье и отсутствие впечатлений. Книг не было: «Чтение не полагается». Прогулок тоже не было.

Первое время Клеточников попробовал занять себя размышлениями. Но думать он мог только о деле: «Как же все-таки они добрались до нашей явки? Брали одного за другим на квартирах, по цепочке, — это так, все это понятно, но... Как они ухватили самое начало цепочки?! Ведь на квартиру Фриденсона «Агаческулова» не имелось никаких подозрений...» Дойдя до этого места, мысль узника останавливалась, обрывалась, но Клеточников продолжал мучительно вспоминать. Он чувствовал, что где-то в памяти что-то брезжит, хранится кончик ниточки, мелочь, которая замкнет недостающее звено. «Фриденсон... Нет, о нем я ничего не знаю. Ничего. «Агаческулов, Агаческулов» — под этой фамилией он жил. Нет, не припомню, ничего не помню...»

И вдруг однажды он вспомнил эту

мелочь! Он вспомнил донос, где упоминалось имя Агаческулова!

Но сообщить об этом на волю уже не мог.

И сразу, как только решил мучившую его задачу, Николай Васильевич почувствовал себя плохо. Мелкие красные пятна покрыли его ноги, под коленями набухла опухоль. Он осмотрел свое тело: ребра вылезли наружу, ноги стали тонкие, как плети, и только в коленях утолщались багровыми узлами. «Как у петуха», — подумал узник и застучал соседу: «Цинга». — «У меня тоже», — ответил Тригони. — «Поэт» передал всем — когда опухоль дойдет до живота — смерть».

«Поэт»-Морозов был по образованию медиком.

Когда смотритель принес обед, Клеточников молча разглядывал распухшую ногу.

— Пухнет? — зачем-то спросил «Ирод».

— Да.

Ничего не говоря, смотритель вышел из камеры.

Скоро он вернулся со стареньким доктором в халате. Клеточников пытался вспомнить, где он видел доктора. А, это генерал-лейтенант, который сидел на процессе в первом ряду. «Знатные мы люди, — подумал заключенный, — генералы от медицины нас лечат».

Генерал осмотрел ногу, покачал головой и ничего не сказал.

— Нет надежды?

— Лекарство пришло. Попробуем. Авось. Авось, — пробормотал он.

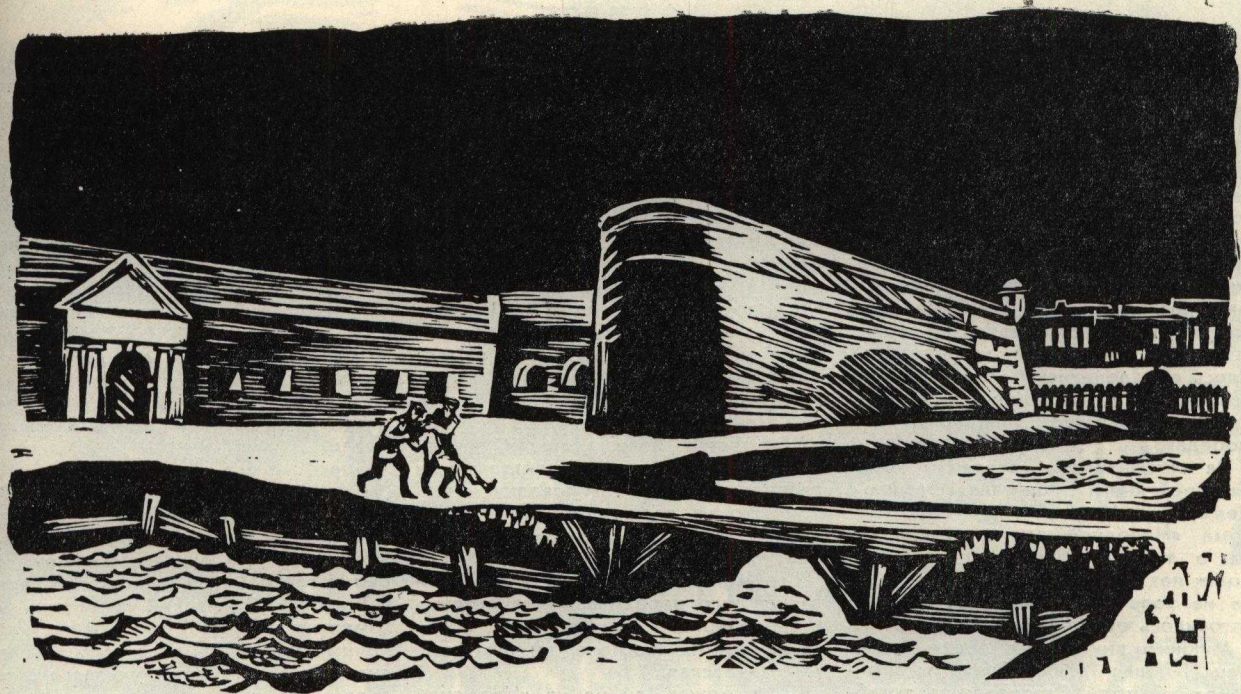
Скоро смотритель принес в камеру ложку желтой жидкости с железистым вкусом. Она не помогала — ноги одеревенели. Пришлось снова звать врача.

— Нужно другое питание, — хмуро сказал генерал смотрителю. — Медицинские средства здесь бесполезны.

— Приказывали — рябчиками-с кормил, — сухо ответил «Ирод». — Прикажут-с — и все кормить не буду. На все воля государя и коменданта.

Врач недовольно пожевал губами, но понял, что спорить с «Иродом» бесполезно. Видимо, он поговорил с комендантом: на следующий день дали молоко и разрешили прогулки.

Опухоль постепенно стала проходить. Но в тот день, когда она исчезла, исчезло молоко и прогулки.

Будто обрадовавшись, цинга снова набросилась на людей. Увидев опухоль, «Ирод» скривился, бросил сквозь зубы:

— Еще рано.

Этот волкодав, наверное, последним не потерял надежду, что цинга «расколет» заключенных, заставит их говорить. И тогда он снова начнет кормить их, как в первый день, — рябчиками. А пока — рано.

Но они молчали. И через месяц он снова вынужден был дать молоко и прогулки. И потом снова отнял их. Так продолжалась раз от разу эта кровавая игра с цингой.

Когда болезнь пришла в третий раз, Клеточников простучал в стенку своим товарищам чрезвычайное сообщение. Он решил бороться — объявить голодовку. «Все равно легкие никуда не годятся. Пусть от моей смерти будет для вас польза».

Тригоны отстучал ответное мнение соседей по коридору: Фроленко, Морозов и он сам просили Николая Васильевича не рисковать понапрасну. Но Клеточников не хотел менять решения.

В первый день, когда заключенный отказался от еды, смотритель сильно растерялся. О голодовке ничего не говорилось в инструкции.

— Это твое дело — есть или не есть, — угрюмо заявил «Ирод» и пошел докладывать начальству.

Первым всполошился комендант. Он растолковал туповатому смотрителю, что если все заключенные перемрут вслед за Клеточниковым, то прощай повышенные оклады, новые чины и ордена — все привилегии, какими правительство задабривало равелинскую охрану. Охрана была материально заинтересована в сохранении своих пленников, и если это не сразу понял Соколов, то зато поняли его начальники в крепости.

Еще больше коменданта встревожил директор департамента полиции фон-Плеве. Если слух о голодовке и гибели заключенных когда-нибудь выскользнет из стен равелины, его репутация «строного законника», «сурового, но справедливого охранителя устоев» будет скомпрометирована. Хорош законник, уморивший заключенных голодом! После такой именно голодовки в Харьковском центре покойник Гольденберг четыре года назад уколошил генерал-губернатора Кропоткина. «Брр», — Плеве поежился от этой неприятной мысли и приказал «принять нужные меры» для улучшения положения в равелине.

20 февраля 1883 года «Ирод» в сопровождении трех жандармов вошел в камеру Клеточникова. На койке неподвижно лежал живой скелет: шел восьмой день голодовки.

— Слышь ты, Клеточников, — не привычно мягко начал смотритель. —

Командир корпуса жандармов сюда будет. Велено всем номерам со следующей недели давать мясной бульон, масло, кашу, чай с сахаром. Разрешены духовные книги, прогулки. Богом клянусь, троичей клянусь, — все правда. Мне что, Коля, мне — велят, а я сам хоть рябчиками кормить буду. Слышь, покушай, а?

«Вот и все, — думал Николай Васильевич, вслушиваясь в жаркий полусшепот жандарма, — товарищи будут живы... Последняя победа... О чем просит этот зверь? Поест? Мне нельзя есть эту грубую пищу. Желудок надорвется. Подожду бульона».

Губы его беззвучно шевельнулись, голова с закрытыми глазами едва заметно качнулась из стороны в сторону.

— Ах, ты вот как! — взбеленился «Ирод». — Ах, ты вот как! Кормить его, кормить насильно!

Жандармы разодрали узнику рот и стали запихивать туда куски застывшей каши.

«Что они делают! Что они делают! Ведь это смертельно, — думал Клеточников, бессильно изгибаясь в их мускулистых лапах. — Про предателя... не забыть... простучать».

Острая боль пронизала тело. Потеряв сознание, узник провалился в черную яму.

Смерть наступила через три дня.

Эпилог

В 1924 году Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев проводило пленарное заседание своего президиума.

В парадный зал музея Революции собрались люди из удивительных легенд: старики — герои террора 80-х годов, ветераны «Союза борьбы», бойцы баррикад, «Потемкина», «Свеаборга», «Памяти Азова». Казалось, живая история революции, со всеми этапами, каторгами, голодовками, собралась в этом зале на торжественное заседание победителей. Здесь они делились бесценными воспоминаниями о прошедших боях, об усопших товарищах, о поражениях и победах.

На сегодняшнем заседании главы из своей книги прочитала Прасковья Семеновна Ивановская, член Исполкома «Народной воли». Она писала о том, как бежала после двадцати лет с Карийской каторги и стала на воле хозяйкой квартиры, где готовилось покушение на фон-Плеве. Министр внутренних дел и любимец Николая II, фон-Плеве был разорван бомбой Сазонова: за погибших народовольцев отомстили!

После Ивановской выступала другая прославленная революционерка — Анна Васильевна Якимова. Член Исполкома, соратница Желябова в его самых опасных предприятиях, она избегала смертной казни только потому, что ждала в тюрьме ребенка. В Трубецком бастионе она родила первенца. Как Ивановская, она тоже была участницей охоты за фон-Плеве и, в общей сложности, провела в крепостях, на каторге и в ссылке около тридцати лет.

Заметив, что присутствующие поднимаются с мест, председатель Михаил Федорович Фроленко знаком попросил всех остаться.

— Тут еще одно дело осталось, требуется ваша помощь, товарищи. Органы ОГПУ обратились к нам с запросом...

Суть запроса заключалась в следующем: на одном из заводов рабочие несколько раз жаловались на своего мастера. Этот гражданин вел себя по-провокааторски: чрезмерно понижал расценки за работу, а рабочим ехидно предлагал «побориться за производительность труда»

и заодно подумать хорошенько о пользе для них советской власти. Рабочие, вместо того чтобы негодовать на власть, шли в органы и сообщали о зловредном старике. ОГПУ давно бы прибрало его к рукам, но в анкете у него обнаружилась особая запись. В ответ на вопрос: «Чем занимался до 1917 года?» — мастер начертал: «Был членом партии «Народная воля» и два года сидел в Петропавловской крепости». Человека с таким прошлым арестовывать было как-то совестно, — его и терпели. Но последнее время он располагался особенно, в открытую поносил все и всех, и тогда ОГПУ послало в Общество политкаторжан запрос об этом человеке: действительно ли он видный в прошлом революционер?

— Кто из вас, товарищи, знает и помнит Ивана Александровича Петровского? — спросил Фроленко.

Все молчали. Ветераны знали почти каждого народовольца в столице и провинциях, но Петровского не встречали ни Якимова, ни Морозов, ни Ивановская.

— А может, он не из «Народной воли», а из «Земли и воли»? — подала, наконец, голос Софья Иванова, бывшая хозяйка типографии в Саперном переулке. — Сейчас многие их путают... Николай Сергеевич, оторвите от своих рукописей. Вы Петровского в «Земле и воле» не знали?

Сидевший в углу с пачкой листов на коленях благообразный старик — Николай Тютчев, в прошлом истребитель шпионов и соратник грозного Алексея Преснякова, а ныне архивист и историк революции — с удивлением вслушался в разговор.

— Кого?

— Петровского Ивана Александровича не знали?

— А что? — глаза Тютчева вспыхнули. — Знаю Петровского. Неужели нашелся?

— Нашелся, нашелся, — зашумели радостно вокруг, — запрос прислали.

— Если только это тот самый Петровский, — осторожно начал Тютчев, — если не произошло недоразумения, то он известен не только мне. Иван Васильевич Окладский, он же Иван Иванович Иванов, он же Иван Иванович Александров, он же «Техник», он же Иван Александрович Пет-

ровский. Предатель номер один, кадровый агент охраны с тридцатилетним стажем.

Все оцепенели. Первым опомнился Фроленко:

— Мне Клеточников перед смертью о нем стучал. Надо немедленно сообщить.

Так неожиданно работа историка Тютчева стала фундаментом следственной работы прокурора Петроградского губернского суда Игельстрема. Окладский был арестован. И по иронии судьбы его допрашивали и припирали к стенке в том самом доме III отделения, где он предавал своих товарищей сорок лет назад.

Здесь же его и судили.

Шаг за шагом размотали прокурор, следователи, ученые, эксперты историю ужасающего предательства. По документам они восстановили события той роковой ночи, когда перетрусивший Окладский выскочил из камеры смертников, позабыв там ночные туфли. Он рассказал все, что знал. Потом он перестукивался с соседями по камере, выдавая себя то за рабочего Тихонова, то за рабочего Тетерку. Предатель надеялся, что клеймо измены ляжет на этих людей: он стремился избегнуть участи Жаркова и Рейнштейна любой ценой.

Ему дали десять лет тюрьмы. Как он их провел и как умер — неизвестно. Могила его тоже никому не известна — кто же станет искать могилу грязного полицейского шпиона.

Неизвестны и могилы людей, которых он предал, — Желябова, Кибальчича, Михайлова, Клеточникова. Их вывезли и похоронили в глубокой тайне где-то на Преображенском кладбище, под Ленинградом. Никогда мы не узнаем, где покоится прах самых светлых, самых мужественных и самых смелых людей, которых рождала русская земля в не такие уж далекие времена.

А если бы узнали, воздвигли бы обелиск. И на плите написали бы:

«Замучен тяжелой неволей,
Ты тяжкою смертью почил,
В борьбе за рабочее дело
Ты голову честно сложил...»

И склонили бы знамена перед памятью героев революции.

Послесловие к повести «КОНТРШПИОН» вы прочтете
в следующем номере.

ДВИЖУТСЯ ЛИ МАТЕРИКИ?

В марте Европа и Азия оказываются примерно на семь метров ближе к Америке, чем в августе — такой вывод сделал профессор Пулковской обсерватории Николай Никифорович Павлов.

„СТОЛ ЗАГАДОК-56“

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО

...Почему волшебное? Потому что не только отражает, но и...

КОВЕР-САМОЛЕТ И КО-ВЕР-САМОЛЕТ. А «пилоты» разные! Кто они?

ПУШЕЧНОЕ ЯДРО И ПУШЕЧНОЕ ЯДРО. Узнаете пассажиров? Особенно нас интересует второе, то, что в зеркале, — куда держит оно путь?

В зеркале — ЮНОША С КРЫЛЬЯМИ, перед зеркалом — ЮНОША БЕЗ КРЫЛЬЕВ. Тот, что в зеркале, падает, тот, что перед зеркалом, — взмывает. Родина одного — Греция, родина другого — Индия. Один — из мифа, другой — из фантастического романа. Кто они?

ДВА КОСМИЧЕСКИХ КОРАБЛЯ. Левый стартует на Луну, правый — на Марс. Левый придуман писателем Гербертом Уэллсом, правый — писателем Алексеем Толстым. Нас интересует состав экипажа обоих кораблей.

Дополнительный вопрос: на какой тяге работали их двигатели?

Зеркальщик Б. Борейко

Рисунок В. Гальбы

— КТО ВПЕРВЫЕ ОБРАТИЛ ВНИМАНИЕ НА СМЕЩЕНИЕ МАТЕРИКОВ ОТНОСИТЕЛЬНО ДРУГ ДРУГА? — спросил наш корреспондент ученого.

— Наиболее серьезно этот вопрос был поставлен известным немецким геофизиком Альфредом Вегенером в 1912 году. Сначала все материки были единым целым и лишь впоследствии разошлись между собой, — утверждал Вегенер. По его расчетам Евразия должна удаляться от Америки со скоростью около метра в год, а Гренландия от Европы — со скоростью нескольких десятков метров в год. Книга Вегенера «Возникновение материков и океанов» вызвала большой интерес. Ведь до него уже было замечено, что противоположащие берега южной части Атлантического океана, то есть береговые линии Бразилии и Африки, имеют одинаковые очертания.

Для проверки теории Вегенера в 1926 году была организована первая большая международная работа. В ней участвовали 42 обсерватории из 30 государств. Тогда были определены точные значения долгот для обсерваторий, расположенных на разных материках.

Работу повторили в 1933 году в еще большем масштабе: приняла участие 71 обсерватория, в том числе и обсерватории Советского Союза. В итоге выяснилось, что — вопреки Вегенеру — Америка скорей приближается, чем удаляется от Европы и Азии. Проверить полученные результаты — произвести новые долготные определения — решили еще раз в 1957—1958 годах, во время Международного Геофизического года.

И вот выводы — с 1933 по 1960 год Америка приближалась к Евразии со скоростью, не превышающей 20—30 сантиметров в год. Теория Вегенера не подтвердилась...

Кроме такого медленного, постепенного перемещения континентов, в 30-х годах нашего столетия астроном международного бюро времени Николай Стойко обнаружил более быстрые периодические их движения (с периодами в 11 лет, то есть равными циклу солнечной активности и году). Величина полного перемещения материка в обоих случаях достигает нескольких метров.

— ОТ ЧЕГО ЖЕ ЗАВИСЯТ ЭТИ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ МАТЕРИКОВ?

— Самая вероятная причина — влияние движения больших воздушных масс, или, как мы говорим, влияние атмосферной циркуляции.

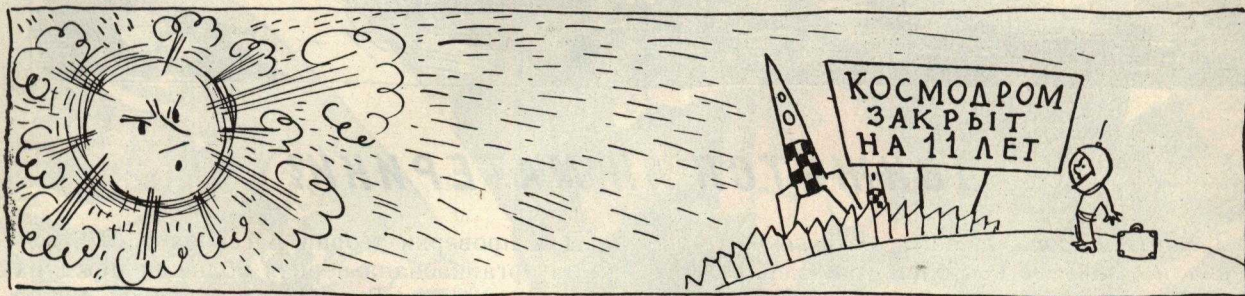
Теперь хорошо известно, что именно сезонная атмосферная циркуляция вызывает изменение скорости вращения Земли вокруг оси с годичным периодом, из-за чего в марте сутки бывают на одну тысячную секунды длиннее, чем в августе. Атмосферная циркуляция может быть и причиной деформаций земной коры,

вызывающих периодические перемещения материков.

По современным представлениям земная кора состоит из отдельных крупных блоков, которые могут в небольших пределах перемещаться относительно друг друга.

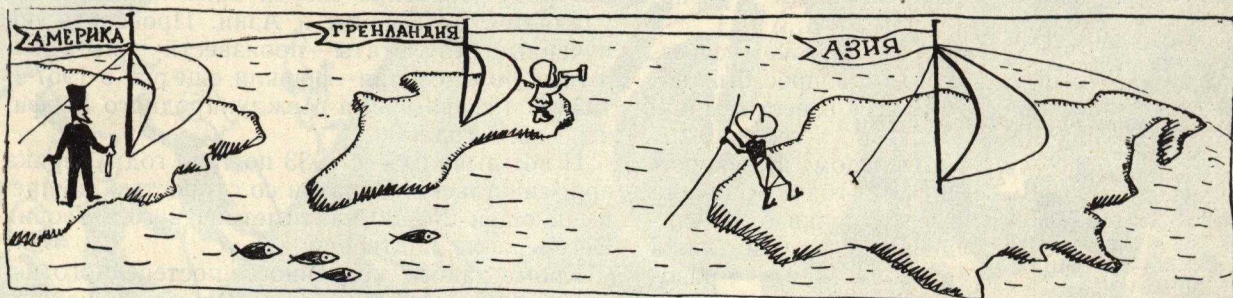
Осенью этот же сезонный ветер оказывает обратное действие, замедляющее вращение Земли, и сдвигает Азию к западу.

Таким образом, ветер — это сила, достаточно мощная не только для того, чтобы изменять скорость вращения Земли вокруг оси,

Основное действие атмосферной циркуляции проявляется сильнее всего на обширной территории Азии. Здесь сезонная циркуляция воздуха гораздо сильнее, чем на других материках. Здесь и наиболее резко выраженный континентальный климат, и наибольшее годовое изменение температуры и давления

но и для того, чтобы несколько сдвигать большие материковые блоки, хотя его средняя сила при сезонной циркуляции атмосферы сравнительно невелика. Правда, во время коротких погодных циклов продолжительностью около месяца сила ветра может быть в несколько раз большей. Очевидно, эти ветры

воздуха. Азия — самый высокий материк, не считая Антарктиды, покрытой ледяными горами.

Можно представить себе такую картину. Весной Солнце нагревает огромные массы тяжелого холодного воздуха, скопившегося над Азией. Воздух, расходясь, испытывает значительно большее сопротивление своему движению в восточной части Азии, покрытой мощными горными цепями, чем в западной, где протянулся один только Уральский хребет. Давление ветра на восточные Азиатские хребты ускоряет вращение Земли вокруг оси и одновременно несколько сдвигает к востоку сам Азиатский материк по отношению к Аме-

должны вызвать еще более быстрые движения материковых блоков. К сожалению, обнаружить такие движения пока еще очень трудно, так как полный сдвиг блока из-за малой продолжительности его перемещения небольшой. И все же такие движения материковых блоков могут играть большую роль, являясь одной из причин возникновения землетрясений. Они образуются в результате столкновений блоков по линиям разломов земной коры. Когда в будущем удастся тщательно изучить такие движения, вероятно, можно будет предсказывать землетрясения, а это, конечно, очень важно.

ОТВЕЧАЕМ!

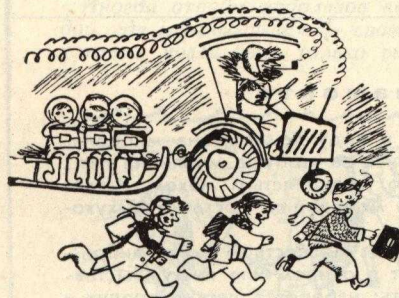
ШКОЛА

спринт

Здравствуй, «Спринт»!

В этом учебном году я начал заниматься легкой атлетикой всерьез. Соревнования, правда, у нас не проводились, но я думаю, если у человека есть желание, он всего добьется!

Тренировки я провожу отличные. Мы с ребятами ездим в школу за

семь километров. Трактор быстро идет, а мы за санями бежим! Километра по два каждый день. А по воскресеньям совершаем вылазки на лыжах километров за семь от села. Да кроме этого, еще занимаемся дополнительными упражнениями. Я надеюсь, к весне у меня будут хорошие результаты.

Ваня Боровиков
Село Тавричанке
Бородулихинского района
Семипалатинской области.

Мы не сомневаемся, что результаты будут отличными!

Интересно, что тренировки с трактором очень любил такой известный спортсмен, как чемпион Токийской олимпиады негритянский спринтер Боб Хейес. Он не только бегал за мчащимся на предельной скорости трактором, но и вместе с другими спортсменами для развития силы ног устраивал такое любопытное соревнование: группа спринтеров, упи-

раясь спереди в радиатор машины с работающим мотором, не дает ей сдвинуться с места! Но тот трактор был небольшим, садовым.

А вот против степных исполинов, которыми пашут у нас на целине, не устоит, пожалуй, сборная команда сильнейших тяжелоатлетов мира во главе с Леонидом Жаботинским и Юрием Власовым! Поэтому тебе, Ваня, устраивать такую игру не советуем!

За консультации, которые вы мне прислали, большое спасибо!

Вы даже представить себе не можете, как они мне помогли! Происходит почти чудо, ведь я теперь почти не болею. До сих пор осень для меня была самой неприятной порой — мне всегда нездоровилось. А теперь в любое время года я чувствую себя бодрой и совершенно здоровой.

Мои друзья по классу очень увлекаются волейболом. А я играю плохо: не умею быстро передвигаться по площадке, не знаю, как рассчитать удар. Мне стыдно перед ребятами. Они у нас такие хорошие; даже когда по моей вине команда проигрывает, никто не упрекает меня, а только учат. За это я им очень благодарна!

Многие в нашем классе пишут стихи о дружбе, о романтике, о природе. Я тоже немножко пишу, но только тогда, когда не могу не писать.

До свидания, дорогая школа!

Нина Андрюхина
Станица Ново-Покровская
Краснодарского края

Нина не единственная из наших учеников, которым занятия в школе «Спринт» помогли избавиться от болезней, окрепнуть, закалиться. Такие письма приходят к нам чуть ли не каждый день.

Против медлительности и неповоротливости, которые мешают некоторым ребятам играть в волейбол, баскетбол и другие игры, лучшее лекарство — специальные упражнения для выработки быстроты, которые мы рассылаем нашим ученикам.

Многие мальчики и девочки так

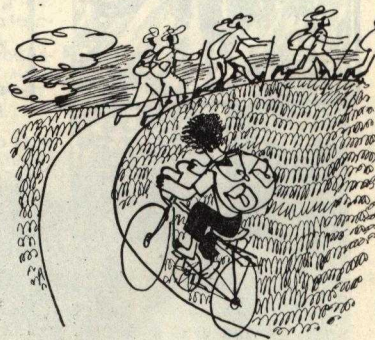
же, как Нина, любят поэзию, сами пишут стихи. Нам хотелось бы, чтобы стихи о спорте и, конечно, в первую очередь о спринте, они присылали к нам в редакцию.

Здравствуй, «Спринт»!

Раньше я не особенно любил спорт. А теперь увлекаюсь легкой атлетикой и туризмом. И вот почему.

Перед каникулами физрук объявил, что организуется многодневный поход, желающие пусть запишутся и приходят на тренировки. Я записался, но на тренировках не появлялся. Думал, обойдусь и без них.

Уже первый день похода переубедил меня. Мы прошли еще только восемь километров, а я уже стер ногу и ковылял позади отряда. То и дело я подносил к губам фляжку с лимонадом, но жажда мучила все сильнее. Наконец, мы остановились

на привал. Я повалился спать, даже не поужинав. Утром меня посадили на велосипед, чтобы я мог продолжать путь с отрядом.

Тогда, в походе, я понял, какая великая вещь тренировка, и с тех пор занимаюсь легкой атлетикой.

Со спортивным приветом
Саша Яранцев
Станция Фаленки Кировской области

Тем, кто еще не начал тренироваться, советуем сделать вывод из рассказа Саши, не дожидаясь, пока они попадут в подобную историю!

Соседка звезды 61 Лебеда

Астрономы обнаружили в Космосе тела, излучающие энергию в миллионы раз большую, чем Солнце. При этом «незнакомцы» удаляются от нас со скоростью почти 150 тысяч километров в секунду!

Окончательно не решено, что это за тела. Но есть принятое учеными объяснение.

...В недрах звезд легкий водород превращается в гелий. Известно, что при этом возникает ядерная

энергия невероятной силы. Излучение идет изнутри звезды к ее поверхности. Оно как бы поддерживает ее поверхностные слои, не дает им «опасть». Пока водород весь не выгорит, сохраняется состояние равновесия. Затем изнутри энергия уже не идет, внешние слои ничем не поддерживаются. Звезда резко сжимается, ее поверхность опадает вниз к центру. В этот момент нам и кажется, что звезда с огромной скоростью уходит от нас.

Если масса звезды не больше, чем у Солнца, звезда превращается в «белого карлика», каких на небе много. Это звезда маленькая, но очень плотная, излучающая слабый свет.

Если ее масса равна двум Солнцам, она становится так называемой гиперновой звездой, у которой плотность доходит до миллиарда тонн на кубический сантиметр, а свет еще более слабый.

А если ее масса еще больше, то плотность возрастает в сотни раз. И при этом звезда становится совсем невидимой для нашего глаза. Ее можно «нащупать» на небе, потому что, испытывая ее притяжение, другие, видимые нам звезды, движутся не прямо, а змейкой. Такую звезду ученые подозревают около видимой 61 звезды Созвездия Лебеда.

Современник мамонта

Вымерли животные, населявшие сушу и воду во времена миоцена. А выхухоль сохранился, почти не изменившись за полтора миллиона лет...

Тело этого неуклюжего зверька покрыто шелковистым мехом. Кстати сказать, очень ценным: наша страна имеет монополию поставки выхухольских шкурок на международный рынок.

У выхухоля забавный нос — плоский, со множеством волос-вибриссов. Носом-хоботом выхухоль ловко находит в речном иле пищу. Выставляя хоботок из воды, зверек может дышать: наберет в легкие воздух и снова — под воду. Хоботок — важный орган обоняния, глаза у зверька подслеповатые, зрение слабое. Даже во сне зверек поводит хоботком, карауля опасность...

По земле выхухоль бежит плохо, побежит побыстрее — может на бок повалиться. Зато пловец — отличный. Хвост его — своеобразный руль, плоский, словно лезвие ножа.

Тамбовская, Рязанская, Воронежская области — вот где водится выхухоль. Недаром его называют русским выхухолем.

Триста ведер на одно ведро

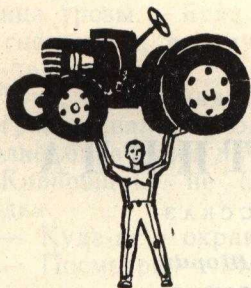
На одно ведро пресной воды на Земле приходится более трехсот ведер соленой.

В твердом виде — в ледниках — хранится в 5 раз больше воды, чем во всех земных реках и озерах.

Загадка кокосовой пальмы

Весь мир знает прекрасную кокосовую пальму. Всем известны кокосовые орехи. А вот происхождение этой пальмы неизвестно. Ученые считают, что ее вывели искусственным путем сами люди. На это они потратили много сотен лет.

Костюм-силач

Этот железный костюм точнее назвать железным скелетом. Допустим, человек согнул или повернул руку. Напряглись мышцы руки. Их усилие, пусть даже слабое, передалось датчику — одному или нескольким. Они привели в действие несколько моторчиков. Нагрузку-тяжесть приняли не сами мышцы, а железные детали костюма.

В отличие от костного это внешний скелет. Его механические суставы как бы повторяют многие естественные движения человека, увеличивая при этом его силу. В железном костюме человек справляется с непосильной работой, ничуть не утомляясь.

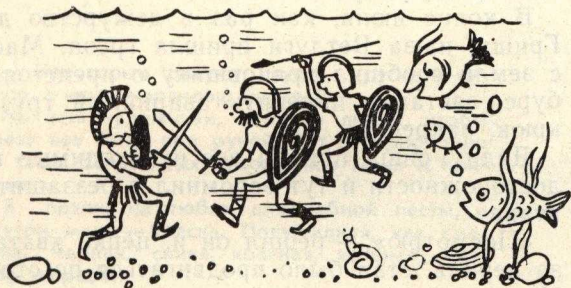
«Скелет» возник в результате эксперимента американских ученых. Он годится там, где еще нет механизации и тяжелую работу приходится выполнять человеку вручную...

Единственные свидетели — рыбы

У древних греков и римлян были отряды смелых и ловких подводных бойцов.

При осаде города Сиракузы афиняне, например, посылали команды водолазов, вооруженных крючьями, вытаскивать вбитые в грунт бревна, чтобы расчистить путь в гавань своим судам.

Иногда отряды водолазов встречались под водой, где и разыгрывались сражения, свидетелями которых могли быть только рыбы...

И молоток хорош

Зачем бурят скважины? Попросту говоря, чтобы заглянуть в глубь земли, увидеть, где лежат слои песка или глины.

Иногда можно «заглянуть» и иначе: ударят тяжелым молотом по земле, побегут от сотрясения колебания в самую глубину. «Накнутся» на поверхность слоя глины и отразятся обратно. Частично отразятся, но чуткий прибор — осциллограф «поймает» их и на экране «принесет» важные сведения людям.

Разведчики недр применяют самые совершенные приборы, но — когда нужно — не забывают старинный простой молоток.

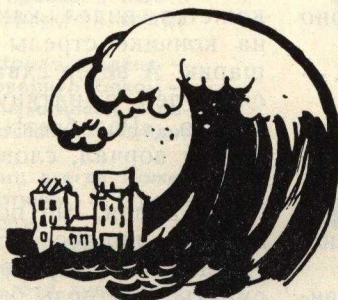
Печальная дата

Прошло двадцать лет с тех пор, как у острова Уника, входящего в группу Алеутских островов, произошло сильное землетрясение.

Громальные волны цунами обрушились на четырнадцатиметровый маяк Скоти-Кап и разрушили его до основания.

Высота волн, достигших островов Гавайи, была не менее семнадцати метров. Часть города Хило на островах была сметена начисто, улицы загромождены обломками, груды искореженных машин и остовов судов... Погибли люди...

К сожалению, наука не нашла пока способа точно предсказывать землетрясение, хотя этой проблемой занимаются ученые всех стран мира.

Раньше и теперь

Самые мощные линии электропередачи Советского Союза имеют высоту опор 125 метров. Под проводами таких линий можно поместить Исаакиевский собор и останется достаточное пространство, чтобы не произошло замыкания.

А когда в конце прошлого века русский ученый Николай Николаевич Бенардос предложил построить гидроэлектростанцию на Неве, в районе Ивановских порогов, чтобы снабжать энергией Петербург, городская управа предъявила ученому непосильное требование. Надо было подвесить провода линии передачи на такой высоте, чтобы под ними мог проходить воз с сеном и на нем стоящий казак с пикой. Ученый вынужден был отступить перед такой трудностью...

ВЫСОТНИЦА

РАССКАЗ

Н. Шорин

Гравюра

А. Овсянникова

Погрузочную площадку на комбинате в прошлом году расширили. Она одним своим концом вышла на берег Ветлуги, а вторым уперлась в глухую лесную стену. Ближние к путям деревья были срублены.

Вместо высоченных осин здесь встал громаднейший погрузочный кран. Он один властвует и сейчас над берегом реки, гордо возвышается над лесом. Далеко и отовсюду видно его ажурное плетение.

Крановщик дядя Гриша, смазывая каретку на стреле, добрался до тупика и невольно залюбовался: серо-желтенькая птичка озорно крутилась под концом крановой стрелы.

— Ишь ты! — улыбаясь проговорил он. — Поди, есть хочешь?

Крановщик порылся в кармане, достал кусочек хлеба, раскрошил. Птичка не притрунулась. Дядя Гриша ушел в будку, занялся работой, о птичке забыл. А под вечер, передавая смену Валентину Аленкову, вспомнил, сказал:

— Понимаешь, у нас квартирантка появилась! Высотница!

— Пусть! — отмахнулся Валентин, занятый работой.

Смену за сменой работал дядя Гриша. Когда выпадала свободная минута, взглядывал на кончик стрелы, где неустанно вместе с ними трудилась птичка, радостно думал:

— Молодец-то какая! Упорная!

Прошел май.

Осматривая стрелу, дядя Гриша обнаружил под ее концом небольшую корзиночку. Она, искусно сплетенная из шерстинок, пушинок и травинок, крепко была притянута конским волосом к проволоке троса. Сверху корзиночка была наполовину прикрыта.

— Инженерно рассчитано, — определил дядя Гриша, но тут же усомнился: — Вот в ветер будет ее раскачивать и станет бить о швелера. Прикрепить бы...

В конце июня, как раз в дежурство дяди Гриши, из-за Ветлуги пришла гроза. Мастер с земли сообщил крановщику о предстоящей буре, заставил нацепить аварийный груз на крюк, закрепить.

Дядя Гриша принял все необходимые предосторожности и тут вспомнил о незащитной птичке.

«Посмотрю», — решил он и, цепко хватаясь за перила, стал было продвигаться по стреле. Но инженер, стоявший внизу, строго запретил. Крановщик повиновался, а сердцем тянулся туда, где была птичка. И взгляд его напрасно искал ее. Только в один момент он, кажется, видел, как отчаянно раскачивалось на кончике стрелы малюсенькое гнездышко-шарик. А ветер схватывался на высоте, рвался, гудел в натянутых тросах, ревел разъяренно. «Разобьет!» — думал старый крановщик и ворчал, словно птичка могла его слышать:

— Глупая, где постройку возвела? Места в лесу не нашлось? Все побьет! Если яички в гнездышке — вдребезги, если птенчики — на-смерть! Вот ведь безрассудная какая...

Гроза словно ждала своего часа. Черно-синяя туча навалилась на лес и Ветлугу. Молнии электросварочными вспышками металлись по небу. Гром обстреливал погрузочную площадку тяжелыми взрывами, частыми очередями, шрапнельной россыпью дождя. Гудел в тросах и неистовствовал ветер.

— Ишь ты, разошлась, — ворчал дядя

Гриша теперь на тучу и с нетерпением ждал конца грозы. — Если уцелеет хоть что-нибудь в гнездышке, возьму проволоку и закреплю по-человечески...

Туча, пролившаяся обильным дождем, еще погромыхивала, уходя к поселку. Дождик мелко барабанил по крыше.

Крановщику не сиделось. Он вышел из будки.

— Куда-а? — окрикнул бригадир. — Рано-о!

— Посмотрю! — отозвался крановщик и привычно пошел по стреле.

Взгляд его настороженно ощупывал каж-

дый сантиметр. Даже руки от нетерпения дрожали. И вот конец! Место то, а гнездышка — нет! Сорвало! «Эх, укрепить нужно было... Ворона!» — обругал дядя Гриша сам себя и, словно споткнувшись, замер: — «Батюшки! Да неужели?» Старый крановщик не верил своим глазам.

Гнездышко, как будто и грозы не бывало, мягко покачивалось под гигантской стрелой, словно малюсенький резиновый шарик на прочной нитке.

— Милая ты птаха. Умница, — только и смог сказать старый крановщик.

ГОВОРИТ МАСТЕР-ФЛАМАСТЕР

— Некоторые рисуют пером, другие — кистью, а иным карандаш подавай.

Но есть художники, которые любят, чтобы сразу все было под рукой. Вот, наверно, один из таких запасливых художников меня и придумал.

Я похож на тюбик для зубной пасты, а внутри меня — краска. Полужидкая, как сметана. Черная, синяя, красная, зеленая, — какой заправят.

А снизу, чтобы краска не выливалась, я заткнут «валенком». Так в шутку называют, а на самом деле «валенок» — это стерженек из фетра.

Стерженек мало того, что пробка, а еще и фитилек. Тянет понемногу краску и всегда чуть влажен.

Очини его — и рисуй. Острием ведешь — получается тонкая линия, повернул боком — крась, как кистью. Сильно нажимаешь — получится сочный оттенок, послабее — выйдет легкий, чуть заметный.

Тот, кто меня с собой носит, всегда может нарисовать и маленькую картинку, и огромный плакат. Я для всего гоюсь.

Но что касается «мастера», так сам я, конечно, не мастер. Я — фламастер, рисовальная принадлежность. И один, без художника, ничего не могу.

Теперь взгляните на соседний рисунок. Это он мною сделан, фламастером.

До свидания.

Рассказ Мастера-Фламастера записал КОС-
тя ТЕРкин.

Иллюстрацию — зарисовку статуй у въезда на мост Палацкого в Праге — сделал художник Н. Утехин.

Ганта

УДЭГЕЙСКАЯ СКАЗКА

Рисунок П. Кондратьева

Жил человек с женой. Звали его Тургуморга. И вот у них родился сын.

— Жена, — спросил Тургуморга, — как назовем сына?

И жена ответила:

— Давай подумаем вместе.

Думали они, думали и назвали мальчика Гантой. Рос Ганта быстро, очень быстро.

а стрелу — из самого высокого дерева в тайге. Тетиву он скрутил из десяти лиан лимонника.

— Куда идешь, Ганта? — спрашивали его люди.

— Я иду убивать солнце злых духов! — говорил сын Тургуморги.

И люди смеялись ему в лицо:

В первый день своей жизни он стал ходить. На второй день стал говорить. На третий — пошел на охоту и принес домой изюбра.

В то время плохо жили люди. Над тайгой стояло два солнца. Одно — низко-низко. Это злые духи хотели убить людей и зажгли второе солнце. Сначала они развели большой костер на земле, потом посадили костер на крылья Железного клюва и подняли над лесом. Стало жарко, очень жарко. Все выгорело на земле. Ни ягоды, ни орехи не росли. Звери вымирали. Даже вода высыхала на бегу.

Тогда сказал Ганта отцу и матери:

— Я убью плохое солнце!

Испугались отец с матерью:

— Что ты, сынок! Как можно убить солнце? Оно сожжет тебя.

— Ничего, я не боюсь, — ответил он.

Шел тогда Ганте всего десятый день от роду. Вернулся он с охоты и принес кость огромного изюбра. Из этой кости сделал себе лук,

— Хвастун ты, Ганта! Кто же может убить солнце?

И вот подходит Ганта к солнцу плохому, подходит близко-близко. Чуть рукой не достает. А солнце выжигает траву и деревья вокруг. Улы горят на ногах Ганты, дымится его одежда и глаза чуть не лопаются. Но Ганта терпит, все терпит. Вынул он лук свой костяной, натянул тетиву туго-туго и выстрелил самым высоким деревом прямо в солнце злых духов. И сразу стало совсем темно. Испугались люди: как в темноте жить?

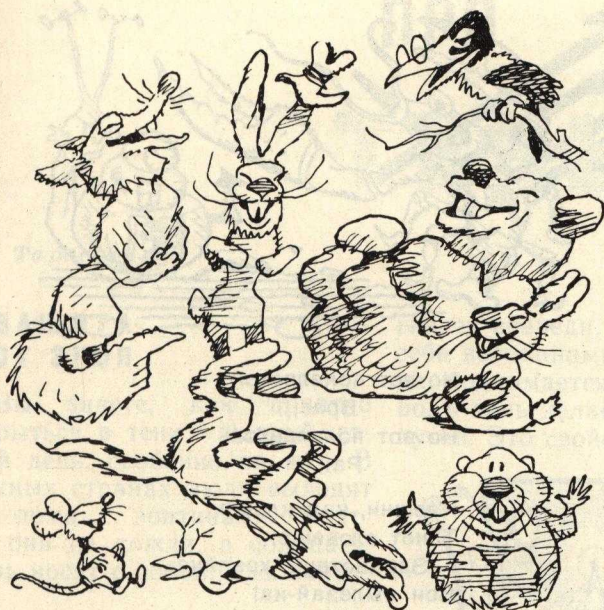
— Темно не будет, — сказал Ганта.

И вдруг стало светло-светло. И совсем не жарко. Потому что над тайгой осталось одно солнце.

С тех пор стали зима и лето. Снег стал. И вода не высыхала, и звери не вымирали. Много стало расти ягод и орехов.

Долго, очень долго жил Ганта, хорошо жил. И люди не обижали его и всегда хорошо вспоминали о нем.

Записал Ф. Архипов

ЗАЯЦ-УМОРА

Собрались к Зайцу гости.
Заяц им что-то рассказывал, и все гости умер-
ли со смеха.
Один Хомячок остался жив, он ничего не понял.

Ю. Степанов
Рисунок В. Гальбы

8

Уголёк № 4

АПРЕЛЬ

На березах почки —
Будто узелочки.
Солнышко покажется —
Узелки развяжутся.

Р. Юнг
Рисунок Б. Семенова

1

— ДАЙ!
— НЕ ДАМ!
— ДАЙ!
— НЕ ДАМ!

Р-РАЗ!
ПОРВАЛИ ПОПОЛАМ.
ПОГЛЯДЕЛИ НА КАРТИНКУ —
КАЖДЫЙ ДЕРЖИТ ПОЛОВИНКУ.

Г. Сапгир
Рисунки Г. Ковенчука

4

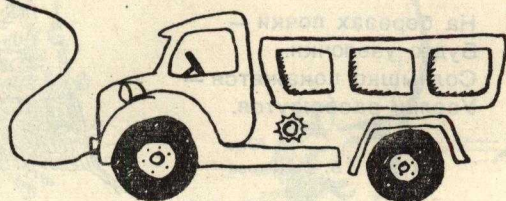
5

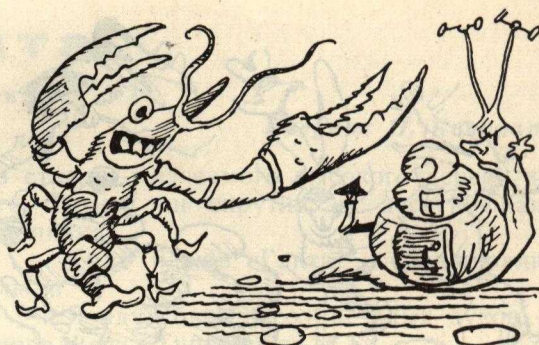
ШОФЕР

С. Коган
Рисунок
М. Беломлинского

Говорю я
Тете Вале:
— Я шофер
На самосвале!
Сам дровишек
Нарублю,
Подвезу —
И сам свалю.
Улыбнулась
Тетя Валя:
— Эй, шофер
На самосвале,
Сложишь
Все дрова
В сарай —
На заправку
Приезжай!

2

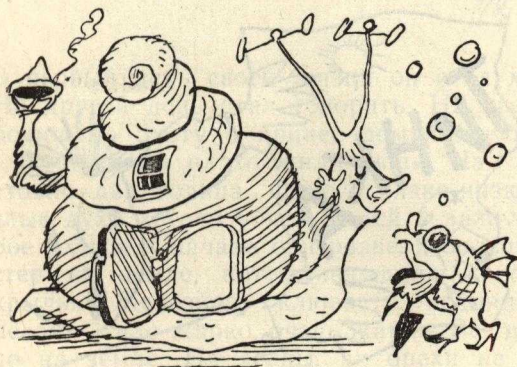
Но вот появляется
Враг,
Но вот появляется
Рак.

Клешни, как клещи,
Тянет зловеще:
— Здравствуй, хозяйка,
Вон вылезай-ка!

— Прощайте! —
Сказала улитка.
Хлоп!
И закрылась калитка.

Е. Серова
Рисунки В. Гальбы

7

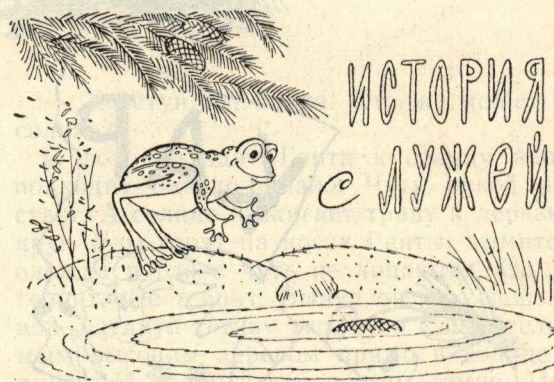

УЛИТКА И КАЛИТКА

У круглого дома
Открыта калитка,
Кивает знакомым
Хозяйка-улитка.

Маленькой рыбке
Дарит улыбки,
Крошечной блошке
Делает рожки.

6

ИСТОРИЯ С ЛУЖЕЙ

ИСТОРИЯ С ЛУЖЕЙ

Дунул ветер, упала в лужу еловая шишка,
и по луже разбежались Круги.
Все Круги как Круги: разбежались себе
и разбегались, а один Круг стал думать, за-
чем он разбегаются.

— Должна же быть цель в том, что я раз-
бегаюсь?

Этот Круг был очень умным Кругом, но и
он не успел ничего понять, потому что лужа
кончилась.

Ю. Степанов

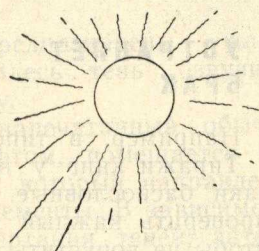
3

ПРО ТЕНЬ

Л. Тарасов

ЗАЩИТА ОТ ЗНОЯ

Вы знаете, как приятно укрыться в тени в жаркий летний день, особенно на юге. В южных странах люди выходят из дома с зонтиками. Боятся они не дождя, а солнца — тень носят с собой. Там зонти-

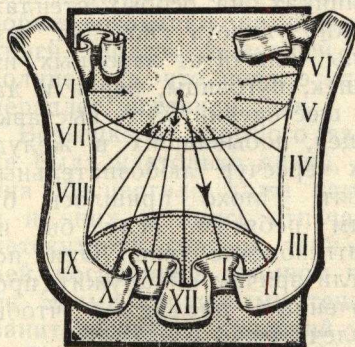
ки называют даже не «зонтиками», а «теневиками».

Но разве только в этом польза от тени?

ОПРЕДЕЛЯЕТ ВРЕМЯ

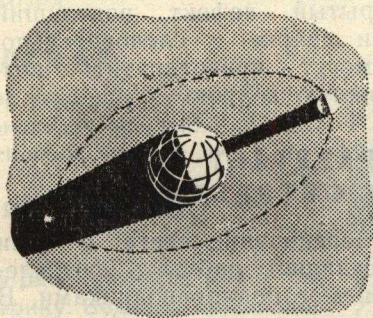
Присмотритесь внимательно к своей тени, когда вы идете утром в школу. Тень — длинная-предлинная — выша-

гивает впереди, и вы кажетесь себе великанами. А днем солнце поднимается высоко в небо, и тень делает из вас лилипутов. Это свойство тени изме-

нять свои размеры и направление в разное время дня, в зависимости от положения солнца, давно замечено людьми.

Они стали воздвигать в центре площадей высокие круглые столбы, и вокруг чертить окружности, разбивая их на двенадцать частей.

Так появились солнечные часы, стрелкой которых служила тень, механизмом — весь земной шар.

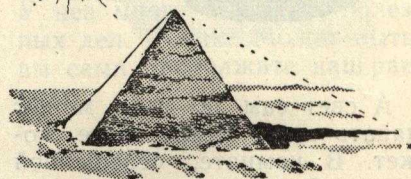
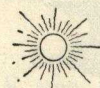
Рисунки В. Свешникова

Были солнечные часы величиной с девятиэтажный дом, были — карманные.

Надобность в солнечных часах миновала с изобретением заводных часов, а затем и электрических. Эти новые часы показывают время гораздо точнее.

ИЗМЕРЯЕТ ВЫСОТУ

Построенные в древнем Египте пирамиды поражали своими размерами, их считали одним из семи чудес света.

Однажды фараон приказал измерить высоту самой большой пирамиды — пирамиды Хеопса. Его ученые растерялись...

Как это сделать? Высоту пирамиды не определить, даже забравшись на ее вершину. Решил эту задачу остроумно и просто греческий ученый. И помогла ему тень.

Очертив вокруг себя окружность, радиус которой был равен его росту, ученый дождался, когда тень коснулась линии окружности. Значит, в этот миг тени от всех предметов, следовательно, и тень пирамиды, соответствовали их

высоте. Оставалось к найденной величине прибавить величину скрытой, подземной части (до центра сооружения), и высота пирамиды была определена.

Примерно так же с помощью теней измерены лунные горы.

ТЕНЬ СВЕТА

Тени возникают тогда, когда на пути направленного светового луча находится какая-то непрозрачная или полупрозрачная преграда.

А свет сам по себе может давать тень? Представьте, может. В комнате, освещенной восковой или стеариновой свечой, можно было наблюдать, как на стенах возникали тени от язычка пламени.

Особые приборы позволяют увидеть четкую тень от горящей спички, от дыхания человека, даже от тепла, идущего от руки. На экране становятся видимыми воздушные волны.

Такие приборы применяются в авиапромышленности. Вы знаете, что авиаконструкторы, прежде чем построить новый самолет, испытывают его модель в аэродинамической трубе. Под влиянием мощной струи воздуха возле крыльев возникают вихревые воздушные волны. Но они невидимы.

Увидеть их можно с помощью прибора: на экране появляется теневое кружево воздушных потоков. Теперь наблюдай и делай выводы: где увеличить изгиб крыла, где — убавить, как изменить форму.

ПОМОГАЕТ ВРАЧАМ

Рентгеновские снимки это тоже тени, запечатленные на фотоснимке. И очень полезные тени.

В некоторых детских поликлиниках, на особых стендах, можно увидеть гвоздики, шурупы, ключи от заводных игрушек, пуговицы, перья и даже шестеренки. Это выставка вещей, побывавших в желудках чересчур любознательных ребят. Плохо пришлось бы этим ребятам, если бы не рентгеновские тени. Они помогли врачам обнаружить проглоченные предметы, чтобы извлечь их.

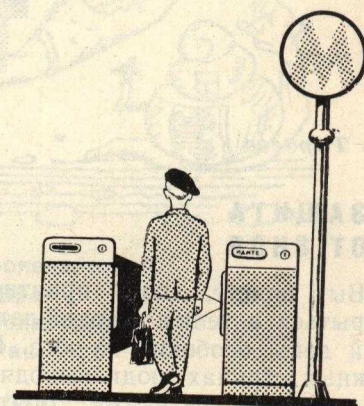
СЛУЖАТ КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЯМ

Всевидящие лучи рентгена свободно проникают через толстые листы металла. Этим свойством воспользовались строители кораблей, чтобы проверить, надежно ли сварены швы. Рентгеновские снимки обнаружат даже небольшой скрытый дефект, возникший при сварке, и, следовательно, помогут предотвратить возможную аварию.

РАБОТАЕТ В ФОТОЭЛЕМЕНТАХ

Чередование света и тени заставляет работать фотоэлементы с полупроводниками. В темноте полупроводники почти совсем не проводят электричества. Но стоит их осветить, они становятся проводниками. И чутко улавливают чередование света и тени.

Фотоэлементы с полупроводниками установлены на мно-

гих автоматах, где заменяют человеческие глаза и руки.

УСТРАНЯЕТ БРАК

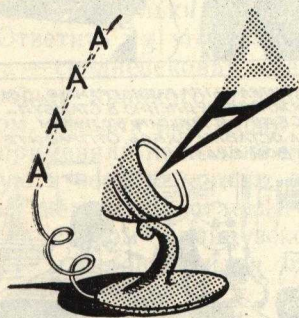
Например, в типографиях... Тиражи книг у нас прямо-таки баснословные. Попробуй проверить каждый экземпляр, чтобы не допустить перевернутых листов, перекоса, белых страниц, листов из другой книги.

Чтобы избавить читателей от подобных неприятностей, теперь на многих операциях в типографиях применяется зоркий страж — фотоэлемент.

На машинах, в том месте, где проходят еще не сброшенные листы, помещается глазок с полупроводником, и на него направляется лучик света. Листы пересекают этот лучик, затеняя его. На каждом листе — черная полоска. Когда она проходит лучик, тень от метки падает на фотоэлемент. Если величина и положение тени соответствуют размеру полупроводника, все в порядке: брака нет. Но стоит перекосить лист, перевернуть его или же положить страницу из другой книги, машина тотчас же остановится и оплошность будет устранена.

ЧИТАЕТ ВСЛУХ

Читать без освещения невозможно. Но есть приборы, которые позволяют в абсолютной темноте воспринимать напечатанное на бумаге: только не глазами, а на слух. Такие

книги предназначены для слепых. Здесь тень озвучивает книгу.

Текст, напечатанный обычным шрифтом, помещается в луч света, который направлен на фотоэлементы. В зависимости от очертания теней, затеняются одни фотоэлементы и освещаются другие. Прибор чутко отзывается на изменение рисунка тени и подает условные звуковые сигналы. Зная

код, их нетрудно перевести на общедоступный язык. Изучить этот шифр человек может за несколько часов.

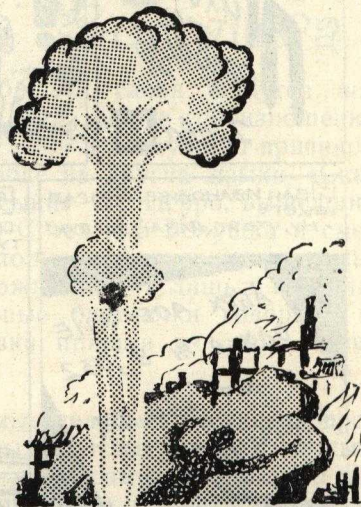
ОБЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ТЕНИ

Самые кошмарные тени на Земле — тени, оставшиеся на камнях Хиросимы после атомного взрыва. Люди испепелились, распались на атомы, растворились в воздухе, а на том месте, где они находились, навеки запечатлелись их тени. Они похожи на отпечатки, которые возникают на обложке книги, долго лежавшей на солнце: все, что попало на ее переплет, оставило тень.

Вспышка от атомного взрыва была настолько яркой, что она обесцветила даже камни, и на них остались отпечатки детских рук, головок, тени людей, погибших в атомном пекле. Этими страшными тенями заинтересовался японский ученый, профессор Сого Нагаока. Он собрал несколько тысяч обломков с запечатленными на них мрачными силуэтами.

Американцы хранили в строгой тайне многие сведения об атомном нападении, а «тени»

Хиросимы помогли раскрыть их. Ученый измерил высоту отпечатков, расположение теней и смог вычислить, на какой высоте взорвалась бомба, какой силы был взрыв.

Тени стали обличительной летописью ужасного преступления американской военщины.

* * *

Вот как «работает тень». У нее много и других полезных дел. Каких? Может быть, вы сами продолжите наш рассказ.

ИЗ ИНОСТРАННОГО ЮМОРА

ОПЫЛЕНИЕ

Учитель задает вопрос ученику:

- Каким образом происходит опыление цветка?
- Автомашинами! — отвечает ученик.

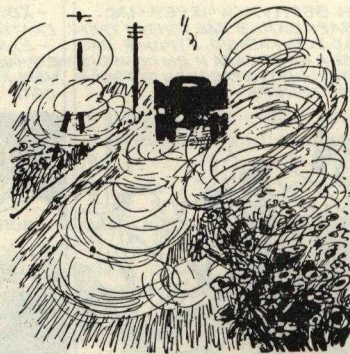
ХОРОШАЯ ПАМЯТЬ

Сын-школьник — отцу:

- Ты знаешь, бабушка рассказывала мне о том, как Колумб открыл Америку. Ведь это произошло четыреста лет назад!..

— Ну и что?

- Не правда ли, у бабушки изумительная память?

Ю. ЛОБАЧЕВ

Ураган

приходишь
на
помощь

Глава 4

- Чисто сработано: у них здесь вся документация.
- Что делать с этими? Забить?
- Оттяните в чащу. Об остальном позаботятся звери.

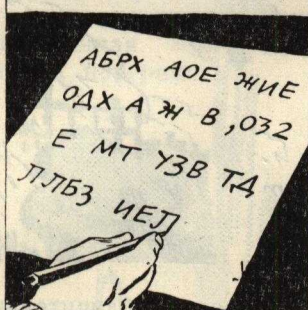

В ДОМИКЕ НА БЕРЕГУ МОРЯ ДВОЕ: РЫБАК И ПРИЕЗЖИЙ ДАЧНИК. ОНИ ТОЛЬКО ЧТО ВЕРНУЛИСЬ С РЫБАЛКИ

- И всё же непонятно, почему она не пришла?
- ИВАН ИВАНОВИЧ, ВАС!
- НАКОНЕЦ!

ИВАН ИВАНОВИЧ ЗАПИСАЛ ТЕКСТ:
- Ну, что ж, давай воздух!

ПАРУСНИК ВХОДИЛ В ТАВАНД.
- Севка, он и попадет же нам!.. Себа не ответил. Да и что тут ответишь?

ЩЕЛОВЕК, ВСТРЕТИВШИЙ ПАРУСНИКА, РАСПЛАТИЛСЯ С ХОЗЯИНОМ И ОТВЕЛ ПОТЕРПЕВШИХ КОРАБЛЕКУШЕНИИ К СЕБЕ.

- Да, из центра была радиограмма. Вот эта. Вам нужно немедленно в Стамбул... Мой Мерседес к вашим услугам.
- Матроса оставим здесь. Отправите его с первой оказией.

- Ваш родитель навверно волнуется. Зей-Час пойдем автомобиль большой город. Там узнаю, что делают с вами.

- Итак, Herr Oberst, каков план?
- До одиннадцати отдохнете. В час вылетите. Около четырех должен вернуться Джонс. И мы с ним продолжим.
- Без ребят?
- Почему? Вашу идею центр одобрил.

В Стамбул прибыли вечером.
- Но, children, вы отдохните с мистером Конрадом, а я пошлю узнать, что с вами делают дальше.

Капитан вернулся через час.
- Я разговаривал с вашим консулом телефоном. Всё есть карашо. Утром я вас отвезит авиа на Анкара и вы полетите домой. А это пакет - красивые одежды для вас. Но теперь - спайте!

- Хватит пить. Вам нужно ехать. Я вас отвезу.
- Ехать так ехать. Значит я становлюсь Иваном Ивановичем... Все же хорошо, что есть заложники!

А ЧЕРЕЗ ТРИ ЧАСА В КВАДРАТЕ 3-9А-2

- Вот и «воздух»! Точность как в аптеке.

Продолжение в следующем номере

Часы начинают бить... Золушка, вспомнив предостережение феи, в ужасе убегает из дворца, теряя одну из хрустальных туфельек... Хрустальных... Почему же именно хрустальных? Едва ли твердое и хрупкое

стекло годится для изготовления даже самой изящной туфельки.

Ответить на этот вопрос помогает геральдика — средневековая наука о гербах, не имеющая никакого отношения к обуви. Дело в том, что для раскраски гербов в средние века применяли не только красную, голубую, зеленую и черную краски, золото и серебро, но и два меха: горностаевый и беличий. Беличий мех в старом французском языке назывался «вер» и произносился одинаково со словом

«стекло», хотя оба эти слова пишутся по-разному. Именно это общее произношение разных по смыслу слов и послужило причиной ошибки при переводе на другие языки «Сказок Матушки Гусыни» Ш. Перро, вышедших впервые в 1697 г. С тех пор Золушка и сменила удобные меховые туфельки на хрустальные, в которых можно ходить лишь в сказках.

А ведь ее меховые башмачки говорили о том, что эта сказка пришла из очень далеких веков.

Американцы любят рекорды. Даже самые нелепые. Регулярно проводятся у них конкурсы, где выявляют самых толстых, самых глупых, самых прожорливых, самых безобразных и даже самых рыжих. Но никогда еще не выявляли в Америке самого зубастого человека. Впрочем, возможно, потому, что такой рекорд однажды уже был установлен. Чемпионом здесь оказался главнокомандующий американской армией во время первой мировой войны генерал Джон Першинг.

А дело было так. Вернувшись с театра военных действий в Вашингтон, храбрый вояка почувствовал зубную боль. Он направился к дантисту и вырвал шесть зубов. Казалось, генеральским мучениям пришел конец.

Но через пару дней, проезжая мимо магазина редких вещей, главнокомандующий увидел в витрине такое объявление:

«Вы можете стать счастливым обладателем зубов генерала Першинга. Купите один — и вам будет чем занять друзей! Интересно. Недорого. Штука — 5 долларов».

Генерал пришел в ярость. Он велел адъютантам немедленно скупить все его гнилые зубы, которыми торговали в Вашингтоне. Исполнительные адъютанты шелкнули каблуками и исчезли. Вернулись они только поздно вечером. Приказ был выполнен точно: адъютанты объехали все антикварные магазины столицы и истратили уйму денег, скупая зубы своего начальника. На генеральский стол они выложили 175 зубов. По пяти долларов каждый...

ЗАБАВНЫЕ ШАХМАТЫ

Знаменитый кубинец, чемпион мира с 1921 по 1927 год, Хосе Рауль Капабланка проводил сеанс одновременной игры. Один из участников, сдавая партию, спросил его:

— Скажите, пожалуйста, маэстро... Хорошо я играю?
— Неплохо, — ответил Капабланка, — но почему вы ни разу не ходили конями?
— Я, конечно, ходил бы, — услышал он в ответ, — если бы знал, как они ходят!

Известного чехословацкого гроссмейстера Рихарда Рети (1889—1929) кто-то спросил:

— Гроссмейстер, а чем, собственно, отличается слабый игрок от сильного?

— Видите ли, — ответил Рети, — где слабому игроку уже все совершенно ясно, там для сильного — все еще представляет тайну!

Сеанс одновременной игры, когда сеансер не смотрит на доски, а играет по памяти, называется сеансом «вслепую». Однажды в одном городе было объявлено, что немецкий гроссмейстер Фридрих Земиш проведет сеанс вслепую. В клуб пришла посмотреть на сеанс и одна пожилая дама. Она долго внимательно следила за гроссмейстером, а затем громко воскликнула:

— Это просто жульничество! Я ручаюсь, что он вовсе не слепой!

1. Как играл Хлестаков.

Белый король должен подобраться к полю h8. Но это ему не удастся, если он будет двигаться только по черным полям. Королю нужно, как говорят шахматисты, выиграть темп, а для этого ему необходимо побывать на белом поле. Из всех белых полей для короля безопасное лишь a8: только там ему не объявит шах черный слон.

Итак, король сначала направляется на a8: 1. Kpa1—b2 Kh8—g6 2. Kpb2—c3 Kg6—h8 3. Kpc3—d4 Kh8—f7 4. Kpd4—c5 Kf7—h8 5. Kpc5—b6 Kh8—g6 6. Kpb6—a7 Kg6—h8 7. Кра7—a8! Этим ходом король выигрывает темп и теперь сможет прорваться к полю h8, так как черный конь уже не в силах будет преградить ему дорогу. 7... Kh8—f7 8. Кра8—b8 Kf7—h8 9. Kpb8—c7 Kh8—f7 10. Kpc7—b6 Kf7—h8 11. Kpb6—c5 Kh8—f7 12. Kpc5—d4 Kf7—h8 13. Kpd4—e5 Kh8—f7+ 14. Kpe5—f6 Kf7—h8 15. Kpf6—g7 Kh8—f7 16. h7—h8—Ф Kf7: h8 17. Kpg7: h8, и теперь черные (сейчас или сначала отдав коня h1) вынуждены отойти слоном f1, а тогда белые играют Ф: g2X. Автор позиции В. Чеховер.)

2. Принципиальный человек.

Черные сумели сделать ничью так: 4... g7—h6 5. g5—f6 h6—g5! 6. f6: h4 h8—g7 7. h4—g5 c7—d6! 8. a5: e5 a7—b6 9. e5—d6 g7—h6 10. g5—f6 b6—c5, и белые выиграть не могут.

Раньше других правильные решения прислали:

Роза и Арик Ахмедшины (Усть-Каменогорск), Коля Тарарин (пос. Северный), Саша Гаврилов (г. Добрянка), Владик Кузнецов (Пенза), Олег Каминский (Одесса), А. Полкан (Астрахань), Лева Мосягин (Шарья), Александр Кулаков (ст. Трудармейка), шахматный коллектив «Юлий Цезарь» (Саратов), Леня Левченко (Харьков), Вася Лобач (Курганская обл., Чистовский совхоз).

Когда моему отцу было 27 лет, мне было 5, а теперь отец старше меня вдвое.

Сколько мне теперь лет?

На обложке рисунок Т. Капустиной
На третьей странице обложки рисунок Н. Муратова
На титуле фотозтиюд С. Спиридонова

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора).

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор В. А. Маевская

Технический редактор
А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37, телефон А-45 7-76.

М-08326. Подписано к печати 16/III 1966 г. Формат 84×108/16. Печ. л. 8+1.
6,57 усл., 8,8 уч.-изд. л. Тираж 300 000 экз. Заказ № 65. Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике № 1 Главполиграфпрома

ОБЕД

Дочь, вернувшись с уроков по домоводству, говорит матери:

— Сегодня мы приготовили к обеду самые различные блюда...

— И вам разрешили их съесть?

— Разрешили?! Нас заставили их съесть!!!

ДОЛГИЕ ПОИСКИ

Отец — сыну, вернувшемуся из школы в слезах:

— Что случилось?

— Меня сегодня наказали: я не мог найти наибольший общий делитель двух чисел.

— До сих пор его еще не нашли?! Прошло уже двадцать пять лет с тех пор, как меня спрашивали о том же!!!

Рисунки Н. Муратова

УЖЕ ЗНАЕТ...

Сын — матери:

— Мама, я опрокинул лестницу, которую отец установил в гостиной...

— Ни минуты не можешь посидеть спокойно! А если узнает отец?

— Он уже знает: он повис на люстре!

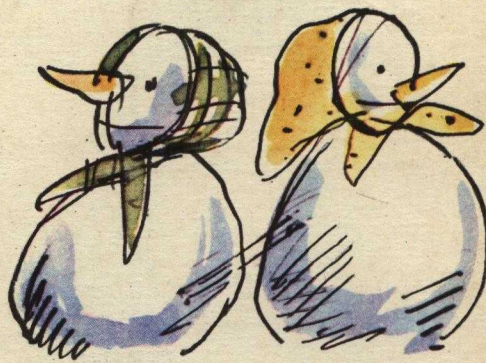
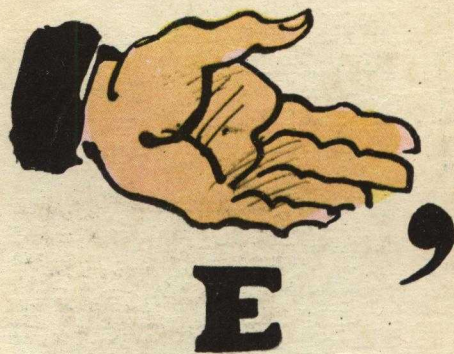
Е

РЕШИ РЕБУС

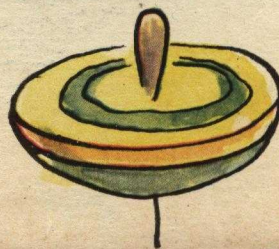
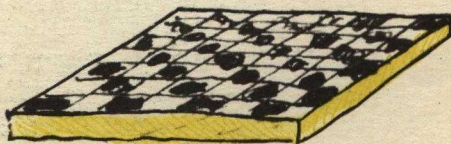
В = Б

Я

К = Т

е

КОСЯ ТЕРКИН
стал просматривать
содержимое редак-
ционного порт-
феля.

„И вот мы спели несколько песен, поели борщ и второе: курицу со свежим огурцом. А на третье было мороженое. Но вот все съедено, и, о горе! — уже въезжают в лагерь автобусы. Они въезжают один за другим, как танки на параде. Думаю, что надо как-то спастись. Вылез из-под танка. Смотрю: люки отирыты. Я обрадовался... Его разбудил взрыв, за которым мгновение спустя последовал сильный тол-

чок — „Санта Анна“ рухнула в море“. Ну, конечно же, страницы перепутались!

КАКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА САМОМ ДЕЛЕ ПРОИЗОШЛИ С САНЕЙ БУРТИКОВЫМ ИЗ ПОВЕСТИ В. ГОЛЯВКИНА „ТЫ ПРИХОДИ К НАМ, ПРИХОДИ!“, СТЕПКОЙ КОРШАТКИНЫМ ИЗ ПОВЕСТИ В. КУРОЧКИНА „КОРОТКОЕ ДЕТСТВО“, ДЖОННИ КЛИНТОНОМ ИЗ ПОВЕСТИ А. КЛАРКА „ОСТРОВ ДЕЛЬФИНОВ“

**ОБ ЭТОМ ВЫ УЗНАЕТЕ,
ЕСЛИ БУДЕТЕ ЧИТАТЬ „КОСТЕР“
ВО ВТОРОМ ПОЛУГОДИИ
1966 года**

